Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

БОЛЬШЕВИК

№ 4 28 ФЕВРАЛЯ № 4

ПОЛИТИКО-ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ДВУХНЕДЕЛЬНИК ЦК ВКП(б)

СОДЕРЖАНИЕ

1 9 2 9
МОСКВА
ИЗДАНИЕ ГАЗЕТЫ
„ПРАВДА“

Главлит № А—26578. Тираж 70.000.

Тип. газеты „Правда". Москва, Тверская, 48.

О предстоящей чистке партии.

«Коммунистические партии всех стран, где коммунисты ведут свою работу легально, должны производить периодические чистки (перерегистрации) личного состава партийных организаций, чтобы систематически очищать партию от неизбежно примазывающихся к ней мелкобуржуазных элементов».

(21 условие принадлежности к Коминтерну).

«Чистка партии, связанная с неуклонным повышением ее требовательности насчет работы действительно коммунистической, будет улучшать аппарат государственной власти и гигантски приближать окончательный переход крестьян на сторону революционного пролетариата».

(Ленин, т. XVI, «Великий почин коммунистических субботников»).

«Чистить партию, считаясь с указаниями беспартийных трудящихся,—дело великое».

(Ленин, т. XVIII, ч. 1, стр. 360).

Вопрос о чистке партии поставлен перед нами, как одна из важнейших задач, без правильного выполнения которой мы не можем развернуть как следует борьбу рабочего класса за социалистическое переустройство народного хозяйства. Напрасно думать, что чистка партии необходима в настоящее время только потому, что в нее проникли несколько десятков тысяч чуждых партии людей. Это только одна из задач чистки. Партия во все трудные моменты, на всех трудных переходах сознавала необходимость сделать свои ряды более твердыми, более монолитными, поднять политический и моральный уровень партийцев на высоту, необходимую для преодоления возникающих трудностей. Правда, всякая перерегистрация партии, всякая чистка партии имеет прежде всего задачей очищение партии от некоммунистических элементов, проникших в нее, и от элементов, разложившихся под влиянием мелкобуржуазного окружения. Так, давая инструкцию «по пересмотру, проверке и чистке личного состава РКП», центральная комиссия по проверке 1921 года в доказательство необходимости этой чистки приводила резолюцию X с'езда партии, где говорится: «В силу того, что в партию вошла некоторая часть мелкобуржуазных и необработанных в коммунистическом духе мещански-интеллигентских и полуинтеллигентских элементов, еще не переваренных партией; в силу того, что громаднейшая часть коммунистов-рабочих почти целиком поглощается потребностями развивающегося

советского строительства и вынуждена в значительной степени отрываться от непосредственной работы на фабриках и заводах, а также в силу больших потерь, понесенных партией на фронтах гражданской войны — создается крайняя необходимость в том, чтобы решительно повернуть рычаг партийной политики в сторону вербовки рабочих и очищения партии от некоммунистических элементов путем точного учета каждого отдельного члена РКП по выполняемой им работе, по должности, а также и как члена РКП» [1]).

Но партия очищается не только во время периодических чисток. Контрольные комиссии в процессе своей работы очищают партию систематически от негодных элементов, примазывающихся, разложившихся, злоупотребляющих своим служебным положением, идеологически невыдержанных. Примерно 2—4% состава партии ежегодно обновляется путем такой систематической чистки. Со времени X с'езда партия проделала огромную работу очищения своих рядов от идеологически чуждых ей элементов. Достаточно указать на то, что она выдержала борьбу за эти годы с такими идеологически чуждыми группами, как группы троцкистов, «Рабочей Правды», «рабочей оппозиции», мясниковцев, оссовщиной, сапроновщиной (децисты) и т. п. Эта борьба имела для периода легального существования нашей партии не меньшее значение, чем борьба с другими мелкобуржуазными уклонами и группами в период подпольного ее существования: рабочедельчеством, легальным марксизмом, экономизмом, меньшевизмом, ликвидаторством, бойкотизмом, отзовизмом, богостроительством и богоискательством и т. п. Да и самая чистка 1921 года была предпринята после дискуссии, потрясшей партию, после дискуссии ленинцев с троцкистами, «рабочей оппозицией» и «демократическим централизмом». Точно так же и после других дискуссий партия принимала меры к оздоровлению своих рядов, к проверке своих рядов, особенно на неблагополучных участках. Так были проверены вузовские и советские ячейки после дискуссии с троцкистами, так были проверены наиболее неблагополучные деревенские ячейки, когда обнаружились первые серьезные признаки искажения классовой линии в деревне.

Чистка 1921 года имела свои специфические особенности. К этому времени окончательно выяснились для широких рабочих и крестьянских масс политическая несостоятельность и чуждое классовое лицо таких партий, как партия меньшевиков, эсэров, бундовцев и т. п. Партии эти фактически ликвидировались. Социалистические элементы, бывшие в этих партиях, признав единственно правильный путь борьбы за социализм, вошли в состав большевистской партии. Но за небольшой прослойкой действительно социалистических элементов потянулись и беспринципные люди, для которых участие в работе правительственной партии имело другого рода притягательную силу. Вместе с несомненно преданными социализму людьми в нашу партию вошли

[1]) Резолюция X с'езда РКП(б), раздел V, пункт 21.

беспринципные карьеристы, шкурники. Поэтому инструкция по пересмотру личного состава партии 1921 года указывала, что «основная задача пересмотра, проверки и чистки личного состава партии заключается, во-первых, в том, чтобы удалить из ее рядов некоммунистические, непролетарские и равнодушные к интересам рабочего класса элементы, а, во-вторых,—исключить элементы, не поддающиеся экономическому воспитанию, особенно из тех, которые вступили в партию в последние годы революции—выходцев из буржуазии, чиновников старого режима и мещанских и интеллигентских слоев, посторонних пролетариату и чуждых партии. Партия должна освободиться от этих элементов, она должна это сделать самым тщательным образом, проверяя каждого в отдельности, опрашивая массу трудящихся, которые знают данное лицо по работе, по делу, по повседневному отношению к пролетарской революции, к советской власти и трудящимся массам и могут дать беспристрастный отзыв о каждом лице. Следует принять во внимание, что препятствия и гарантии от наплыва в партию некоммунистических элементов стали меньше, когда фронты стали ликвидироваться, когда точно выяснился крах надежд контрреволюции завоевать Советскую Россию военной силой. Этот период знаменуется вступлением в нашу партию отдельных групп, даже целых партийных течений других партий: меньшевиков, социалистов-революционеров, социалистов-максималистов, бундовцев и т. п., до этого колебавшихся или проводивших линию борьбы против советской власти и против коммунистической партии».

Социальный состав нашей партии за эти годы, несомненно, улучшился. Только за 4½ года после смерти Ленина в партию вошли 708 тысяч человек из пролетарских рядов, и в настоящее время партия, насчитывавшая в момент смерти Ленина 196 тысяч рабочих, насчитывает около 800 тысяч рабочих (по происхождению). В год смерти Ленина рабочие (по происхождению) составляли всего 44% по отношению к общему составу партии, в настоящее время они составляют 62% общего состава. Со времени смерти Ленина партия вообще значительно выросла, но более всего численно выросли за это время рабочие-коммунисты—на 308%; число крестьян за это время выросло на 114%; число прочих—на 99%. Несомненно, налицо значительное улучшение социального состава нашей партии за счет усиления пролетарского ядра, за счет вытеснения особенно неустойчивой части «прочих». Но, если период военного коммунизма с его необычайно суровой обстановкой военных фронтов гражданской войны, голодных пайков, коммунистических субботников и пр. и т. п., все же не мог уничтожить влияний мелкобуржуазной среды на отдельные прослойки коммунистов, подвергавшиеся разложению, если и в этот период нам пришлось во время чистки удалить около ⅓ нашей партии, как людей чуждых, примазавшихся, разложившихся, обюрократившихся и т. п., то период нэпа, несомненно, таит в себе не меньше опасности для членов правительственной партии,

Такие «дела», как смоленское дело, сочинское, артемовское и т. п., показали нам, какие глубокие опасности таятся для партии на этом трудном переходном этапе к социализму. Нэп дает нам возможность развертывать социалистическое строительство, но дает в то же время и известный простор развитию капиталистических элементов. На пути нэпа, на пути борьбы социалистических и капиталистических элементов, где решается вопрос—«кто—кого», классовый враг вырывает из наших рядов не одну жертву, подчиняя отдельных членов партии своему влиянию, заставляя их служить классово-чуждым интересам, извращать линию партии в угоду нэпману, кулаку. Задача, которая стояла перед нами всегда,—улучшение социального состава нашей партии за счет пролетарского ядра—затрудняется тем, что пролетарская масса в СССР крайне неоднородна, что она постоянно пополняется выходцами из деревни, привносящими в эту пролетарскую среду мелкобуржуазные, собственнические настроения деревни, засоряя рабочий класс и извращая пролетарскую идеологию. А между тем задача орабочения советского аппарата, задача выдвижения новых новых кадров рабочих на руководящие посты в партийном, советском, профессиональном и хозяйственном аппаратах вызывает необходимость постоянно отрывать новые и новые слои рабочих-коммунистов—производственников, рабочих от станка и переводить их на работу чисто-партийную, профсоюзую, административную и т. п. Поэтому и теперь, в 1929—30 году, задача укрепления наших рядов двусторонняя: с одной стороны,—вербовка новых кадров рабочих, с другой,—чистка от негодных элементов, при чем эта чистка должна исходить из общих задач, которые стоят перед партией рабочего класса.

Основная задача—социалистическая реконструкция хозяйства. Выполнение этой задачи требует усиления значения индустриального пролетариата и его прослойки в нашей партии, усиления значения крупных предприятий тяжелой промышленности в первую очередь, усиления работы партийной, профессиональной, культурной, особенно среди рабочих и работниц этих предприятий, вовлечения в партию новых кадров именно из этих рядов. Обеспечить ведущую роль индустрии — это значит обеспечить усиление в партии влияния этих слоев пролетариата. Борьба с бюрократизмом—также одна из важнейших задач на этом этапе. Бюрократизм является не меньшим препятствием на пути социалистического переустройства, чем наша культурная отсталость. Бюрократизм, правда,—детище этой отсталости, но он сам превращается в серьезнейший тормоз на пути культурного под'ема страны.

Вот почему и ноябрьский пленум ЦК ВКП(б) подошел к вопросу о чистке, как к двоякой задаче:

«Широкая вербовка рабочих,—читаем мы в постановлении ноябрьского пленума,—должна быть соединена со строгой проверкой

теперешнего состава партии и самой решительной чисткой его от социально-чуждых, примазавшихся, обюрократившихся и разложившихся элементов. С одной стороны, необходимы всяческие и особенно идейные меры борьбы против выходов из партии более отсталых, но преданных революции рабочих. С другой,—нужны усиленные и, по сравнению с последними годами, гораздо более твердые меры по очищению партийных организаций изгнанием из них элементов, использующих пребывание в правящей партии для своих корыстных и карьеристских целей, элементов буржуазно-мещанского перерождения, сросшихся с кулачеством и т. п.».

Но речь идет не только о городе: и деревня нуждается в серьезнейшей проверке своих рядов. Социалистическое наступление идет не только на нэпмана в городе, но и на кулака в деревне. Если доля частника в торговле и посредническом обороте страны сократилась примерно до 0,1% общего оборота, то в деревне роль частника-кулака, спекулирующего хлебом, держащего в своих руках еще значительную долю сельскохозяйственных орудий и товарного хлеба, гораздо значительнее. Кулак борется в деревне за ведущую роль по отнощению ко всему крестьянству. Если партия осуществляет союз с середняком, опираясь на бедноту и на батрачество в деревне, то кулак стремится подчинить своему влиянию и середняка и бедняка, пользуясь слабостью и ошибками нашей организации в деревне, неустойчивостью деревенских коммунистов, тем, что значительная часть их сама является мелкими собственниками. Кулак стремится через таких подкулачников-«коммунистов» оказать влияние на низовой советский аппарат, на кооперацию, на распределение кредитов и т. п. Поэтому ноябрьский пленум остановился особенно на задачах партии в отношении деревни. В резолюции о вербовке рабочих и регулировании роста партии дается прямое указание на необходимость проверки деревенских организаций. Мы читаем в этом постановлении: «В составе деревенских организаций все еще совершенно незначителен удельный вес пролетарских элементов, прямо ничтожен кадр колхозников. На ряду с этим в их составе в некоторых случаях значительна доля зажиточных крестьян, иногда и элементов, сблизившихся с кулачеством, разложившихся, совершенно чуждых рабочему классу. Это делает совершенно не отложной задачу решительного улучшения, коренной чистки и значительного обновления этих организаций. В национальных республиках и областях, где кадры пролетариата еще невелики, усиленное вовлечение батраков и сельскохозяйственных рабочих, особенно из местных национальностей, а также соответствующее улучшение социального состава организаций является одним из решающих условий социалистического строительства».

* * *

Таким образом, вырисовывается задача генеральной чистки. Правда, в печати появляются уже сейчас попытки ограни-

чить чистку. Раздаются голоса о том, что следует проверять только деревенские, советские и вузовские ячейки, что рабочие ячейки проверять нет надобности. В Центральную Контрольную Комиссию обращаются даже с предложениями проверять не целиком всю организацию и даже не целиком всю ячейку, «а только тех членов ячейки, которых нужно чистить... выявить же этих членов не так трудно путем бесед с секретарем, или, если не доверяют, то бюро. А какому секретарю, какому бюро можно доверять, в этом может помочь райком, так как ему-то уж известно, можно ли доверять бюро такой-то ячейки... а проверять всю ячейку из-за того, что там есть один-два, которых надо выбросить, то их и надо выбросить, а не всю ячейку отвлекать от работы...» Такие бюрократические проекты чистки, когда заранее нужно об'явить доверие бюро ячейки или райкому, конечно, ничего не дадут для оздоровления партии, для действительной проверки ее рядов. Дело предстоящего пленума ЦК и партийной конференции решить вопрос о том, нужно ли проверять в настоящее время всю организацию или только часть ее, надо ли ограничивать чистку партийных рядов какими-нибудь категориями партийных ячеек. Нам кажется, — назрела генеральная чистка партии. Если Ленин в 1922 г. на другой день после чистки партии, видя все ее недостатки и трудности, говорил о том, что он не предлагает новой чистки, так ведь это было 7 лет назад. С тех пор, конечно, слишком много накопилось болезненных явлений, требующих радикального лечения, требующих радикальной чистки партии.

Мы не предрешаем также вопроса о том, должны ли мы эту чистку проводить одновременно по всей стране с тем, чтобы закончить ее примерно к XVI с'езду партии в течение нескольких месяцев, или эта задача может быть растянута. Нам кажется, что нельзя растягивать эту задачу на несколько лет, тогда эта чистка теряет смысл. Между тем кое-где такие настроения есть, — не рассматривать эту генеральную чистку партии, как задачу одновременной проверки всей партийной организации. Так, на пленуме Иваново-Вознесенской губернской контрольной комиссии тов. Ракутин указал на то, что «президиум ГубКК высказывается за то, чтобы проводить чистку постоянно в порядке повседневной работы, привлекая к этому делу партийные и беспартийные массы». «Мы знаем,—говорил тов. Ракутин,—что такая система — куда труднее ударной чистки; но зато, товарищи, она и пользы больше принесет». Мы не закрываем глаза на то, что одновременная проверка партийных рядов, проверка полутора миллионов членов и кандидатов партии—дело необычайно трудное. К нему надо отнестись со всей серьезностью, подготовиться самым тщательным образом. Надо иметь в виду, что выполнение этой задачи отвлечет нас временно от другой работы, затруднит временно работу партии. Однако, перед этими трудностями мы не можем останавливаться, сдавать. Без такой серьезной операции беспощадной чистки партийных рядов от всякой гнили мы не можем

оставить партию на этом трудном переходе, не рискуя иметь в перспективе гораздо более тяжелые для нас страницы, чем смоленские, шахтинские, сочинские и проч. «дела».

В развертывающейся уже дискуссии по вопросу о том, кого нужно вычистить из партии, по каким болезненным явлениям особенно сильно ударить, мы видим, что кое-где слишком узко понимается задача очищения нашей партии. В общем все сходятся на том, что надо гнать из партии «чуждых людей», «разложившихся», обюрократившихся. «Северный Рабочий» (Ярославль) на вопрос о том, кого чистить, отвечает голосом рабкора с завода «Красный Маяк»: «Всех активно тормозящих самокритику, всех обюрократившихся и разложившихся коммунистов, всех сознательно невыполняющих норму партийной морали, всех сознательно извращающих линию нашей партии, всех социально-чуждых, примазавшихся к партии». Тут же газета приводит и «кандидатов первой очереди». Вот «красный помещик» Соловьев в селе Когачеве: «сын помещика, имел до революции 100 дес. земли, сад фруктовый до 3.000 корней. Все обрабатывал наемным трудом, платил рабочим по 10—20 коп. в день. Сейчас он живет в барском доме, купленном его отцом у графа Салтыкова вместе с землей, и крестьяне на него показывают пальцем: «Вона — новый «красный помещик»! Был раньше Салтыков, а теперь Соловьев». Вот другой «кандидат первой очереди»—гр-н Косенков, лишенный избирательных прав по списку Бурмакинского вика, как бывший городовой» [1]. «Вышка» (Баку, 15 января 1929 г.) советует: «Вон из коммунистической партии бюрократов, мещан, разложившихся». И дает, например, такое определение обмещанившихся: «Обмещанившиеся»—это те, для которых основное—спокойная жизнь, картишки и рюмка водки дороже партии, дороже общественной работы, дороже всего на свете. Обмещанившиеся—это те, которые живут только для собственного благополучия. Им скучно среди коллектива, им скучно работать, им хочется только жить в свое удовольствие, чтобы никто им не мешал и чтобы никто их не тревожил». Если в первом случае (Ярославль) делается упор на классовую линию, то во втором упор делается на этику, на быт. Сталинградская газета «Борьба» ставит также несколько иную задачу. Под заголовком «Антипартийные элементы» идет статья о чистке ячеек «от богомольников и пьяниц». И самые заголовки отдельных заметок указывают, в какую сторону направляется тут прежде всего внимание: «Герои пьянок и подхалимства», «Убеждает не словами, а гирей», «Обожатель винных оргий», «Буян-истязатель», «Хулиган с партбилетом» и т. п. Нет спора — партии придется ударить очень крепко по элементам, подвергшимся серьезному бытовому за-

[1]) «Северный Рабочий» № 32, от 30 января 1929 г.

гниванию, и резолюция ноябрьского пленума на это обращает внимание. Она указывает на то, что «необходимо ударить по таким явлениям и прямо язвам в коммунистической среде, как факты «бытового загнивания», распущенности и пьянства, угодничества и подхалимства перед «верхами», замазывания прямых безобразий и фактов сращения с кулацко-капиталистическими слоями населения отдельных элементов из наших органов». Но, повидимому, слишком узкий подход к чистке, подход с точки зрения главным образом борьбы с компрометирующими партию бытовыми явлениями имеет место в отдельных организациях. Надо беспощадно вырвать из рядов партии такого рода элементы, которые способны организовать «кабуки», это позорище, каким запятнала группа партийцев Московский губотдел союза строителей. До какого надо дойти разложения, чтобы выработать такой устав: члены общества должны «стоять на платформе общего пьянства, свободной любви и всемерно содействовать пьянству и разврату, содействовать друг другу в деле осуществления своих физических потребностей. В случае арестов в пьяном виде и нахождения в отделении милиции — выручать всеми средствами и выручить. Вовлечь в общество всех подходящих сотрудников и работников Мосгуботдела строителей; организацию поставить более серьезно; ввести дисциплину строжайшую и соблюсти полную конспирацию». Однако, нам кажется, что главное внимание партии должно быть обращено во время чистки на борьбу с элементами классового извращения, на борьбу с классово-чуждыми элементами. Тов. Сольц, выступая на собрании актива в Ставрополе, указал, что «в основу очищения рядов партии будут положены не отдельные проступки партийцев, а общая пригодность каждого партийца к дальнейшей работе в партии» [1]). Нам кажется правильной такая постановка вопроса с одной оговоркой: «отдельные проступки» партийцев могут быть такими, что исключают возможность использования совершающих их партийцев на дальнейшей работе в партии. Но, повторяем, главное внимание партии придется обратить на чистку партии не только от элементов бытового загнивания, но и от элементов классового загнивания. Иногда эти элементы неразрывны: начинается с бытового загнивания, с пьянки, с безудержной ни с кем и ни с чем не считающейся половой распущенности, а затем в пьяном угаре человек теряет свое партийное лицо, классовое лицо. Такими сообщениями о потерявших лицо партийцах (а многие никогда его и не имели) теперь полна наша печать. «Прииртышская Правда» (Семипалатинск) указывает на то, что в партийной организации есть товарищи, для которых «корова дороже производства». Партийцы заняты больше всего собственным хозяйством; почти у каждого из них по две коровы с лошадью. «Посудите, когда заниматься просвещением и производством? — спрашивает газета, — даже нехватает времени на уход за скотиной. Хозяйственное обрастание коммунисты ценят выше производственных интересов». Вот «байские приспешники» Чингиставского района (Семипалатинской губернии): «На первом месте здесь стоит связь партийцев с чуждым, байским элементом. Во время конфискации и выселения крупных баев-полуфеодалов семь партийцев приняли активное участие в выдаче хороших рекомендаций, в ходатайстве об оставлении баев... Комсомольские ряды засорены байским элементом, также по примеру партийцев комсомольцы в числе девяти человек ходатайствовали об оставлении выселенных баев». «Правда Востока» (Ташкент) приводит пример чистки в Среднем Чирчике. Комиссия, работавшая в Среднем Чирчике, исключила из партии 60 человек, из них трех секретарей ячеек. «Эти 60 человек являются баями, имеющими не одну десятину скрытой от земельной реформы земли. Есть среди них ишаны, торговцы, ростовщики, растратчики и т. п. элементы». Мы знаем, что найдутся люди, которые злорадно будут указывать пальцами на эти наши язвы и скажут: видите, во что превратилась коммунистическая партия после Ленина! Но мы напомним этим людям, что чистка 1921 г. при Ленине очистила партию от 30% таких элементов, а 60 человек в такой организации, как Чирчики, где нет промышленного пролетариата, составляет 24% организации. Мудрено ли, что там, где партия вербовала свои элементы из мелкобуржуазных, малокультурных сил Востока, в нее проникли классово-чуждые элементы? Мудрено ли, что там имелись такие ячейки, как, например, Кумская, «которая являлась базовой ячейкой местных баев и мулл, где исключено 55% ее состава—то же самое и по ячейке Урта-Сарай». Мудрено ли, что в такой организации на 250 человек нет ни одного батрака, пролетария, а были обнаружены «батраки», которые имеют по 40 десятин земли и сами нанимают батраков? Мудрено ли, что в работе районного комитета прежнего состава и общественных организаций проводилась байская классовая линия недопущения в партию батраков, вовлечения комсомольской организации в байскую группу, борьба за ликвидацию завоеваний зем. реформы и т. д.? На IV окружной Сибирской партийной конференции тов. Ноздрин указал на то, что 45% деревенских коммунистов совершенно не связаны с сельским хозяйством. «По произведенному обследованию 6 районов (из 20) оказалось, что бедняков в сельячейках у нас только 5—6%, в среднем батраков по отношению к сельской части организации 0,5—0,9%, а по отношению ко всей окружной организации только 2,3% и в то же время кулаков в сельской части организации насчитывается 7—8%» [1]). В «Советской Степи» (Кзыл-Орда, 4/I—29 г.) читаем о роспуске сай-

[1]) «Известия ЦИК» от 30 января 1929 г.

[1]) «Советская Сибирь», 20/XII—1928 г.

рамской парторганизации. Комиссии Сырдарьинского окружкома: «выяснилась картина полнейшего разложения организации. Работа райкома партии и ячеек была подчинена интересам группировок, особенно по вопросам приема в партию, перемещения и назначения работников и проведения партийных решений. За группировщиками же скрывались баи и духовенство, которые использовывали в своих интересах партийный и советский аппараты, кооперацию и суд. Районный комитет партии и даже бюро РК оказались засоренными чуждыми и преступными элементами. Рост парторганизаций, как выяснилось, шел под руководством байства и духовенства. Байство и духовенство, фактически захватив руководство, активно начали проводить свою классовую линию в работе советов, суда и кооперации в ущерб интересам бедноты. В результате кредиты и льготы предоставлялись баям и другим чуждым элементам, а бедноте... необеспеченность льготами, переобложение налогом, зажим». Таковы практические «достижения» руководства байства и духовенства в Сайрамском районе. Окружком партии и окрКК решили: распустить сайрамский РК ВКП(б) и создать райоргбюро. Провести чистку сайрамской парторганизации, организовав вокруг этого широкие партийные и беспартийные массы. Предложить оргбюро организовать обсуждение решения окружкома по сайрамскому делу во всех ячейках, чтобы это обсуждение явилось началом самоочистки организации от явно разложившихся байско-ишанских элементов.

«Рабочий Край» (Иваново-Вознесенск, 27/I—29 г.) сообщает о результатах обследования Словинской парторганизации (крестьянской). В ней оказалось рабочих и батраков 8%, крестьян-бедняков—18,4%, крестьян-середняков—34,7%, служащих 38,9%, а между тем в волости — 380 чел. батраков. «Процветают пьянство, крупные растраты, исполнение религиозных обрядов, крещение детей, отправление христианских праздников, венчания и т. п.». Мудрено ли что такая партийная организация не ведет классовой борьбы в деревне?

Эти примеры показывают, насколько серьезно назрела чистка партии, особенно в деревенских ячейках. Можно бы привести бесчисленные примеры такого извращения партийной линии отдельными членами партии и отдельными организациями партии в деревне, которые показывают, что мы не можем опереться на такие партийные организации в проведении нашей партийной линии, не можем проводить успешно ни хлебозаготовок, ни правильно организовать перевыборы советов, а тем более проводить социалистическое переустройство деревни. Такие партийные организации просто-напросто не пользуются никаким авторитетом в деревне, никаким влиянием. «Трудовой Путь» (Армавир, 31/I-29 г.) сообщает, например, что в станице Ново-Владимирской при перевыборах советов беднота и середняки не провели в совет ни одного местного коммуниста. Причины? «Секретарь ячейки—сын попа, брат его и сейчас служит попом в другой станице, другой брат, секретарь комсомола, производит незаконные обыски и покрывает самогонщиков. Остальные выставленные кандидаты тоже оказались опороченными. Благодаря такому составу ячеек здоровые коммунисты оказываются затертыми, и в целом ячейка во время перевыборов провалилась». В другой станице Ново-Бекетовской секретарь ячейки покрывает самогонщиков. Секретарь ячейки Ново-Дмитриевской состоит в кулацком коллективе, вместе с кулаками пьянствует. Кулаки над ним и над ячейкой издеваются. Куда пойти дальше, когда кулак говорит секретарю ячейки: «Вот на, Егор, становись на все четыре, а я на тебе ездить буду!». Понятно, что в этой станице обнаглел кулак».

Особенно партии придется обратить внимание на участие деревенских коммунистов в коллективном строительстве. Сплошь и рядом теперь появляются заметки и указания на то, что «коммунисты» в деревне не хотят принимать участия в строительстве коллективов. Само собой разумеется, что если нет налицо условий для создания коллектива, то мы не можем требовать от коммуниста, чтобы он во что бы то ни стало его строил, но мы можем требовать от коммуниста, чтобы он помогал и участвовал в организующихся коллективах не только языком, но и на деле. А то вот крестьяне говорят: «Вы только языком треплете: колхозы, колхозы, а как самим войти, так вас Митькой звали!»[1]). Или вот в Томском округе: «По вопросу о коллективизации некоторые партийцы говорят: «Мы приветствуем коллективизацию, но сами в коллективы не пойдем. И не идут»[2]). Понятно, что такие «коммунисты» «не видят» классовой борьбы в деревне и «не видят классов». Такие «коммунисты» в день 11-летия Октября устраивают вместе с кулаками и лишенцами пирушку, а беднота на другой день говорит: «Вот как наши товарищи бросают звание коммуниста под ноги кулаку»[3]). Такие «коммунисты» доходят до того, что говорят: «Вся беднота—лодыри! Я ничего общего с беднотой не имею, пусть лучше в кооперацию вступают зажиточные, чем бедняки»[4]). Такие «коммунисты» могут вполне рассчитывать на то, что они будут исключены из партии в предстоящую чистку. И хорошо, если еще до чистки партийная общественность выявит таких «коммунистов», облегчив тем дело чистки. Такую работу мы уже наблюдаем в местной печати, при чем эта предварительная кампания проходит кое-где не без некоторой талантливости. «Советская Деревня» (гор. Саратов) очень недурно изображает такого «будущего кандидата на исключение» торговца Безрукова, которого вытаскивают из ячейки на холстинке, а под карикатурой подпись: «Судьба играет человеком, а особливо торгашем. Вчера Безруков был отсеком, а завтра голоса лишен». Газеты приводят очень яркие типы оку-

---

[1]) «Завод и Пашня». Саранск, 24/I—29 г.
[2]) «Красное Знамя», 29/XII—29 г., Томск.
[3]) «Наша Правда», Козлов, 30/I—29 г.
[4]) «Вятская Правда», 17/I—29 г.

лачившихся, «потерявшихся в волнах пьяного моря» и в городе и в деревне, мазуриков, авантюристов, явных кандидатов на вылет из партии. Только нельзя ли их, этих явных кандидатов на вылет из партии, изгнать еще до чистки?

Чистка партии должна усилить тягу в партию пролетарских, батрацких элементов и лучшей части бедняков деревни. Чистка партии должна помочь укрепить работу организации, проверить работу каждой ячейки, создать более здоровые, товарищеские отношения внутри ячейки и укрепить доверие к партийной организации со стороны окружающего трудового населения. Чистка партии должна повысить чувство ответственности каждого партийца, она должна поднять уровень политических знаний. Этим мы вовсе не хотим сказать, что поднятие уровня политических знаний должно итти сейчас в ударном порядке. Мы знаем, что такое понимание кое у кого есть, что кое-кто понимает эту задачу так, что надо подзубрить политграмоту, просмотреть устав партии, программу партии, немножечко по верхам пройти историю партии[1]). Мы понимаем дело не так. Чистка партии, подготовка к ней должны создать такую обстановку, которая заставит каждого партийца проверить самого себя, заставит его и в дальнейшем более внимательно относиться к событиям политической жизни, к событиям партийной жизни и жизни Коммунистического Интернационала, глубже заинтересоваться проявлениями классовой борьбы в деревне и в городе, более сознательно принимать участие в ней. Чистка партии должна усилить борьбу с бюрократизмом, повысить активность каждого члена партии и партийной организации в целом. Чистка партии должна усилить связь с массами, она должна поднять авторитет партийной организации в глазах беспартийной рабоче-крестьянской массы. Это тем более будет достигнуто, чем активнее каждый партиец и партийная организация в целом примут участие в социалистическом переустройстве промышленности и сельского хозяйства, в поднятии трудовой дисциплины. Чистка партии должна заставить нас изгнать излишества, ударить самым серьезным образом по бытовому загниванию. Попутно чистка партии должна дать нам проверку правильности руководства ячейки, правильности партийного руководства во всех областях нашей работы.

Само собой разумеется, что такая чистка партии должна поднять огромную волну самокритики. В процессе проверки самокритика должна ударить по всем больным местам нашей работы. Нечего и говорить о том, что чистка партии будет тогда только действительной, когда мы привлечем к этому делу беспартийные массы. Ленин считал, что такое привлечение беспартийных трудящихся к делу чистки «даст нам серьезные результаты. Оно сделает партию гораздо более сильным авангардом класса, чем прежде, сделает ее авангардом, более крепко связанным с классом, более способным вести его к победе среди массы трудностей и опасностей»[1]). «Есть места,—писал Ленин,—где чистят партию, опираясь главным образом на опыт, на указания беспартийных рабочих, руководясь их указаниями, считаясь с представителями беспартийной пролетарской массы. Вот это—самое ценное, самое важное. Если бы нам действительно удалось таким образом очистить партию сверху донизу, «невзирая на лица», завоевание революции было бы в самом деле крупное».

Однако, нам нужно иметь в виду, что партийные организации ни в коем случае не должны во время чистки плестись в хвосте беспартийной массы. Нужно иметь в виду предостережение, которое давал Ленин как раз по этому поводу: «Конечно,—писал Ленин,—не всем указаниям массы мы подчинимся, ибо масса тоже поддается иногда, особенно в годы исключительной усталости, переутомления чрезмерными тяготами и мучениями, настроениям нисколько не передовым»[2]). Кроме того, не следует забывать и того обстоятельства, что на местах могут быть сделаны очень большие ошибки при чистке партии, против которых также Ленин предупреждал, когда указывал, что во время чистки 1921 года очень широко имело место «сведение личных и местных счетов на местах при осуществлении чистки партии». А между тем, уже сейчас появляются такие проекты чистки партии, которые совершенно не берут во внимание этот опыт и особенно опыт чистки 1921 года. Например, Ю. Ларин в «Правде» предлагает не больше, не меньше, как исключить из партии всех тех, кто по различным поводам исключался до этой чистки и был восстановлен высшими контрольными инстанциями партии. Это значило бы организовать недоверие к высшим контрольным органам партии с самого начала чистки партии, это значило бы усилить те опасные тенденции, на которые указывал Ленин—участие местных и личных моментов в чистке партии, иногда совершенно непринципиальных, это значило бы заранее обеспечить закрепление всевозможных ошибок, неизбежных при чист-

---

[1]) В частности, говорят, «лихорадят» вузовцы: скорее бы уж чистили, мол! Эта «лихорадка» мешает даже заниматься. Мы отнюдь не думаем, что чистка партии должна висеть дамокловым мечом над каждым партийцем. В частности, надо в отношении сроков принять во внимание, что чистка не должна нарушить хода работы той или иной категории партийцев: сельскохоз. работ (посева, пахоты—в деревне). сдачи зачетов—в вузах и т. п.

---

[1]) Ленин, т. XVIII, ч. 1, стр. 360.

[2]) Ленин, т. XVIII, ч. 1, стр. 360.

ке партии. Такого рода проекты должны быть самым решительным образом отвергнуты с самого начала.

Особенно велика должна быть роль печати в чистке партии. Печать—могучее орудие нашей общественности. Чем глубже она проникает в массы, тем более острым орудием борьбы за исправление всевозможных ошибок нашей работы она становится. Но при неправильной установке она может стать столь же могучим орудием искривления всей нашей работы в период чистки, путем неправильного освещения стоящих перед нами задач, одностороннего освещения этих задач, особенно если она сосредоточит внимание на какой-нибудь наименее ценной стороне дела, если она за узкими местными задачами не увидит гораздо больших общих задач, стоящих перед партией в период чистки ее рядов.

Партийным организациям предстоит большая работа, которую они должны начать уже теперь на основе краткого общего указания, данного Центральной Контрольной Комиссией, и решений ноябрьского пленума ЦК. Необходимо тщательно подготовить руководство проверкой и в этом смысле заранее самым тщательным образом подобрать состав проверочных комиссий. Эти проверочные комиссии должны изучить опыт всей прежней работы по проверке и чистке партии, внимательно продумать план всей работы на местах, изучить по имеющимся материалам состояние местных партийных организаций, которые предстоит проверить. А ошибки могут быть очень большие, если не уяснить правильно, какие задачи ставит себе чистка и проверка рядов партии, какие требования надо пред'являть к партийной организации в целом и к данной ячейке (фабрика, деревня, отсталые национальности), какие требования надо пред'явить к данным слоям трудящихся (работницы, батраки, сельскохозяйственные рабочие, коммунист-крестьянин, комсомолец и т. п.). Учитывая прошлый опыт, необходимо особенно позаботиться о том, чтобы обвинения, выдвигаемые против того или иного коммуниста, были тщательно проверены, чтобы чистка и проверка стояли на определенном принципиальном уровне, чтобы она избегла мелочности в подходе, черствости подхода, шаблона, формализма. Чистка партии должна создать более здоровую товарищескую обстановку взаимного доверия членов партии друг к другу и большего доверия трудящихся масс к партийной организации.

Мы знаем, что враги будут злорадствовать по поводу того, что в наших рядах окажется по меньшей мере несколько десятков тысяч примазавшихся, разложившихся, мазуриков, негодяев, о которых Ленин говорил, что таких людей надо расстреливать. Но с какой радостью приняла бы всех этих мазуриков и разложившихся людей любая буржуазная партия для того, чтобы бороться против коммунистов! Они составили бы «украшение и гордость» любой буржуазной партии—как раз те, кого мы беспощадно выбросим из рядов нашей партии в период предстоящей чистки! Нас не должно смущать злорадство

наших врагов. Но мы не должны им давать излишних поводов к этому злорадству, и поэтому мы не вынесем на суд наших классовых врагов вопрос о том, можно ли оставить того или иного партийца в нашей партии. Нам дорого мнение об этом близких нам по классу людей—беспартийных рабочих, батраков, крестьян, с которыми рабочий класс закрепляет союз—и мы будем ценить мнение этих элементов о наших партийцах.

Несмотря на все трудности, которые стоят перед нами в период такой чистки, мы ее проведем и укрепим нашу партию так, как это необходимо для выполнения грандиозных задач социалистического переустройства, стоящих перед Страной Советов.

Ем. Ярославский.

О двурушничестве вообще и двурушниках-троцкистах в частности.

Дуалистическая природа двурушника.

Самый отвратительный тип в революции это—двурушник. Откуда он? По большей части двурушник отражает дуалистическую природу мелкобуржуазных прослоек, идущих рядом с пролетариатом, колеблющихся то в сторону пролетариата, то в сторону буржуазии. Двурушник—«и нашим и вашим». В моменты революционного под'ема он—100%-ый революционер, идет вместе со всеми на штурм, иногда вполне так, как полагается крепкому большевику. Как только начинается спад революционной волны, или начинаются колебания в попутчиках пролетариата, этот тип начинает обнаруживать все признаки шатаний и колебаний, В период величайшего под'ема первой русской революции он провозглашает «несуразно левую» перманентную революцию (Ленин). Революционная волна проходит—он пускается на самые низкопробные блоки с ликвидаторами партии, с меньшевиками, сколачивая августовский блок против большевиков. В октябре 1917 года он—на гребне революционной волны; в период Бреста он выдвигает теорию—«ни мир, ни война», «войны не ведем и мира не подписываем» Как только намечаются серьезные трудности, для него уже «кукушка прокуковала последние часы советской власти».

Это вовсе не личные свойства Троцкого или другого революционного героя мелкой буржуазии. Это—свойство самой мелкой буржуазии. Троцкисты и им подобные на всем протяжении истории нашей революции и были типичными представителями этой колеблющейся мелкой буржуазии. Эта мелкая буржуазия может быть порой очень революционно настроена, необычайно даже лево, ультра-лево. Это особенно подчеркнул Ленин в статье «Детская болезнь «левизны» в коммунизме». В главе «В борьбе с какими врагами внутри рабочего движения вырос, сложился и окреп большевизм», Ленин отмечает, что «большевизм вырос, сложился и закалился в долголетней борьбе против «мелкобуржуазной революционности», которая смахивает на анархизм или кое-что от него заимствует»... «Теоретически для марксиста вполне установлено,—и опытом всех европейских революций и революционных движений вполне подтверждено, что мелкий собственник и мелкий хозяйчик (социальный тип во многих европейских странах имеющий очень широкое массовое представительство), испытывая при капитализме постоянно угнетение и очень часто невероятно резкое и быстрое

ухудшение жизни и разорение, легко переходит к крайней революционности, но не способен проявить выдержки, организованности, дисциплины, стойкости. «Взбесившийся» от ужасов капитализма мелкий буржуа это—социальное явление, свойственное, как и анархизм, всем капиталистическим странам. Неустойчивость такой революционности, бесплодность ее, свойство быстро превращаться в покорность, апатию, фантастику, даже «бешеное» увлечение тем или другим буржуазным «модным» течением,—все это общеизвестно»...

Троцкисты — это типичные представители такого «взбесившегося» мелкого буржуа, взбесившегося в нашей стране не от ужасов капитализма, а от трудностей преодоления капитализма для-разоряющихся и для разорившихся слоев мелкой буржуазии, деклассированного мещанства, сокращенных служащих, «бывших людей», детей торговцев и проч. и т. п.

Мы не раз приводили цифровые данные, свидетельствующие о том, что и социальный состав троцкистских групп чрезвычайно близок к такой характеристике. Это не исключает того, что среди них мы находим и часть рабочих, потому что и часть рабочих испытывает на себе влияние крестьянства и других мелкобуржуазных слоев.

«Две души» живут в сердце двурушника. Вот этот двурушник с двумя душами одной рукой голосует за линию партии, а другой строит фракционную организацию, поддерживает всякие антипартийные течения. Двурушник лицемерно стоит перед конгрессом Коминтерна и говорит: раз партия приказывает, я держу руки по швам. Права или не права партия, но это моя партия. А в то же самое время он, этот двурушник, строит подпольную организацию, поддерживает всякие антипартийные настроения. Впрочем, двурушник не обязательно должен сознательно изменять партии. Он суб'ективно иногда убежден в том, что он помогает партии, он иногда искренне колеблется. Но ведь партии-то не легче от того,—искренне ли данный товарищ колеблется, искренне ли он примыкает к той или иной партийной или антипартийной группе, или он сознательный двурушник.

Там, где дело заходит так далеко, что приводит к созданию фракционной организации внутри партии, двурушничество получает организационную базу для своего проявления. У фракционера два лица: одно лицо перед своей фракцией, тут он может распоясаться во-всю. Тут он может говорить о партии самые гнусные вещи, среди своих единомышленников он может сбросить личину партийности, какую он надевает тогда, когда выступает перед партией, перед рабочим классом. Перед рабочим классом он себя называет членом ВКП(б),—в своей фракции он над ВКП(б) издевается. Мясниковец остается внутри партии, имеет партийный билет в кармане, выступает на собраниях, как член Всесоюзной коммунистической партии, а у себя, в своей фракции, он член РКПР (рабочая коммунистическая партия России). Сапроновец, дэцист, член ВКП(б), покуда его не исключили, а внутри своей фракции он ярый враг ВКП(б), для него партия—труп, который надо скорее убрать с дороги. Троцкист выступает под флагом большевика-ленинца, но когда троцкисту приходится работать в своей фракции, он может «хоть с чертом и его бабушкой» работать против партии, он помещает свои статьи рядом с коршистами, рядом с социал-демократами, потому что только в этих условиях он может бороться против большевистской партии (как бы он ее ни называл). Фракционная организация закрепляет двурушничество как принцип. Беспринципный оппортунизм становится второй природой фракционера, это и есть основной принцип его деятельности. Особенно это можно иллюстрировать на примере троцкистов.

Два лица троцкизма.

Читатель простит нам несколько длинные цитаты из очень интересного документа Л. Троцкого, который мы однажды цитировали. Документ этот— доклад на общегородском собрании партийной организации в городе Запорожье 1 сентября 1925 г. Издан он Троцким в 1926 г. [1]). Троцкий назвал этот свой доклад докладом «О наших новых задачах».

Как же представлял себе «наши новые задачи» осенью 1925 года, накануне создания об'единенного антибольшевистского блока 1926—27 г. мастер этого блока?

Раз это—новые задачи, то, стало быть, они должны определять политику партии на ближайшие годы, по крайней мере. Какие же вопросы ставил тогда Троцкий? Основная тема, которой посвящен доклад, такова: «Все наши практические задачи мы обязаны на каждом новом этапе, на каждом новом повороте проверять: а не сбиваемся ли мы с социалистического пути, приближаемся ли к социализму или удаляемся от него» (подчеркнуто нами).

Как же отвечает на этот вопрос Троцкий, который впоследствии стал утверждать вместе со своей фракцией, что с 1923 г. происходит свертывание социализма, отказ от социалистического пути развития.

«Последние мероприятия партии, — читаем мы у Троцкого, — в области крестьянской политики обозначают расширение рамок для товарно-капиталистических отношений в деревне. Это несомненный факт. От раскулачивания кулака во время военного коммунизма наша партия и советская власть ходом вещей вынуждены были притти к допущению в деревне накопления капитала, который мы прежде называли кулацким, а теперь вернее было бы назвать фермерским капиталом. Слово «кулак» связано с отношениями еще полукрепостного порядка, с засильем помещика, исправника. У нас же сейчас образуется в деревне собственник, фермер нового типа. Конечно, мы можем по старой памяти называть кулаком, но гораздо правильнее назвать его фермером капиталистического типа. В основе своей это явление чревато опасностями, на которые никто из нас не закрывает глаза» [2]). Итак, **новые задачи**, — а Троцкий считал, что эти новые задачи поставлены правильно, — **требовали в 1925 г., по мнению Троцкого, «расширения рамок для товарно-капиталистических отношений в деревне»**, «допущения в деревне накопления капитала, который мы прежде называли кулацким, а теперь вернее было бы называть фермерским капиталом». Итак, по мнению Троцкого, **кулака не надо называть кулаком**. Вероятно, многие почитатели Троцкого (не все из них даже читали это произведение ума и пера Троцкого) чрезвычайно удивятся такой постановке вопроса. Как, скажут они, это, вероятно, Ярославский выдумал, не мог говорить этого Троцкий, который выступал в 1926 году с такими нападками на «кулацкую» политику ЦК ВКП(б).

А между тем это факт. Троцкий считал, что надо допустить в деревне накопление **капитала и именно кулацкого, фермерского капитала**. Троцкий считал, что надо перестать называть кулака кулаком. Зачем же надо было тогда впадать в истерику по поводу того, что писал Богушевский о кулаке, зачем же надо было так истерически вопить по поводу лозунга «обогащайтесь»? Ведь Троцкий буквально повторял то же самое и даже в худшей форме.

---

[1]) Л. Троцкий, «О наших новых задачах», ГИЗ, 1926 г.
[2]) «О наших новых задачах», стр. 3—4.

Для чего же Троцкий считал необходимым предоставить кулаку возможность обогащаться?

«Если мы спросим себя, почему мы оказались вынужденными дать возможность развиваться этому фермерскому капиталистическому хозяйству, то ответ будет простой; для того, чтобы развивались производительные силы в деревне» [1]).

«Можно ли сказать, — спрашивал Троцкий: — пусть производительные силы и упадут, лишь бы был социализм? Нет,—отвечал он,—так сказать нельзя, это—внутреннее противоречие, ибо социализм может существовать только на основе высокого развития производительных сил» [2]).

Какую же роль играет при этом кулак. Может ли, по мнению Троцкого, кулак содействовать в какой-либо степени приближению к социализму.

Допуская, что кулак на известной ступени является нашим возможным и вероятным врагом, что развиваясь он может превратиться в крепкую фигуру, Троцкий вовсе не считал, что обогащение кулака при всяких условиях вредно для социалистического государства. Наоборот, он считал, что кулак может помогать строительству социализма.

Вам это кажется, почитатели Троцкого, чудовищным? Но это так. Троцкий говорил днепропетровским рабочим-коммунистам всего три года назад:

«Социалистическое развитие и опирается на капиталистическое и борется с ним в то же время. Нам нужно развить производительные силы в деревне. **Кулак, богатый крестьянин, который продает хлеб через посредство государства, позволяет государству получать иностранную валюту, за которую мы можем ввозить машины для наших заводов. Это — плюс, это — содействие приближению к социализму»** [3]).

А сколько после этого пролито было лицемерных слез по поводу того, что есть в партии люди, допускающие «врастание» кулака в социализм, а сколько восклицательных знаков было поставлено по поводу того, что есть такие еретики, которые считают возможным допустить рост индивидуального хозяйства в деревне!

Мы не являемся сторонниками того, что кулак может помогать социализму, мы лишь констатируем, что люди, вчера только утверждавшие, «будто кулак, богатый крестьянин, содействует приближению к социализму», сегодня изображают величайшее возмущение на своих благородных физиономиях, когда говорят о кулацкой политике.

Вчера эти люди ставили вопрос: «По какому пути мы развиваемся скорее, полнее; по какому каналу идет у нас с каждым годом больше ценностей, больше богатств, по каналу социалистическому, т.-е. в руки государства и кооперации, или по каналу капиталистическому — в руки частных собственников?» [4]).

И на этот вопрос отвечали:

... «Научная таблица Госплана, которую наша партия будет в ближайший период пропагандировать и анализировать, является фотографией нашей работы в цифрах. И эти цифры говорят, что если силы опасности растут, то силы противодействия с нашей стороны растут гораздо скорее. У Шекспира где-то (забыл, где именно)

---

[1]) Там же, стр. 4.
[2]) Там же, стр. 5.
[3]) Там же, стр. 6.
[4]) Там же, стр. 8.

какой-то герой говорит: «Есть опасность, но знает опасность, что я ее опаснее». Так может и наша партия сказать: «Вокруг нас есть опасности, но партия наша в области хозяйства стала сильнее этих опасностей». И если она теперь делает шаг назад в деревне, то это только потому, что она может позволить себе отступление на одном фланге».

«Мы можем твердо сказать: сухие цифры Госплана являются первым и величайшим в мире свидетельством возрастающей победы социализма над капитализмом» (Аплодисменты) [1]).

Понятно, почему днепропетровский пролетариат аплодировал Троцкому. Троцкий имел в этот момент партийное лицо. Он должен был признать, что советское государство делает успехи на пути социализма, что партия преодолевает опасности, стоящие на пути нашего развития, что «партия наша в области хозяйства стала сильнее этих опасностей», что партия может в интересах движения «позволить себе отступление на одном фланге».

Так говорил партиец Троцкий; а двурушник Троцкий, который в это время готовился создать блок всех фракционных групп и течений, думал и в своем кругу говорил другое. Когда Троцкий выступал как партиец, то для него сухие цифры Госплана являлись «первым и величайшим в мире свидетельством возрастающей победы социализма над капитализмом». А двурушник Троцкий, когда он выступает от имени своей фракции, должен утверждать совершенно противоположное. Он утверждает: «Послеленинское руководство вообще разворачивает октябрьскую фильму в обратном порядке». Он должен клеветнически утверждать, что то, что есть в настоящее время в стране, есть «керенщина слева направо» (Директивное письмо Л. Д. Троцкого «О тактике» от 21 октября 1928 г.).

Какие перспективы рисовались Троцкому в конце 1925 года в отношении развития производительных сил?

«Пока мы не можем дать деревне высокой техники, у нас есть две возможности: либо применить в деревне методы военного коммунизма и задержать там развитие производительных сил, что привело бы к сужению рынка и тем самым к задержке производительных сил в промышленности, — **либо до тех пор, пока мы не можем средствами нашей промышленности коллективизировать сельское хозяйство, мы должны допустить там развитие производительных сил, хотя бы и при помощи капиталистических методов.** В этом сущность нынешнего периода в нашей политике.

«И, разумеется, самое для нас важное, чтобы лучшие элементы деревенских коммунистов поняли всю эту механику в целом, потому что именно деревенскому коммунисту сейчас очень легко притти в отчаяние, если он все еще не отдает отчета в этих основных хозяйственных данных. Если он, искреннейший член партии, преданнейший социалист, видит перед собою рост хозяйства фермера, называемого кулаком, если этот кулак его обгоняет и если он, с другой стороны, видит развал целого ряда сельскохозяйственных коммун, коллективов, а такие факты наблюдаются, то в его сознании это может

[1]) Там же, стр. 22.

отразиться в такой форме, что все распадается, что социализм гибнет. **А между тем, товарищи, это не так»** [1]).

Извиняемся за длинную выписку. Но она ведь раскрывает всю несостоятельность позднейших нападок троцкистов на партию. В конце 1925 г. троцкисты считали, что в ближайший период наша политика требует, от нас развития производительных сил в деревне, «хотя бы и при помощи капиталистических методов», в этом они видели «сущность нынешнего периода нашей политики». По мнению троцкистов, у нас даже не было иного пути. Либо этот путь, либо «применить в деревне методы военного коммунизма и задержать там развитие производительных сил, что привело бы к сужению рынка и тем самым к задержке производительных сил в промышленности». Могли ли мы вернуться к методам военного коммунизма, должны ли мы были «задержать развитие производительных сил в деревне», должны ли мы были сужать рынок и тем самым «задерживать развитие производительных сил в промышленности»? Конечно, нет. Троцкий убеждает тех коммунистов, которые впадают в отчаяние от того, что мы должны временно допустить развитие производительных сил в деревне и на путях капитализма. А Троцкий-фракционер, Троцкий, организующий блок, пишет платформу, в которой упрекает партию за этот путь, обрушивается с самой бессовестной демагогией по поводу того, что партия допускает развитие производительных сил в деревне «при помощи капиталистических методов». Троцкий-партиец, уверяет днепропетровских коммунистов, что «соотношение сил изменилось в пользу государства, т.-е. в пользу социализма. Таков основной вывод» [2]). А Троцкий — организатор антипартийного блока—уверяет, что у нас социализм гибнет, что у нас «керенщина наизнанку». Троцкий-партиец предостерегает в 1925 г., что «трудности, на которые наталкиваются социалистические начинания в деревне, могут вызвать среди деревенских коммунистов тревогу и даже временное разложение. И только поняв линию развития нашего хозяйства в целом, можно не растеряться и не упасть духом, находясь на наиболее слабом и подвергаемом ударам участке нашей общей работы» [3]). А Троцкий—организатор фракционного блока, Троцкий—организатор другой партии—сам растеривается, сам падает духом. И эту свою растерянность и упадок духа, «не веря в строительство социализма», передает по всей линии, по всей своей фракции, всем своим сторонникам, вооружает их этим неверием в возможность построения социализма силами СССР (при имеющей место поддержке пролетариата других стран).

Пожалуй, довольно примеров того, как можно на протяжении очень короткого времени надевать разные личины, какой размах колебаний может проявить взбесившийся мелкий буржуа. Сегодня для него в цифрах Госплана «звучит музыка социализма», а завтра в тех же цифрах—керенщина наизнанку. Сегодня—основной вывод тот, что «соотношение сил изменилось в пользу государства, т.-е. в пользу социализма», сегодня «мы можем твердо сказать: сухие цифры Госплана являются первым и величайшим в мире свидетельством возрастающей победы социализма над капитализмом», а завтра, когда Троцкий строит фракцию, строит другую партию, те же самые цифры Госплана звучат уже не музыкой социализма, говорят уже не о возрастающей победе социализма над капитализмом, а об упадке, о закате, о «трагедии», о «керенщине наизнанку» и т. п. и т. д.

[1]) Там же, стр. 19.
[2]) Там же, стр. 18.
[3]) Там же, стр. 20.

Две души живут в каждом мелкобуржуазном революционере, какими и являются троцкисты. Стоит подуть сухому ветерку, стоит появиться на горизонте облакам, предвещающим трудности на нашем пути, как уже «кукушка прокуковала последний час советской власти», как уже «пробил 12-й час». Это не исключает того, что многие троцкисты заговорят иным языком, когда кривая социалистической революции в других странах пойдет заметно на под'ем, когда мы преодолеем главные трудности и когда меньше станет колебаний в рядах мелкой буржуазии, меньше станет недовольства пролетарской диктатурой со стороны тех, кто хнычет о сегодняшних трудностях. Но мы должны особенно ясно видеть на этом примере, как двурушник-фракционер может совместить два лица: одно—для партии, другое—для фракции. Одно—когда он выступает «руки по швам», а другое,—когда он поднимает бунт против партии.

Моральное лицо двурушника.

Двурушник *вынужден* лицемерить. Он может при этом внешне сохранить искренность тона. Он пишет заявления о том, что он готов подчиниться всем решениям партии, признает, что он принес вред и т. п., и т. д., он дает одну декларацию за другой. Но иногда очень скоро выясняется, что он эти декларации дает не всерьез, а через несколько лет он сам заявляет: чудаки, неужели вы думали, что мы всерьез давали обещания и всерьез обещали их выполнять! Это были лишь «приказы об остступлении» нашей группы, нашей фракции. Фракционное подполье, фракционная дисциплина очень многому обязывают. Еще Ленин указывал на то, что каждая фракция думает, что она-то обладает настоящей правдой. Потому-то фракционер и воображает иногда искренне, что он составляет *основу* партии. Какая-нибудь ничтожнейшая группка дэцистов, сапроновцев, называя себя «группой пролетарских революционеров-большевиков», прекрасно зная, что во всей полуторамиллионной партии она насчитывает буквально десятки сторонников, изображает дело так, что исключение этой группы из партии составляет «государственный переворот». А между тем никто и не заметил, что произошел государственный переворот. Странный «государственный переворот»! Но в душе-то эти люди, в особенности «вожди», знают, что никакого государственного переворота не произошло от того, что их выгнали из партии, что немножко чище воздух стал в партии—только и всего.

Особенно характерным документом, свидетельствующим о моральном разложении таких групп, является предсмертное письмо троцкиста А. Иоффе, опубликованное нами полностью в «Большевике» (№ 23—24 за 1927 г). А. Иоффе в этом письме счел необходимым приводить буквально *торгашеские* расчеты: сколько ему революция не доплатила, сколько бы он мог получить материально от разных буржуазных издательств, если бы ему партия разрешила бесконтрольно писать свои мемуары. Эти торгашеские расчеты перекрещиваются самым бессовестным образом с «принципиальными» мотивами. И тут же Иоффе, не рассчитавши, что это письмо будет немедленно опубликовано *полностью*, советует Троцкому, что если ему понадобится в целях политических изменить содержание этого письма, то он может это сделать по своему усмотрению.

«... *Поэтому я не только даю вам полнейшую свободу редактирования моего письма, но даже очень прошу вас исключить из него все то, что вам покажется лишним, и* **добавить** *то, что вы сочтете необходимым*».

Удивительно ли, что, издавая этот документ за границей, троцкисты совершили *прямой подлог*, вычеркнувши из этого письма как раз это место. (См. «The real situation in Russia» by Leon Trotsky (Harcourt, Brace and company, translated by Max Eastman). Даже троцкистам стало совестно за этакое моральное падение. Но оно ведь тоже—не личное свойство Иоффе, который был во всяком случае не хуже других троцкистов. Это свойство тех мелкобуржуазных прослоек, типичным представителем которых был Иоффе, представителями которых являются троцкисты (опять-таки не лично каждый из троцкистов, а троцкисты, *как группа*). Моральное раздвоение (можно обманут партию ради интересов своей группы) есть только отражение политического раздвоения, а это политическое раздвоение есть в свою очередь только отражение сущности мелкой буржуазии, колеблющейся, неустойчивой, иногда способной даже увлечься революцией, иногда впадающей «в бешеное» (Ленин) революционное настроение, чтобы в следующий момент начать проповедывать самые упадочные теории и кончать физическим, политическим и моральным самоубийством.

Одной из сторон этого двурушничества, этого морального раздвоения является *сознательная провокация* со стороны троцкистов по отношению к партии. Надо называть вещи своими именами. Иначе, как провокаторами нельзя назвать тех троцкистов (дэцистов, мясниковцев и др.), которые, считая, что наша партия не является большевистской партией, пролетарской, не только остаются в этой партии, но надевают личину партийности, голосуют за линию партии против троцкистов и даже сами иногда составляют резолюции, направленные против троцкистов. Но ведь они это делают с ведома руководящих троцкистских центров. Мы могли бы привести многочисленные примеры такого *провокаторства* внутри нашей партии со стороны троцкистов. Вот, напр., Кресин К. Л. (инструктор отдела просвещения Моск.-Казанск. ж. д.). Он пишет собственной рукой резолюцию для собрания коллектива ВКП(б) этой дороги, в которой линия ВКП(б) признается правильной и порицается работа троцкистского подполья, а в то же время в его квартире происходит печатание троцкистских листовок, и в этом печатании принимает участие другой троцкист, Горчаков, исключенный из ВКП(б) за фракционную деятельность. Этот Горчаков после исключения из ВКП(б) также заявил о полном отходе от троцкистской оппозиции. Как назвать это? Двурушничеством, иначе это назвать трудно. Как назвать человека, который составляет резолюцию, за которую потом голосует, осуждающую троцкистское подполье, и пр., и пр., а сам организует это троцкистское подполье? Когда в нашу партию большевиков проникали раньше агенты других партий для того, чтобы там вести свою разлагающую работу, мы их называли настоящим именем—провокаторами. Другим именем мы не можем назвать тех членов партии, которые, прикрываясь партийным билетом, работают в другой партии—троцкистской. Вот Соловьева, Л. После XV с'езда партийная организация спрашивала ее об ее отношении к партии и к оппозиции. Она заявляла, что «с решениями XV партийного с'езда согласна, подчиняюсь им и считаю себя обязанной проводить их в жизнь»... «К оппозиции не принадлежала, работу в ее организации не вела, с платформой не знакома» (Заявление члена ВКП(б) Л. Соловьевой в бюро ячейки ВКП Мосстроя Хамовнического района 13/I—28 г.). А затем эта Соловьева, *оставленная* в партии (партия ей поверила) очень осторожно, но в то же самое время очень активно работает в подпольной организации троцкистов. Правда, она тяготится подпольем, ей хочется вырваться несколько наружу, но она получает указания: «не выявлять себя». Ей дают директиву:

«Нас всполошило ваше указание, что после 7 ноября (а троцкисты рассчитывали 7 ноября 1928 г. организовать открытое выступление на улицу, но потом, подсчитавши свои «силы», увидели, что ничего из этого не выйдет, и отказались от этой жалкой затеи) вы надеетесь быть «одного района» с нами. Мы думаем, что это было бы совершенно неправильно. Ваше положение очень благоприятно для того, чтобы вы оставались москвичем. Того же

требует и характер вашей работы. У нас уже было достаточно уроков, когда товарищей, занятых вашего рода работой, привлекали и к другим обязанностям (подобных предполагаемому, вероятно, вами открытому участию 7 ноября). Результаты получались всегда одни и те же. Терялся работник на вашей работе, между тем как на другом участке можно было прекрасно обойтись и без него. Это наше общее мнение. Прошу передать кому следует. Наша работа приобретает и в ближайшее время должна будет еще приобрести все большее значение. Одно это требует сохранения вами своего нынешнего положения в целом без всяких изменений».

Значит: оставайся членом партии, голосуй за линию партии, когда тебя спрашивают о твоем отношении к троцкистам, можешь даже их поругать, можешь даже выступить, если это нужно, открыто против троцкизма для того, чтобы вести подпольную работу в троцкистской организации.

Мы должны сказать совершенно определенно, что «этот номер не пройдет», что мы не позволим никакой организации иметь своих агентов внутри нашей партии, что мы не только выбросим их беспощадно вон, но будем рассматривать их, как провокаторов внутри нашей организации.

Как сами троцкисты относятся к проникновению в их подпольную организацию сторонников партийной линии? Конечно, поскольку у них организация подпольная, поскольку она—антипартийная, направленная против нашей партии, они вынуждены хранить в тайне ее внутреннюю жизнь, они боятся проникновения в нее сторонников партии. Поэтому одна из групп троцкистов (I МГУ) обращается к своему московскому центру с такого рода заявлением:

«*По отношению к предателям и к провокаторам мы должны в зависимости от обстановки применять меры организационного бойкота, разоблачения перед рабочими и физического воздействия при обязательной в этом случае моральной поддержке со стороны рабочих масс*».

Мы бы не советовали даже троцкистам становиться на этот путь «физического воздействия». Мы очень предостерегаем даже от разговоров на эту тему, потому что, если дойдет дело до «физического воздействия», тогда пеняйте на себя. Если вы будете проповедывать этакие «методы физического воздействия», тогда не обижайтесь на достойный ответ, который вы получите при этом.

Двурушничество свойственно не одному только троцкистскому подполью. Оно свойственно в не меньшей степени и дэцистам и мясниковцам и всякой другой группе, которая вынуждена стать на путь фракционности, на путь борьбы против партии. В 1925 году была исключена из партии и подвергнута другим партийным взысканиям группа сапроновцев, которая тогда уже пыталась оформить подпольную организацию (дело Пилипенко, Дробниса, В. М. Смирнова, Т. Харечко, В. Бухарцевой). Эти люди упорно отрицали тогда самый факт своей работы, направленной на создание подпольной организации. К этому обязывала их фракционная дисциплина. При этом некоторые из них, напр., Бухарцева, делали изумленное, возмущенное лицо, когда им говорили о их подпольной работе. Как?! Им не верят?! Их подозревают! И т. п., и т. п. Партия настолько поверила искренности некоторых из них, что когда, например, Т. Харечко был исключен ленинградской организацией по другому делу, где также обнаружилась его фракционная деятельность, Центральн. Контрольн. Комиссия отменила постановление ленинградской организации. Правда, уже тогда выяснилось, что собой представляют эти люди, как партийцы. Напр., В. М. Смирнов не имел в течение нескольких лет партийного билета, не выполнял даже таких элементарных обязанностей, как уплата членского взноса, вообще не принимал участия в партийной жизни. Настоящий *барин* в партии. Но они все еще оставались в партии. Считали

ли они эту партию большевистской партией? Вот теперь, когда мы имеем их платформы, когда мы имеем целый ряд документов, вскрывающих их нутро, мы видим, что это были *попутчики*, притом очень *вероломные попутчики*. В конце 1928 года этот самый Тарас Харечко так определяет ту партию, в которой он состоял членом. (Исключение своей группы Т. Харечко вместе с В. Смирновым рассматривает, как «государственный переворот»).

«Произошел скачок, решительный сдвиг только не влево, как каркали реформистские вороны, а вправо. *Власть перешла к новой, оформившейся* на XI с'езде партии, *к буржуазной рабочей партии, представляющей интересы кулачества, бюрократических и аристократических прослоек рабочего класса и новой буржуазии.* Оппортунистическая политика ЦК прошлых лет привела к «союзу *части* рабочих с буржуазией, *против массы* рабочих».

В этой характеристике чрезвычайно ценно откровенное заявление дэцистов, что уже на XI с'езде ВКП превратилась в буржуазную рабочую партию, «представляющую интересы кулачества, бюрократических и аристократических прослоек рабочего класса и новой буржуазии».

Но ведь всем известно, что *на XI с'езде с докладом выступал Ленин, что Ленин и после XI с'езда руководил нашей партией.* Тогда надо прямо сказать, что **ленинская** партия есть буржуазная рабочая партия. Но ведь этого не говорили двурушники-сапроновцы, они ведь, оставались членами этой «буржуазной рабочей партии». Как же они оставались членами буржуазной рабочей партии, представляющей интересы кулачества и новой буржуазии? Да потому, что они—двурушники, они сами и есть представители мелкой буржуазии, которая никогда не была довольна режимом пролетарской диктатуры, режимом коммунистической партии. Эти двурушники были и остаются лицемерными представителями мелкой буржуазии, которая трусливо прячет свое лицо за партийным билетом до тех пор, покуда их не разоблачат, или до тех пор, покуда они, вообразивши, что дело идет к свержению пролетарской диктатуры, что дело идет к возможности свернуть шею коммунистической партии, не выступят открыто с какой-нибудь самой архиреволюционной (обязательно «архиреволюционной» в наших условиях) платформой «пролетарских революционеров». Да, эти люди уже себе отрезали путь к партии, когда их разоблачили. А если бы не разоблачили, они оставались бы внутри партии, разлагали бы ее, паразитировали бы на ее теле, как чуждые элементы.

Возьмите мясниковцев, которые за последнее время сделали жалкую попытку организовать РКПР—русское отделение IV Интернационала, в которой анархо-синдикалистские теории соперничают с кулацкими теориями, программа которой представляет эклектическую похлебку из всевозможных мелкобуржуазных теорий [1]). Но мясниковцы оставались внутри партии, собирались вместе небольшой группой, шипели злобно против партии, изливали потоки гнусной клеветы и желчи против партии на страницы подпольного журнальчика «Рабочий путь к власти». Даже троцкисты одно время заподозрили, что это какая-то провокаторская группа.

Все эти примеры показывают, насколько стирается грань между различными фракционными группами в их отношении к партии. Они могут между собою спорить, соперничая за влияние на колеблющиеся в сторону от пролетарской диктатуры элементы, представляя различные прослойки мелкой буржуазии, но все они в разной степени отражают типичное свойство мелкой

[1]) Мы в одном из ближайших №№ «Большевика» познакомим читателей с документами этой группы.

буржуазии, и все они вынуждены двурушничать. Это судьба всякой группы, которая действует по отношению к нашей партии неискренне, которая начинает вести борьбу против нашей партии. Положение обязывает.

* * *

Двурушничество фракционных групп и антипартийных организаций, конечно, затрудняет установление доверчивого отношения даже к тем, кто, казалось бы, вполне искренне заявляет об отходе от оппозиции. Партийная организация относится с известным недоверием к ним после всего того, что мы знаем о практикующемся обмане, о вероломстве фракционеров. Вполне естественно, когда задают себе вопрос, не обманывают ли, не маневр ли это, — те или иные заявления фракционера, — не маскировка ли, не таятся ли тут какие-либо особые опасные замыслы. К этому надо прибавить еще и шельмование, какому подвергается всякий, кто отходит от оппозиции. Товарищи Зиновьев, Каменев, Пятаков, Воробьев, Гордон и др., отходившие от оппозиции, подвергались невероятному шельмованию со стороны своих вчерашних друзей. И сегодня еще, когда вновь и вновь от оппозиции отходят отдельные члены и целые группы членов этих фракционных организаций, фракционеры обрушиваются на них потоками инсинуаций, клеветы. Вчера еще эти люди были друзьями, вчера с ними шла оживленная переписка, вчера они были стопроцентными «пролетарскими революционерами» в глазах той или иной фракции, а сегодня,—стоит только этому пролетарскому революционеру заявить, что он согласен с партией, а не с «громче всех крикуном», как на этого человека можно всех собак вешать. Должна ли партия при таких условиях, при таких обстоятельствах отказаться совершенно рассматривать заявления оппозиционеров об отходе от оппозиции? Конечно, нет. Конечно, среди 2—3 тыс. исключенных из партии найдутся люди, которые, проделав очень сложный путь всяких колебаний, шатаний, искренне вернутся в партию, порвав решительно, открыто и бесповоротно со всякой фракционностью, осудивши свои ошибки.

Из привлеченных за фракционную деятельность с XIV с'езда по 1/VI 1928 г. 7523 человек исключено было 4034 (53%), получили другие партвзыскания 2846 (38%) и реабилитированы 643 (9%). Из них исключено было после XV с'езда 2270 чел., при чем отошло от оппозиции с XIV с'езда по 1/VI—28 г. 4350, из них после XV с'езда 3098. Отошла главным образом рабочая часть троцкистов и др.—2357 чел. (из них после XV с'езда 1727 чел.).

Вывод для партии из всего того, что мы знаем об оппозиции, только тот: надо относиться очень критически к заявлениям об отходе от оппозиции. В этих заявлениях не должно быть никаких недомолвок, никаких лазеек для какого-нибудь возврата на путь фракции. Это должен быть полный разрыв, не должно оставаться никаких лазеек, для какой-либо новой фракционной работы того, кто возвращается в партию. Надо проверять искренность этих заявлений на опыте, на работе, испытывать того, кто возвращается в партию. Всякая фальшь, всякая недоговоренность, всякая половинчатость заявлений, которые делает возвращающийся к партии вчерашний ее противник, только затруднят возможность такого возвращения. Испытание мы понимаем в том смысле, что партия должна проверить, насколько правильно способен осуществлять этот товарищ партийную линию, не поддерживает ли он элементы недовольства в партии, не пытается ли он вновь собрать вокруг себя людей которые борются против партийной линии. Всякая такая попытка, конечно, только затруднит для партии возможность возвращения в свои ряды тех, кто вчера боролся с нею, затруднит установление полного доверия, необходимого для дружной партийной работы.

В. Милютин.

О реконструкции и рационализации в сельском хозяйстве СССР.

1. Основные предпосылки.

Реконструкция сельского хозяйства стоит в непосредственной зависимости от реконструкции всего нашего хозяйства в целом и, в первую очередь, от реконструкции нашей промышленности. Эта зависимость заключается как в отношении развития техники сельского хозяйства, так и в отношении развития форм сельского хозяйства. Рассматривать изолированно реконструкцию сельского хозяйства от общего изменения и развития всего нашего народного хозяйства было бы коренной ошибкой. В этом случае сама реконструкция сельского хозяйства была бы неправильно понята, и создавалась бы прямая опасность взятия ошибочного курса в области экономических мероприятий в сельском хозяйстве.

Но зная, что основные законы развития промышленности и сельского хозяйства являются одними и теми же, мы, тем не менее, не должны забывать об особенностях развития и промышленности и сельского хозяйства. Встречающиеся ошибки и извращения в этом вопросе марксистско-ленинской теории бывают двоякого рода: или стараются развитие сельского хозяйства представить, как совершенно принципиально отличное, совершающееся на основе особенных, только ему присущих законов, или, наоборот, усматривают полное тождество в развитии промышленности и сельского хозяйства. Первого рода ошибки обычно делаются ревизионистами и мелкобуржуазными теоретиками. Именно это направление создало теорию о неприменимости к сельскому хозяйству законов экономического развития, наблюдающихся в области промышленности и, в частности, в отношении тех преимуществ, какие имеют формы крупного хозяйства, о невозможности развития машинизации сельского хозяйства. Те же, кто не видит особенностей развития промышленного и сельского хозяйства, впадают в другую крайность, в силу чего целый ряд экономических и социальных явлений в сельском хозяйстве или не может быть совершенно об'яснен, или об'яснен лишь ошибочно.

Общность основных законов развития промышленности и сельского хозяйства доказана и практически и теоретически, но это не только не исключает, но обязывает учитывать особенности той и другой отрасли народного хозяйства. В развитии промышленности основные законы экономического развития получают свое более яркое и определенное выражение. Ведущая роль промышленности обусловливается более высокой организацией труда и техники, и поэтому состояние развития производительных сил промышленности оказывает определяющее влияние на состояние и высоту развития производительных сил других отраслей народного хозяйства, в том числе и сельского хозяйства. Приостановка развития производительных сил в промышленности непосредственно повела бы к приостановке развития

других отраслей народного хозяйства, и, наоборот, развитие в промышленности ведет к под'ему других отраслей народного хозяйства. Обусловливается это тем обстоятельством, что именно промышленность вырабатывает средства и орудия производства для других отраслей народного хозяйства. *В наших же условиях — условиях диктатуры пролетариата — ведущую роль промышленности усиливает роль пролетариата, как организатора и строителя социалистической экономики.* Поэтому лозунг *индустриализации* является наиболее правильным лозунгом, отвечающим задачам развития производительных сил, задачам усиления ведущей роли промышленности и задачам социалистического строительства. Индустриализация страны означает и реконструкцию нашего народного хозяйства, и без индустриализации страны по существу не может и происходить реконструкция отдельных частей народного хозяйства, в том числе и сельского хозяйства.

Поэтому, когда мы увеличиваем капитальное строительство, усиливаем производство средств производства, усиливаем электрификацию и химизацию, мы вместе с этим создаем предпосылки средств и возможностей реконструкции и перестройки не только промышленности, но и других отраслей народного хозяйства, в том числе и сельского хозяйства. Только расширение об'ема индустриализации может дать разрешение задач, состоящих в под'еме и развитии других отраслей народного хозяйства, и именно поэтому реконструкция сельского хозяйства определяется темпом индустриализации страны и, в первую очередь, темпом развития производства средств производства.

И второе: изменение форм в сельском хозяйстве в основе движется по тому пути, по которому шла и идет у нас промышленность, т.-е. по пути развития обобществленного сектора. *Развитие крупных обобществленных форм нашего народного хозяйства является закономерным выражением всего нашего экономического развития.* Тот не понимает процессов коллективизации сельского хозяйства, кто мыслит себе коллективизацию изолированно, оторванно от всего процесса нашего экономического развития, в том числе, конечно, сельского хозяйства. Коллективизация и под'ем всего сельского хозяйства— это не есть какие-то два разных, изолированных друг от друга процесса, это есть слитный процесс под'ема всей массы крестьянского хозяйства, проходящего формы кооперирования и коллективизации. Само собою разумеется, что этот процесс происходит и не может иначе происходить, как в борьбе с капиталистическими тенденциями, с капиталистическими формами, имеющимися в сельском хозяйстве в относительно значительных размерах. Таковы общие предпосылки, с которыми необходимо считаться, подходя к вопросу реконструкции сельского хозяйства.

Реконструкция сельского хозяйства заключается:

Во-первых, в реконструкции техники сельского хозяйства, что означает: 1) реконструкцию сельскохозяйственной техники полеводства (улучшение, изменение техники обработки земли, посевов, уборки и переработки сельскохозяйственных продуктов).

2) Изменение техники животноводства (улучшение породы скота и переработки продукции животноводства).

3) Специализацию сельскохозяйственного производства в соответствии с районными особенностями (в особенности, производство технических культур).

Во-вторых, в реконструкции форм сельского хозяйства, т.-е. в переходе к крупным кооперативным и коллективным формам сельского хозяйства, что связано и с рационализацией труда в сельском хозяйстве.

Реконструкция и рационализация сельского хозяйства *должны быть отнесены ко всему сельскому хозяйству*, т.-е. как в отношении индивидуальных форм сельского хозяйства, так и в отношении обобществленного сектора. В этой области мы не должны допускать противопоставления друг другу этих форм народного хозяйства, но, конечно, это не исключает мер, поощряющих более высокие, лучшие формы сельского хозяйства, т.-е. формы обобществленного сектора (колхозы и совхозы), и особых мероприятий, применимых только в крупном сельском хозяйстве.

Вместе с этим реконструкция и рационализация в сельском хозяйстве должны найти свое выражение как в количественном росте средств производства и продукции сельского хозяйства, так и в росте качественных показателей, т.-е. *в уменьшении себестоимости производства и повышении качества продукции*. В особенности остро в этом отношении встает проблема урожайности. Темп развития реконструкции и рационализации сельского хозяйства зависит от имеющихся в наличии материальных ресурсов и тех, которые могут быть даны как самим сельским хозяйством, так и вложены в сельское хозяйство. Но рассмотрение имеющихся и долженствующих быть вложенными в сельское хозяйство материальных средств должно быть направлено по тем отдельным частям, о которых мы говорили выше.

2. Реконструкция техники сельского хозяйства.

Реконструкция сельского хозяйства, как мы говорили, заключается, прежде всего, в изменении техники, т.-е. иными словами, во введении в сел.-хоз. производство новых сел.-хоз. машин и в обновлении имеющегося в наличности сел.-хоз. инвентаря. В смысле обеспеченности с.-х. машинами мы страшно отстали от капиталистических стран: по имеющимся данным мы имеем на один гектар посевной площади, примерно, в четыре раза меньше по стоимости машин, чем в Америке, и почти в десять раз меньше, чем в Германии. Правда, как мы сказали, производство сел.-хоз. машин, в последнее время бурно развивается, следующая табличка иллюстрирует производство сел.-хоз. машин:

Производство с.-х. машин в СССР:

Названия:	1925—26 г.	1926—27 г.	1927—28 г. (по плану)
Почвообрабатывающие (плуги, буккеры и т. п.).	1305 т. шт.	1469 т. шт.	1828 т. шт.
Уборочные.	106 „	173 „	237 „
Зерноочистители и сортировки.	97 „	128 „	170 „

Из этих данных мы видим, что в течение этих трех лет производство почвообрабатывающих машин в последний 1927—28 г. увеличилось по сравнению с 1925—26 г. почти в полтора раза, уборочных—в два с лишним раза: и зерноочистительных и сортировочных также почти в два раза. Этот темп роста нам необходимо сохранить и на будущее время. Выше мы уже сказали, что по сравнению с довоенным у нас производство с.-х. машин возросло *в два с половиной раза*, это, несомненно, крупное достижение. Вместе с этим, вследствие большего развития внутреннего производства с.-х. машин, мы во все большей степени освобождаемся в этом отношении от зависимости от капиталистических стран.

В последнее время трактор получил у нас довольно широкое распространение, и спрос на него возрос в огромной степени. Правда, удовлетворение в тракторах мы производим, главным образом, за счет ввоза их из-за границы, и только в последние годы удалось поставить, но пока еще в крайне

скромных размерах, тракторостроение на наших советских предприятиях,— пока еще производство измеряется несколькими тысячами тракторов, и до пуска специальных тракторных заводов нам вряд ли удастся на наших действующих предприятиях сильно расширить тракторостроение. В настоящее время у нас работает около 30 тысяч тракторов. В Сталинграде строится завод, рассчитанный вначале на выпуск 20 тысяч тракторов ежегодно, а в настоящее время решено увеличить завод с таким расчетом, чтобы он выпускал 40.000 тракторов. Но и этого количества будет явно недостаточно, так как в настоящее время, когда мы ежегодно в с. х. внедряем 10—15 тысяч тракторов, мы можем удовлетворять ими лишь отчасти колхозы (далеко не все) и совхозы (также не в полной мере), поэтому, если мы хотим добиться здесь решительных сдвигов, необходимо еще построить, по крайней мере, такой же тракторный завод, какой строится в Сталинграде. По имеющимся данным ВСНХ проектирует постройку таковой завода на Урале. Таким образом, если мы к концу пятилетия сможем внедрять в сельское хозяйство около 50—60 тысяч тракторов, то это нам позволит, несомненно, более или менее полно удовлетворить потребность в тракторах. Кстати заметим, что внедрение одних только тракторов производит огромный переворот в сел.-хоз. производстве и ставит в порядок дня целый ряд организационного характера задач, связанных с кооперированием предприятий. в области сельского хозяйства и с созданием больших кадров квалифицированных сел.-хоз. рабочих.

По предположительным данным в течение ближайших пяти лет в сельское хозяйство будет введено новых сел.-хоз. машин на 2 миллиарда рублей, при чем в последний год пятилетки предполагается выпускать сел.-хоз. орудий на 600 миллионов рублей. Революционная, преобразующая роль введения такого количества новых сел.-хоз. машин и орудий будет, несомненно, крайне велика и скажется на протяжении ближайшего же времени и именно в смысле стимулирования перехода к крупным формам сельского хозяйства.

В связи с введением сел.-хоз. машин стоит и расширение минерального удобрения. В настоящее время так же, как и в отношении производства сел.-хоз. машин, мы страшно отстали в производстве минеральных удобрений. Требования на минеральные удобрения значительно превышают их производство. Расширяя химическую промышленность, ВСНХ вполне правильно делает, увеличивая производство минеральных удобрений и собираясь привести их к концу пятилетия до 7 миллионов тонн. Особенно важное значение будет иметь введение калийных удобрений, разработка каковых уже начата.

Такой переворот техники требует быстрейшего завершения землеустроительных работ. Приходится признать, к нашему стыду, что в области землеустройства мы далеко не сделали всего того в течение этих 12 лет, что были бы обязаны сделать. Только около половины земли в смысле межселенного землеустройства могут считаться землеустроенными. Внутриселенное землеустройство осуществлено еще в меньших размерах. Неземлеустроенность будет являться серьезной помехой для внедрения новых сел.-хоз. орудий. В последние годы землеустроители большое внимание (и вполне правильно) уделяли переходу на широкие полосы. Вообще, в нашей землеустроительной политике и при осуществлении землеустроительных работ мы должны считаться с введением новой техники, иными словами, с постановкой крупного с.-х. производства. Иная политика повела бы лишь к замедлению в проведении землеустройства и в значительной части была бы просто бесплодной. Нужно помнить, что при реконструкции одно звено тянет за собой другое. Введение новых средств производства ведет за собой необходимость изменения в области землеустройства и землепользования, о чем мы еще скажем ниже.

При введении и при производстве сел.-хоз. машин и орудий мы должны использовать в наиболее полной степени последние достижения науки и техники капиталистических стран. Сел.-хоз. техника капиталистических стран с каждым годом приближается к типу, если так можно выразиться, заводского производства в сельском хозяйстве, и целый ряд технических усовершенствований, применяемых в промышленности, вводится в сельское хозяйство, вплоть до стремления перенести принцип непрерывного потока производства в сельское хозяйство. С этой стороны огромный интерес представляют новые уборочные машины. Нам незачем проходить при введении новых машин целый ряд промежуточных этапов. Необходимо использовать именно последние достижения, но, конечно, испытав их в наших условиях и приняв в расчет необходимые практические, деловые соображения. В этой области мы со всей смелостью должны ставить задачи внедрения новой техники, не боясь могущих быть неизбежных отдельных ошибок и неудач. Не ошибается тот, кто ничего не делает. Мы должны помнить, что краеугольным камнем реконструкции сельского хозяйства будет являться введение новых сел.-хоз. машин, определяющих крупное сел.-хоз. производство.

Развитие промышленности ведет к развитию определенных отраслей сельского хозяйства, вследствие чего происходит изменение внутренней структуры последнего и меняются темпы развития основных отраслей, т.-е. зерновой отрасли, отрасли технических культур и животноводства. Плановое развитие народного хозяйства требует увязки темпов развития этих отдельных отраслей народного хозяйства с развитием соответствующих отраслей промышленности и с общей задачей развития всего народного хозяйства в данный период. В настоящих конкретных условиях нам приходится констатировать общее отставание всех отраслей сельского хозяйства от тех требований, которые пред'являет к нему все народное хозяйство, в том числе промышленность. Наибольшее отставание, как известно, имеется в области зерновых культур. До сих пор производство зерна при выросшем потреблении деревни и города является совершенно недостаточным. В результате этого имеется напряженное состояние как в области хлебозаготовок, так и в области хлебоснабжения. В течение всех последних лет мы в отношении хлебозаготовок и хлебоснабжения идем на грани удовлетворения текущих потребностей, но не имеем ни маневренных фондов, ни необходимого количества хлеба для экспорта. Поэтому проблема развития производства зерна и экономического под'ема тех районов, где производится главная масса товарного хлеба, является важнейшей нашей задачей. При проведении реконструкции и рационализации приходится с особым вниманием отнестись именно к этой области развития сельского хозяйства и ставить ее в районном разрезе. Именно в районном разрезе приходится ставить выработку соответствующих сельскохозяйственных машин и удобрений, а также проведение ряда рационализаторских мер в области сельского хозяйства. Проблемы освоения новых земель в этих районах, проблемы поднятия урожайности являются теми конкретными задачами, которые стоят и требуют своего разрешения. Имеющиеся данные именно за период реконструкции показывают, что мы имеем медленный темп нарастания посевных площадей и совершенно недостаточную урожайность.

Посевная площадь под зерновыми хлебами была в 1926 г. 93,4 милл. гект., в 27 г.—95,2 милл. гект. и в 28 г., благодаря гибели озимых, она спускается до 93,4 милл. гект. В %% мы имеем: в 1926 г. увеличение посев-

ной площади, по сравнению с 1925 г. на 7,3%, в 1927 году мы имеем повышение на 1,8%, а в 1928 г. сокращение посевной площади по зерновым культурам, по сравнению с 1927 г. на 1,9% (здесь всюду взята площадь к сбору урожая, если же взять площадь по обработке, то мы будем иметь увеличение площади в 1928 г. на 5%). Урожайность зерновых хлебов равнялась в 1927 году в среднем 0,75 т, а в 1928 г.—0,77 т.

Хлебозаготовительные планы у нас выполнялись в размере свыше 10 милл. тонн. Таким образом, принимая во внимание рост населения на 2% (в год) и рост норм потребления, мы приходим к заключению, что подобное состояние производства зерновых культур является явно недостаточным, и необходимы решительные меры для увеличения указанного производства.

Но вышеуказанная задача развития зернового хозяйства отнюдь не отодвигает задачи развития производства технических культур в сельском хозяйстве и продуктов животноводства. Развитие индустриализации страны вызвало интенсивный рост именно этих отраслей сельского хозяйства. Экономические мероприятия, направленные на стимулирование развития производства технических культур и животноводства, повели к значительно большим темпам роста в этих областях, чем это мы видели на зерновых культурах.

По сравнению с довоенным временем посевная площадь по техническим культурам превосходит на 58,5% довоенный уровень. Посевная площадь по техническим культурам в 1927 году показала рост на 6,7%, в 1928 году на 17,3%. Это крупнейший, несомненно, сдвиг.

Точно так же по хлопку, кожсырью мы видим увеличение продукции из года в год. Прирост полученного кожсырья колеблется от 1 милл. до 1,3 милл Продукция мелкого кожсырья поднялась в 1927—28 году по сравнению с предшествующим годом на 8%. Результатом указанного сдвига в сторону интенсификации, в сторону развития технических культур и животноводства явилось то, что деревня выручила в 1927—28 году больше денежных средств от продажи сельскохозяйственного сырья, чем от продажи зерна. Так, в 1926—27 году выручка от зерна составляла 45,8% всей выручки. В 1927/28 г. процент выручки от зерна понизился до 37. Наоборот, от сельскохозяйственного сырья деревня получила в 1926—27 году 41,2%, т.-е. как мы видим, меньше, чем от зерна, зато в 1927—28 г. 45,8%,—значительно больше, чем от зерна. Остальное приходится на скоропортящиеся продукты.

Все эти данные показывают, как ответила деревня на индустриализацию страны. Экономически она ответила расширением производства того сельскохозяйственного сырья, какое необходимо для переработки промышленности.

Но и указанное расширение все же не является достаточным. Темп развития текстильной промышленности, кожевенной, сахарной—20% в год, и в этой области мы видим отставание темпа роста технических культур. Поэтому мероприятия, направленные на под'ем производства технических культур,—и в смысле расширения посевной площади и особенно в смысле поднятия урожайности, так как урожайность и по техническим культурам крайне низка, — крайне необходимы. Некоторые из специалистов полагали, что задачи развития зернового хозяйства и развития технических культур взаимно противоречат друг другу. Последнее является совершенно неправильным, не говоря уже о том, что вышеуказанное развитие может совершаться путем освоения новых земель. Нужно также заметить и то, что районы производства зерновых культур, в особенности товарного зерна, и районы технических культур не совпадают между собой (льняной район, хлопковый). Развитие же животноводства стоит в прямой зависимости от развития не только травосеяния, но и производства зерновых культур.

Реконструкция сельского хозяйства заключается в этой области в большей специализации производства зерновых культур сельского хозяйства и животноводства в зависимости от районных особенностей. Проблему районирования мы должны решать не только применительно и в зависимости от естественных, природных условий, но и в зависимости от условий электрификации и химизации страны и проведения определенного плана организации и развития транспорта

Нужно прямо сказать, что если первая очередь постройки районных станций по плану Гоэлро в истекшее десятилетие определялась главным образом вопросами развития промышленности, то новый план постройки районных электрических станций, а также и постройки новых химических заводов должен развертываться не только с точки зрения развития интересов промышленности, но и сельского хозяйства. В этом заключается огромной важности задача на предстоящие 10—15 лет.

В области реконструкции и рационализации нашего сельского хозяйства мы не можем и не должны итти, не связывая этих задач с огромными задачами электрификации и химизации нашей страны.

Именно в рамках общего разрешения указанных задач электрификации и химизации страны разрешаются проблемы реконструкции сельского хозяйства в широком масштабе на новой технической базе. Этого мы не должны забывать ни в коем случае. Плановые начала регулирования народного хозяйства, каковые имеются уже в наших условиях социалистического строительства, позволяют нам подойти к разрешению указанной задачи развития и реконструкции сельского хозяйства именно в этих рамках.

3. Реконструкция форм сельского хозяйства.

Развитие обобществленного сектора в сельском хозяйстве стоит в прямой зависимости от развития производства народного хозяйства в целом и сельского хозяйства в особенности. Из предыдущего мы видели, что машинизация и механизация сельского хозяйства, а также развитие перерабатывающей промышленности требуют соответствующих форм и соотношений как в области сельскохозяйственного производства, так и в области сбыта и снабжения деревни.

Применение сложных сельскохозяйственных машин является стимулом к переходу на крупные формы ведения сельского хозяйства; тракторы, почвообрабатывающие и сложные уборочные машины требуют в качестве наиболее рентабельных условий для своего применения соответствующей крупной земельной площади.

Распространение сел.-хоз. машин, каковое мы видим в настоящее время, с неизбежностью влечет за собой необходимость укрупнения сельского хозяйства.

В каких же формах может происходить это укрупнение? В капиталистических странах, как мы знаем, машина разоряет мелкого земледельца. Последний, не имея у себя достаточного количества земли, не имеет возможности применить и соответствующие сел.-хоз. машины и агрикультурные улучшения. Вследствие этого он не может выдержать конкуренции с крупными землевладельцами. Поэтому диференциация деревни в капиталистиче-

ских странах идет полным ходом, и крестьянство в массе разоряется. Особенно это мы видим в такой классической стране, каковой является Америка, где внедрение в сельское хозяйство наиболее усовершенствованных сел.-хоз. машин и орудий совершенно разоряет мелкого фермера.

С другой стороны, в капиталистических странах происходит укрепление и развитие капиталистической верхушки деревни. Короче говоря, положения, высказанные еще Марксом относительно развития сельского хозяйства, развитые потом Лениным, находят свое полное подтверждение в настоящем положении сельского хозяйства и положении крестьянства в капиталистических странах.

В условиях диктатуры пролетариата, в силу наличия массы мелких индивидуальных крестьянских хозяйств, развитие сельского хозяйства имеет двоякого рода тенденцию, или оно может происходить так же, как и в капиталистических странах—выделяя и укрепляя капиталистические элементы, или же оно может происходить путем кооперирования и коллективизации сельского хозяйства. Эти две тенденции, как известно, мы наблюдаем в СССР; но принципиальная разница заключается в том, что в то время, как в капиталистических условиях создается целая система мероприятий для укрепления и развития капиталистических элементов в деревне, в СССР, наоборот, создается система мероприятий, благоприятствующих коллективизации.

Развитие машинизации в сельском хозяйстве, проведение современных агротехнических улучшений ведет к усилению и укреплению коллективизации в деревне. Преимущества коллективизации заключаются в том, что она может расти и растет на основе общего под'ема и улучшения положения всей основной массы крестьянства.

В то время, как в капиталистических странах технический прогресс неизбежно связан с пролетаризацией и разорением основной массы крестьянства, в наших условиях, наоборот, технический прогресс, связанный с коллективизацией, может и должен происходить на основе улучшения и под'ема всей основной массы крестьянства.

Это положение обусловливается системой сбыта и снабжения в сельском хозяйстве.

В то время, как в капиталистических странах рынок и борьба на рынке разоряют мелкого производителя,—в наших условиях, наоборот, в силу кооперации, в силу поддержки советской власти и партии, благосостояние бедняцких и середняцких масс крестьянства охраняется и постепенно улучшается.

Так как снабжение сельского хозяйства и в производственном и даже в личном потреблении находится почти исключительно в руках советских и кооперативных органов точно так же, как и финансирование сельского хозяйства, то благодаря этому имеется полная возможность поднимать благосостояние всей основной крестьянской массы. Но этим отнюдь не задерживаются законы развития сельского хозяйства, направленные на создание крупного сельского хозяйства со всеми преимуществами из этого вытекающими; поэтому коллективизация вырастает на основе роста индивидуального хозяйства, а *индивидуальное хозяйство перерастает в коллективные формы хозяйства.*

Всякая попытка противопоставления у нас коллективизации интересам индивидуального хозяйства в корне ошибочна и является результатом непонимания сути дела.

Такое полное непонимание мы имеем, напр., у меньшевистского органа: «Социалистическое Хозяйство», поместившего статью о колхозах и совхозах (№ 22—23 статья Югова). В этой статье, с одной стороны, признается преимущество крупного хозяйства,—еще бы, ведь меньшевики все еще по недоразумению продолжают считать себя «марксистами»,—но, с другой стороны, начинается обычного характера размазня, и они начинают отрицать и колхозы и совхозы, считая их развитие утопической идеей. В статье так и говорится: «Старая утопическая идея большевиков государственным вмешательством перевести русское примитивное крестьянское хозяйство от индивидуалистических форм к коллективным вновь ожила и была поставлена как практическая задача дня».

Как известно, «Социалистический Вестник», плетясь по существу в хвосте своих единомышленников из «Форвертса», единственно реалистическими и практическими формами считает капиталистические формы хозяйства, а остальные формы он готов признать лишь в качестве снов и грез. Эти господа социал-реформисты не замечают, насколько в своем пресловутом практицизме на самом деле они отстали от развития действительности.

Десять лет существования СССР должны были бы научить уму-разуму даже этих покойников.

Устойчивость колхозов и совхозов является вполне доказанной. Достаточно сказать, что колхозы и совхозы с каждым годом приобретают всё более серьезное значение в нашей экономике и их удельный вес, особенно в области сбыта сельскохозяйственной продукции, с каждым годом возрастает.

По переписи, произведенной ЦСУ в мае 1928 года, в СССР насчитывалось 32.000 колхозов; по сравнению с количеством колхозов в 1927 году мы имеем рост больше чем в два раза (128%).

Общая посевная площадь по зерновым культурам по колхозам и совхозам в 1927 году равнялась 2.100.000 гектаров в 1928 году—2.770.000 га, т.-е. увеличение на 31%. По картофелю в 1927 году—50.000 га, в 1928 году—64.000—увеличение на 26%. По льну соответствующие цифры будут 23.000 и 51.000, увеличение на 117%. По конопле—2.700 га и 3.270 га—увеличение на 18%. По сахарной свекле—212 и 224—увеличение на 5%. По хлопку—16.100 га и 24.000, увеличение на 57%. В отношении скота—всего скота имелось в колхозах и совхозах в 1927 году—925 тыс. голов, в 1928—1.117.000 голов.

Но при этом росте обобществленного сектора мы имеем в качестве отрицательного явления текучесть состава и самих колхозов и членов колхозов. По материалам РСФСР процент выбывших семейств и одиночек за период с июня 1927 года по июнь 1928 года даже в коммунах равнялся 20, в сельскохозяйственных артелях—22, в товариществах по общественной обработке земли—24. Такую же картину мы имеем и по УССР и по другим республикам. Основными причинами, влияющими на текучесть состава членов колхозов и самих колхозов, являются существующие до сих пор необеспеченность и неустроенность колхозов, особенно в производственном отношении. Конечно, всегда будет существовать известного рода текучесть, но необходимо стремиться свести ее к минимуму. Неземлеустроенность колхозов и необеспеченность их сельскохозяйственными машинами и инвентарем влечет за собою выход членов колхозов, а зачастую и полный распад самих колхозов. Только с помощью укрепления производственной базы колхозов можно бороться с этим главнейшим недостатком.

Темп роста обобществленного сектора народного хозяйства будет зависеть прежде всего от роста производительных сил в сельском хозяйстве, т.-е. в первую очередь от роста сельскохозяйственной техники. Поэтому наши планы и проекты по коллективизации сельского хозяйства мы должны строить в соответствии с темпом роста сельскохозяйственных машин, минерального удобрения и перерабатывающей промышленности.

В отношении колхозов и совхозов в течение 5 лет мы можем поставить перед собою вполне конкретную задачу, если будут выполнены пред-

положения по развитию сельскохозяйственных машин и орудий, дать от 5 до 6,5 миллионов тонн товарного хлеба.

Выше мы останавливались главным образом на колхозах. Но при реконструкции сельского хозяйства и при переходе его к крупным формам огромную роль уже играют,—а в дальнейшем еще больше будут играть,—совхозы. Опять-таки, как в отношении колхозов, так и в отношении совхозов, мы можем сказать, что их значение, их роль только тогда возрастет, когда они на практике докажут в смысле производства и в смысле рентабельности свои преимущества перед индивидуальными формами хозяйства, при чем это доказательство будет не только лабораторного характера, показательного характера, но практического характера, т.-е. когда их продукция и удельный вес в товарной массе сельского хозяйства будут иметь существенное значение как по своей величине, так и по своим качествам. Уже в настоящее время в такой отрасли, как свекло-сахарная, мы имеем такое значение совхозов, и их роль в этом отношении неоспорима. Другое дело—в зерновом хозяйстве: только тот серьезный сдвиг, который дан этому делу в 1928 году, когда набросан действительно широкий проект первого подхода к совхозам в области зернового хозяйства, мы создаем ту почву, на которой сможет развиваться эта чрезвычайно важная область. Совхозы должны стать фабриками сельскохозяйственного производства. Способы и формы их работы в значительной степени облегчаются тем, что они могут использовать и применить опыт крупной промышленности. Проблема реконструкции и рационализации в отношении совхозов несравненно легче проводимы, чем в других формах сельского хозяйства. Вместе с этим, с укреплением фактического значения совхозов будет расти и их преобразующее влияние на окружающее крестьянское хозяйство. Показательным явлением в этом отношении служат тракторные колонны, инициатором каковых явились совхозы. Значение тракторных колонн для развития крестьянского хозяйства вряд ли может сейчас вызывать у кого-либо сомнение.

Индивидуальные крестьянские хозяйства сравнительно лишь медленно переходят к новым формам сельского хозяйства, но это отнюдь не означает, что они не могут дальше развить свои производственные возможности. Даже в тех формах, в каких существуют индивидуальные хозяйства, т.-е. в формах мелкого сельского хозяйства, они тем не менее имеют возможность с помощью рационализации своего производства значительно повысить уровень своего хозяйства. Даже элементарные агрономические мероприятия в смысле более правильной обработки почвы, удобрений, сортировки семян, лучшего ухода за скотом и т. п., т.-е. мероприятий, вполне осуществимых в условиях мелкого крестьянского хозяйства, могут дать значительный производственный эффект.

Программа Коминтерна говорит, что мелкие индивидуальные хозяйства (прежде всего, крестьянские хозяйства) будут лишь постепенно при систематической мощной поддержке со стороны пролетарского государства втягиваться в общую социалистическую организацию производства и распределения. Всякая насильственная ломка государственного уклада и принудительное коллективизирование привели бы лишь к отрицательным результатам.

Через все работы товарища Ленина по вопросам нашей политики в деревне проходит центральной мыслью, что основная масса крестьянства может лишь постепенно втягиваться на путь социализма, в особенности путем убеждения его на практике в преимуществе новых форм. Но условия именно диктатуры пролетариата, условия нового экономического уклада дают возможность именно индивидуальному крестьянскому хозяйству подниматься и расти. В капиталистических странах,—как мы уже говорили,—мелкое индивидуальное хозяйство диференцируется: верхушечная часть его превращается в формы капиталистического хозяйства, основная же масса разоряется и пролетаризируется. Весь процесс капиталистического развития неизбежно приводит именно к тому, что на ряду с выделением верхушечной части крупного крестьянского хозяйства основная масса крестьянства разоряется и пролетаризируется. Поэтому теория, утверждающая, что индивидуальное крестьянское хозяйство развивается по особым экономическим законам в условиях капитализма, является реакционной теорией, затушевывающей и затемняющей истинное положение крестьянства в капиталистических странах. В условиях диктатуры пролетариата мы имеем под'ем основной массы крестьянства—середняцкой и бедняцкой. Этот под'ем не исключает, правда, роста кулацкой верхушки деревни, с одной стороны, и отлива определенной части населения в города в качестве рабочих, но основная масса—середняцкая и бедняцкая—не разоряется, а, наоборот, имеет возможности для своего роста и улучшения своего хозяйства. В этом отношении мероприятия по рационализации сельского хозяйства имеют возможность особо широкого применения и дают определенный производственный эффект. Мы ставим перед собою поднятие урожайности на 30—35%, увеличение в течение 5 лет посевной площади на 21—22%. Результатом этого должно явиться значительное повышение хлебной продукции и удовлетворение не только внутренних потребностей, но и требований экспорта. Добиться этого мы можем путем поднятия не только обобществленного сектора сельского хозяйства, но и сектора индивидуальных крестьянских хозяйств.

Еще долгое время индивидуальное крестьянское хозяйство будет преобладать у нас в сельском хозяйстве. Достаточно только принять во внимание, что мы имеем 25 млн. крестьянских хозяйств и пока лишь 32 тыс. колхозов, об'единяющих около полмиллиона крестьянских хозяйств.

Вышеприведенный рост колхозов в течение 5 лет, значительно увеличивая удельный вес обобществленного сектора сельского хозяйства, тем не менее все же оставляет преобладающую роль для этого пятилетия за индивидуальными крестьянскими хозяйствами. Поэтому меры по под'ему, реконструкции и рационализации сельского хозяйства должны особое внимание уделять индивидуальному сектору сельского хозяйства, учитывая его особенности и условия его развития, как мелкого товарного хозяйства. В этом отношении меры реконструкции и роста производства должны учитывать личную заинтересованность в этом самого мелкого производителя.

4. В чем опасность правого уклона?

Реконструкция и рационализация сельского хозяйства представляют огромные трудности. Нужно сказать, что мы находимся еще только в начале реконструктивного периода, и поэтому огромная затрата средств и сил на реконструкцию народного хозяйства приводит к напряженному состоянию в разных его областях. Для осуществления задач, поставленных нашей экономической политикой, требуется организованность, единство действий и полная сознательность в отношении поставленных целей и путей развития. Всякие колебания в проведении указанной экономической политики были бы чреваты серьезными опасностями. Поэтому именно колебания, проявленные частью наших товарищей в партии, представляют серьезнейшую опасность в настоящий период, «главную опасность», как это констатировал ноябрьский пленум ЦК. Характерно то, что правые уклонисты споткнулись так же, прежде всего, на крестьянском вопросе, как, в свою очередь, споткнулись на этом же вопросе троцкисты.

Указанное положение не является случайностью, так как эти колебания являются отражением соответствующих колебаний и неизбежных колебаний, какие существуют в части крестьянской среды, и особенно в ее верхних слоях, в отношении нашей политики, и эта социальная среда питает оппортунизм как троцкистов, так и правых уклонистов. Как всякого рода оппортунисты, они при возникновении трудностей стремятся не преодолеть, а обойти их, результатом чего является их усилие стащить партию с пути проведения определенной политики на путь шатаний, колебаний и вредных компромиссов. Эту свою политику они обычно мотивируют якобы «практическими» соображениями и якобы «об'ективной» оценкой тех трудностей, которые имеются. Таковы были соображения троцкистов о затухающей кривой в области промышленности и о перманентном кризисе. Отсюда же их скептическое отношение к строительству социализма и предложения сойти с того пути, по которому шла партия в деле социалистического строительства. Нечто аналогичное мы видим у правых уклонистов с их пессимистической оценкой положения, с их положением о деградации сельского хозяйства, с их шатаниями в области проведения индустриализации, с их затаенными надеждами на то, что кулак вывезет на деле, а колхозы можно оставить как образцы для будущего.

Политика троцкизма бита на деле всеми фактами современной действительности. Политика правых уклонистов встретила такой решительный отпор со стороны партийной массы, что она не получила даже такого выражения, как политика троцкистов. Но, тем не менее, возникновение правого уклона сигнализирует нам об опасности именно с этой стороны, так как, если уже существующие затруднения могли породить колебания среди части товарищей нашей партии, то это показывает на возможность больших колебаний в случае роста трудностей, а от такого роста трудностей мы отнюдь не гарантированы. Достаточно сказать, что один неурожайный год может сильнейшим образом увеличить наши затруднения. Нужна действительно революционная решительность и твердость в проведении взятого курса, и если мы хотим с наибольшим успехом провести реконструкцию и рационализацию сельского хозяйства, мы с тем большей энергией должны бороться не только с внешними препятствиями, но и с теми внутренними помехами, какие существуют в нашей партии в лице всякого рода правых уклонистов и примиренцев.

Мы вступили в серьезнейший период нашего социалистического строительства. Осуществление задач реконструкции нашего народного хозяйства предопределяет наше будущее развитие. Ставка слишком важна, слишком серьезна, чтобы мы позволили себе роскошь кому бы то ни было, в какой бы то ни было мере мешать осуществлению этой величайшей задачи нашего социалистического строительства.

Б. Борилин.

Концентрация производства в послевоенном капитализме.

(Окончание. Начало статьи см. в предыд. номере).

Группа «гигантских предприятий» уже сейчас занимает отнюдь не ничтожное место в промышленной жизни Германии. Эта группа уже сейчас стала руководящей, направляющей в развитии германской промышленности, хотя еще не преобладающей. Но для того, чтобы руководить, вовсе и не обязательно иметь количественное преобладание на своей стороне. Экономическая сила этой группы предприятий удесятеряется и благодаря огромной естественной концентрации технической, экономической и финансовой мощи, которую они имеют, в противоположность морю распыленных, разрозненных мелких предприятий. Именно эта группа предприятий составляет технически-производственный костяк монополистической организации германской промышленности, раскрывающей в свою очередь для этих предприятий огромные возможности усиления своей технически - производственной роли.

Как показывает ранее приведенная таблица, гигантские предприятия увеличивают свою долю в общем числе занятых в промышленности лиц с 11,9% в 1907 г. до 16,6% в 1925 г. Истекший период был достаточно благодатным периодом для этой группы предприятий. И война и послевоенные годы послужили, таким образом, могучим средством концентрации германской промышленности в руках небольшой кучки этих крупнейших предприятий. В этом отношении в Германии происходило в течение этого времени то же, что имело место и в других государствах за эти годы.

Какую степень концентрации промышленности знаменует собой это усиление в военный и послевоенный период удельного веса «гигантских предприятий», лучше всего видно из того, какая часть механических двигателей промышленности падает на их долю. Из общего числа механических двигателей эта группа предприятий об'единяет 7.783.415 лош. сил, т.-е. 42% всей механической промышленности. Немного менее половины производственного аппарата находится в руках «предприятий-гигантов»! Число этих предприятий равно 892, т.-е. 0,04% от общего числа предприятий промышленности. Значит, четыре десятитысячных доли всех предприятий держат в своих руках около половины производственного аппарата промышленности! Этим концентрационное движение после войны в Германии берет чудовищный рекорд, достигая небывало высокой ступени, по сравнению со всеми довоенными масштабами.

Но на этом дело не останавливается. Наряду с рассмотренными гигантскими предприятиями германская промышленная перепись 1925 г. вынуждена выделить еще группу предприятий с числом занятых лиц от 5.000 и выше. В соответствии с рассмотренным выше их следовало бы назвать «сверхгигантскими» (понятие «гигантского предприятия» иллюстрирует этим всю

свою относительность и неопределенность!). И их роль уже достаточно заметна в промышленности Германии. Это не исключения, не просто редкостные экземпляры в жизни современных промышленных предприятий. Таких предприятий германская перепись насчитывает 66. Они об'единяют свыше 4% общего числа занятых в промышленности лиц и около 15% всех механических двигателей промышленности. 15% мощности промышленности—это на первых порах не мало, совсем не мало.

Этой группой предприятий увенчивается все здание системы предприятий германской промышленности. Если основанием этого здания служит широкая группа мелких предприятий и предприятий от 50 занятых лиц, если средний уровень концентрации германской промышленности определяется группой более крупных предприятий, имеющих не менее 200 занятых лиц каждое, если руководящая, ведущая роль уже прочно принадлежит предприятиям с числом занятых лиц от 1.000, то последняя из рассмотренных нами групп, охватывающая в истинном смысле предприятия-колоссы (от 5.000 занятых лиц и выше), составляет, так сказать, «золотую верхушку» всего здания. Вместе с тем появление и рост влияния этой группы поистине гигантских предприятий со всей отчетливостью показывают, куда идет развитие концентрации германской промышленности. Перед лицом этого факта, какими смешными и глупенькими должны показаться возражения и вопли, которыми буржуазная экономия встретила в свое время марксов закон концентрации. Концентрация производства достигла пределов, которые не снились раньше и скромному воображению многих защитников марксова учения. И само собой разумеется, что нет никаких фиксированных, застывших границ этому концентрационному движению и впереди. В высшей степени условными являются те вычисления оптимума величины предприятия, которые производятся рядом экономистов и техников и которые имеют целью указать максимально выгодный предел технической концентрации производства. Так некоторые считают, что «каждая организация имеет свой определенный оптимум величины, в случае превышения которого издержки производства начинают превосходить достигаемую вследствие разделения труда экономию. Чисто эмпирически установлено для нашего времени, что для предприятия, т.-е. для технической единицы, входящей в какой-нибудь концерн, этот оптимум находится между 1.500 и 3.000 раб. на одно предприятие, а для концерна, охватывающего ряд предприятий,—на уровне 50.000 занятых рабочих» [1]). Как мы видели выше, этот «эмпирически» найденный оптимум в жизни уже превзойден. Среднее число занятых лиц на одно предприятие в самой высшей группе предприятий германской промышленности (от 5.000 занятых лиц и выше) достигает 9—10 тысяч человек, что значительно выше указанного оптимума для технической единицы. Да и по сути дела, относительность таких вычислений ясна из того, что этот оптимум может значительно разниться в зависимости от меняющихся условий времени, страны, отрасли и т. д. Одно только совершенно очевидно, что современная промышленность развивается по пути создания таких исполинских предприятий, которые как небо от земли, далеки от мануфактур и фабрик, с создания которых начал свою историческую миссию капиталистический способ производства.

Интересно проследить, как разобранный выше процесс концентрации проходит по отдельным отраслям германской промышленности. Здесь не может не быть большого различия между разными отраслями. Если, с одной стороны, старые отрасли тяжелой индустрии, во главе которых стоят горное

[1]) См. Josef Gruntzel. «Die Wirtschaftliche Konzentration», Wien, 1928, s. 59. То же самое у Arnold Tross. «Ursachen und Wirkungen der Zusammenschlussbewegungen in der deutschen Industrie» в Archiv für Sozialwissenschaft und Sozialpolitik 54 Bd. 3 H. s. 717 и др.

дело и металлургия, высоко концентрированы, то, с другой стороны, ряд других отраслей промышленности еще часто базируется на мелком производстве. Такое большое различие между уровнем концентрации в разных отраслях нужно обязательно иметь в виду, хотя этим ничуть не нарушается общая картина чрезвычайно высокой концентрации германской промышленности, хотя бы уже потому, что «ведущие» в контрационном отношении отрасли промышленности имеют огромный удельный вес в общей промышленности. На долю, например, двух отраслей тяжелой индустрии—горного дела и металлургии (со включением комбинированных с ними предприятий)—падает немного менее половины всей мощности механических двигателей промышленности.

Для того, чтобы выяснить, в каких отраслях концентрация достигла наибольшего развития, в нижеследующей таблице мы определяем роль, которую в различных отраслях промышленности играют т. н. гигантские предприятия, т.-е. предприятия с числом занятых лиц от 1.000 и выше, в 1925 г.

Группы отраслей.	Доля предприятий с числом лиц от 1000 и выше в общем числе лиц, занятых в данной группе отраслей. В %.	Доля гигантских предприятий в общей мощности механических двигателей соответств. группы отраслей. В %.
1. Горное дело (со включением комбинированных предприятий) .	72	69
2. Металлургическое производство (со включением комбинированных предприятий)	54	76
3. Машиностроение, производство аппаратов и средств передвижения.	32	44
4. Электротехническое производство.	39	68
5. Химическое производство	34	59
6. Текстильная индустрия	13	18
7. Каучуковое производство. . . .	51	46
8. Бумажная индустрия	8	13
9. Пищевкусовая промышленность. .	3	3
10. Производство железных и металлических изделий	5	10
Промышленность в целом . . .	17	42

Наибольшую роль играют гигантские предприятия в группах горной индустрии и металлургии. Так же, как и до войны, производство этих отраслей тяжелой индустрии в среднем наиболее концентрировано. Особенно это относится к комбинированным предприятиям, включенным в эти группы. На высоком уровне концентрации находится машиностроение и производство средств передвижения. В этой группе отраслей наиболее крупные предприятия распространены снова в комбинированном производстве, а также в вагоностроении и в производстве автомобилей и средств воздушного транспорта [1]). Сильно выдвинулись на пути концентрации своих предприятий так называемые новые производства—электрическое производство, химическое, резиновое и др. В химической индустрии на первом месте по концентрации стоят призводство азота, выработка взрывчатых веществ, комбинированное производство [2]). Следует отметить, что довольно большие успехи в укрупнении предприятий сделала текстильная индустрия (хотя она стоит все еще ниже общего уровня индустрии в отношении роли гигантских предприятий). Внутри нее впереди всех идут хлопчатобумажное, шелковое (искусственный шелк), шерстяное производства. В других группах отраслей, перечисленных в табли-

[1]) См. результаты переписи 1925 г. в машиностроительной промышленности по Баварии, Вюртембергу, Бадену и Саксонии. «Wirtschaft und Statistik» № 21, 1926.
[2]) См. «Wirtschaft und Statistik» № 14, 1927 г.

це, гигантские предприятия имеют небольшое значение, что не мешает отдельным отраслям внутри них представлять в этом отношении исключение. Так крупные предприятия частью характерны для бумажной индустрии. В пищевкусовой промышленности сильно концентрированы пивное производство и сахарное. В последнем крупное предприятие имеет огромное преимущество перед мелким. По подсчетам, сделанным для сахарной индустрии в Германии, фабрика, перерабатывающая 1,5 миллиона метроцентнеров свеклы, производит в среднем на 40% дешевле, чем фабрика, перерабатывающая 0,25 млн. метроцентнеров.

Со времени последней предвоенной переписи 1907 года в ряде отраслей, прежде мало концентрированных, концентрация очень сильно продвинулась вперед. В 1907 г. доля гигантских предприятий в общем числе занятых лиц в химической индустрии равнялась 15%, а в 1925 г. она поднялась до 34%, как мы видели выше. В текстильной индустрии соответственные цифры для 1907 г.—4%, для 1925 г.—13%; в бумажной индустрии для 1907 г.—1%, для 1925 г.—8% [1]). Следовательно, тенденция к некоторой нивелировке в концентрационном уровне разных отраслей промышленности давала себя чувствовать за истекший с 1907 г. по 1925 г. период, хотя разница между отдельными отраслями все еще остается огромной.

Для характеристики тенденций к концентрации, которые свойственны разным отраслям германской промышленности, чрезвычайно показательна роль, которую в разных отраслях играют наиболее крупные предприятия, регистрируемые германской переписью, т.-е. предприятия с числом занятых лиц от 5.000 и выше. Эти предприятия представляют собой большей частью исключительный продукт нашего времени, военных и послевоенных лет. Поэтому место, которое они занимают в различных отраслях, может служить показателем того, каким отраслям в будущем предстоит быть наиболее благоприятным полем для гигантской современной концентрации.

Наибольшее число таких предприятий падает на группу отраслей машино- и аппаратостроения и производства средств передвижения. В этой группе имеется всего 16 таких предприятий, из общего числа в 66. 10 предприятий приходится на долю комбинированного производства железа и металла; по 8 предприятий—на группы горной индустрии, комбинированного с ней производства и электротехнической индустрии; 6 предприятий—на химическую индустрию, 3 предприятия—на каучуковое производство, по 1 предприятию—на текстильную промышленность, кожевенную, и производство готовых металлических изделий. Заслуживает огромного внимания то обстоятельство, что на ряду с горным делом и металлургией в первых рядах в отношении удельного веса крупнейших предприятий идут машиностроение и новые отрасли производства, как электротехническая и химическая. Эти новые отрасли производства, можно сказать, с самого своего рождения оказываются высококонцентрированными. Им не приходится проходить длительные этапы исторического подготовления высококонцентрированного производства, которые вынуждены были проходить старые отрасли капиталистического производства. Они сразу оказываются находящимися на уровне концентрации, достигнутом старейшими отраслями, а иногда даже их превосходящем. Это доказывает, между прочим, что современная техника уже создала в основном все условия, необходимые для организации производства на началах крупнейших технико-производственных единиц с колоссальным обобществлением труда внутри них. Больше того, современная техника требует организации именно предприятий-колоссов, где производство и труд достигают такой степени обобществления, которая была совершенно недоступна прежде капиталистическому способу производства.

[1]) Подсчеты для 1907 г. сделаны на основе «Statistik des Deutschen Reiches», Bd. 213, 1910.

Вопросом, который представляет большую важность для правильной оценки концентрационного процесса в германской промышленности и на котором обязательно следует еще остановиться, является вопрос об относительном уровне и быстроте концентрации германской промышленности, по сравнению с концентрацией промышленности других стран. До войны делались такого рода сравнения [1]). Сейчас они представляют по крайней мере не меньший, если не больший интерес.

Поскольку Германия является классической капиталистической страной по концентрации на европейском континенте, постольку особенно интересно сравнение концентрации германской промышленности с концентрацией промышленности в другой классической по концентрационному движению стране—в С.-А. С. Ш. Ниже мы делаем такую попытку статистического сравнения концентрации в обеих странах в настоящее время. Сравнение это произведено по двум линиям. Во-первых, сравнивается средняя величина промышленного предприятия в Германии и С.-А. С. Ш. как до войны, так и теперь. Во-вторых, выясняется сравнительный удельный вес гигантских предприятий, т.-е. предприятий с числом занятых лиц от 1.000 и выше, в общем числе занятых лиц в промышленности обеих стран также до и после войны. Для того, чтобы оценить нижеприводимые цифры, следует иметь в виду, что это сравнение не может быть совершенно точным, так как единица учета промышленной переписи, именно предприятие, не совсем совпадает в статистике Германии и С.-А. С. Ш. Приводимые цифры скорее преуменьшают, чем преувеличивают, разницу в величине предприятия обеих стран [2]). Однако, несмотря на эти неустранимые дефекты, сравнение в основном дает достаточно правильную (на основе имеющихся пока статистических материалов) картину, позволяющую сделать ряд экономических выводов.

В отношении средней величины промышленного предприятия получается следующее соотношение между Германией и С.-А. С. Ш. если из данных промышленной статистики обеих стран исключить предприятия с числом занятых лиц от 50 и ниже. (Такое исключение мы производим в виду того, что германская промышленная перепись включает, в отличие от американской, данные о ремесленных и мелких предприятиях) [3]).

Германия				С.-А. С. Ш.			
Годы	Число предприятий	Число занятых в них лиц (в тыс.)	Число занятых лиц на одно предприятие	Годы	Число предприятий	Число занятых в них рабочих (в тыс.)	Число рабочих на одно предприятие
1907	25.000	4.763	190	1909	23.000	4.898	213
1925 [4])	33.000 (26.000)	6.958 (5.476)	212 (207)	1923	29.000	7.135	246
1927 [5])	32.000 (26.000)	6.557 (5.303)	205 (199)	—	—	—	—

[1]) См., напр., сравнение уровней концентрации германской и русской промышленности у Туган-Барановского в «Основах политической экономии», стр. 173 и др.

[2]) См. по этому поводу «Wirtschaft und Statistik» № 4, 1927 г., стр. 158.

[3]) Данные по Германии взяты из «Wirtschaft und Statistik» № 2, 1928; по С.-А. С. Ш.—по «Statistical Abstract of the United States» за соответствующие годы.

[4]) В скобках за 1925 и 1927 гг. заключены данные, которые получаются, если выключить отсутствующие в американских переписях данные по горной индустрии, строительной, добыче света и воды.

[5]) За 1927 г.—данные «Statistik der Gewerbeaufsichtsbehörden», «Wirtschaft und Statistik» № 16, 1928 г.

В 1909 году среднее число занятых лиц на одно предприятие в американской промышленности больше соответствующего числа по германскому предприятию приблизительно на 12%. За время войны и послевоенных лет «ножницы» между величиной американского и германского предприятия не сжимаются, но раздвигаются шире. В 1923—1925 гг. число занятых лиц на одно предприятие в САСШ больше, чем в Германии, на 16%, в 1927 г.— на 20%. Если принять во внимание огромные сдвиги в области концентрации в Америке за последние годы, то эти цифры можно считать соответствующими действительности.

Если взять роль предприятий с числом занятых лиц от 1.000 и выше в промышленности обеих стран, то сделанный выше вывод об увеличении разницы между уровнем концентрации германской и американской промышленности получает свое подтверждение. Для возможности сравнения мы выключаем здесь из обеих стран данные о предприятиях с числом занятых лиц (рабочих) до 5.

Германия				С.-А. С. Ш.			
Годы	Число занят. лиц в предприятиях от 6 и более занятых лиц (в тысячах)	Число занят. лиц в гигантских предприятиях (в тысячах)	Доля гигантских предприятий в %	Годы	Число рабочих в предприятиях от 6 и более рабочих (в тысячах)	Число рабочих в гигантских предприятиях (в тысячах)	Доля гигантских предприятий в %
1907	7.069	1.175	16	1909	6.303	1.013	16
1925	9.857 (7.400)	2.109 (1.485)	21 (20)	1923	8.565	2.114	25

Здесь оказывается, что до войны роль гигантских предприятий в САСШ приблизительно равнялась роли гигантских предприятий в Германии. Правда, если учесть то, что в данные 1907 г. по Германии включены отрасли промышленности, исключенные по С.-А. С. Ш. (горное дело, строительная промышленность и т. д.) и что метод учета единицы предприятия по С.-А. С. Ш. вообще несколько преуменьшает роль крупных предприятий, то можно предположить, что удельный вес гигантских предприятий в американской промышленности к 1909 г. был несколько больше, чем в германской. Однако, разница эта вряд ли была большой. Иначе за 1923—25 гг. Если даже не выключать из германских данных отрасли промышленности, исключенные в американских, то и тогда доля гигантских предприятий в германской промышленности равняется 21% по сравнению с 25%, падающими на эти предприятия в американской промышленности. Если же сделать эту поправку (она сделана в цифрах, помещенных в скобках), то доля гигантских предприятий по Германии уменьшается до 20%. Следовательно, и по роли гигантских предприятий выясняется, что за время войны и за послевоенный период Америка шагнула быстрее вперед по пути концентрации, нежели Германия.

Это отставание Германии от С.-А. С. Ш. по концентрации производства можно проследить и по ряду отраслей промышленности. По многим отраслям Америка стоит на несравненно более высоком уровне концентрации, нежели Германия. Приведем несколько примеров.

В области производства железа и стали германская промышленность по величине предприятий превосходит другие страны, в том числе, напр., Англию, но сильно отстает от С.-А. С. Ш. Средняя годовая выплавка доменной печи равняется по Германии в 1925 г. 96.900 т. против 41.354 т. по Англии и 138.000 т. по С.-А. С. Ш. [1]). В 1927 г. годовая выплавка по Германии

[1]) См. Survey of Metal Industries. Commitee on Industry and Trade. London, 1928, p. 23.

повышается до 115.000 т. против 44.200 т. по Англии и 188.800 по С.-А. С. Ш. [1]). Таким образом, разница между размерами выплавки на одну доменную печь в Германии и С.-А. С. Ш. не уменьшается, но даже возрастает с 1925 г. по 1927 г. С другой стороны, и независимо от развития в течение этих двух лет размер средней доменной печи по С.-А. С. Ш. приблизительно на 50% превышает размер доменной печи в Германии. Это преимущество С.-А. С. Ш. в области производства железа, конечно, прекрасно чувствуют германские промышленники. Именно оно и заставляет их итти ко все более тесной монополистической организации. В следующих словах председателя германского стального треста Vögler'а это обстоятельство получило чрезвычайно яркое выражение: «Итак, подводя итог,—заявил он перед анкетной комиссией [2]),—я могу сказать, что единственной причиной образования стального треста было убеждение в том, что, с одной стороны, раздробленность предприятий у нас слишком велика для того, чтобы мы могли противостоять иностранной конкуренции... Совершенно правильно то, что мы должны на огромных участках вести конкуренцию с сильнейшей заграницей, и мы не можем же в конце концов из ружей стрелять против пушек (man kann schliesslich nicht mit Flinten gegen Kanonen ankommen). Завод Гари (Garywerke) в С.-А. С. Ш. производит 300.000 т. ежемесячно; самое же крупное предприятие, которым обладала Германия до образования стального треста, был завод Тиссена (August-Thyssen-Hütte), который производил 72.000 т. Значит, мы должны с 72.000 т. конкурировать против 300.000 т...».

Не менее сильно отстает Германия от С.-А. С. Ш. по величине предприятий и по отраслям т. н. обрабатывающей промышленности. Хотя, как мы видели ранее, Германия проделала в области концентрации автомобильного производства большие успехи, жалобы на раздробленность, «партикуляризм» в автомобильной промышленности не продолжают сходить со страниц германской печати. И понятно, почему. Если средняя величина предприятия автомобильной промышленности Америки равнялась в 1919 г. 668 человекам, то по германской промышленности мы имеем величину несравненно меньшую. С другой стороны, если по германской промышленности дневное производство легковых автомобилей в 1927 г. равняется 203,3 штук, т.-е. 8,03 шт. на каждую фабрику или 4,95 шт. на каждую модель, то в американской промышленности по одному только концерну General Motors (который об'единяет шесть прежде отдельно существовавших предприятий) дневное производство на одну модель в 1927 г. равняется 578 шт. [3]). Ясно, что мы имеем величины совершенно несравнимые.

В хлопчатобумажной индустрии средний размер американского предприятия также гораздо больше среднего размера германского предприятия. Если сравнить данные американского ценза за 1919 г. с германскими данными статистики фабричного контроля за 1927 г. (а в последних данных исключены предприятия с числом рабочих менее 5, которые тоже в очень небольшой мере только включены в данные американского ценза 1919 г.), то число рабочих на одно предприятие в хлопчатобумажной промышленности С.-А. С. Ш. не менее чем в два раза превышает соответственное число рабочих на одно германское предприятие.

При употреблении такого же метода сравнения в отношении кожевенной (а особенно обувной) промышленности обеих стран получаем превыше-

[1]) См. Die Wirtschaft des Auslandes, 1900—1927. Einzelschriften zur Statistik des Deutschen Reiches, № 5. Berlin, 1928, c. 20.

[2]) См. Verhandlungen und Berichte des Unterausschusses für allgemeine Wirtschaftsstruktur. 3. Arbeitsgruppe. Wandlungen in den wirtschaftlichen Organisationsformen. Erster Teil. Berlin, 1928, s. 376.

[3]) См. «Frankfurter Zeitung» от 19/V—1928. Abendblatt.

ние размера американского предприятия над германским в два с половиной раза.

И в области текстильной и в области кожевенной промышленности Америка, таким образом, в противоположность Германии показывает достаточно высокий уровень концентрации предприятия. То же, напр., в области пищевкусовой промышленности. Если в С.-А. С. Ш. скотобойное и мясное дело принадлежит к числу крупнейших отраслей с общим годовым производством свыше одного миллиарда долларов, а среднее число рабочих на предприятие здесь достигает к 1919 г. 123, то в Германии мясное дело характеризуется огромной раздробленностью, а средний размер предприятия приблизительно в двенадцать раз менее американского.

Этих примеров достаточно для того, чтобы проиллюстрировать вышесделанный вывод об отставании германской промышленности от американской по уровню концентрации. Однако, следует особенно подчеркнуть, что концентрационное движение в германской промышленности со времени 1925 г., к которому относятся данные последней промышленной переписи, не только не приостановилось, но быстро развивается. И, пожалуй, важнейшим стимулирующим в этом отношении моментом является огромная конкуренция С.-А. С. Ш. и других государств, с которой послевоенная Германия сталкивается на мировом рынке. Именно она приводит с железной необходимостью к сильнейшему соревнованию Германии с другими странами в сфере концентрационного движения.

Г. Зиновьев

Кое-что о международном положении.

I.

Наше мировое положение медленно и сначала как бы незаметно, изменялось с тех пор, как его последний раз описывал Ленин; теперь оно во многом стало более сложным и трудным.

В «Лучше меньше, да лучше» Ленин писал:

«Мы стоим, таким образом, в настоящий момент перед вопросом: удастся ли нам продержаться при нашем мелком и мельчайшем крестьянском производстве, при нашей разоренности до тех пор, пока западно-европейские капиталистические страны завершат свое развитие к социализму? Но они завершают его не так, как мы ожидали раньше. Они завершают его не равномерным «вызреванием» в них социализма, а путем эксплоатации одних государств другими, путем эксплоатации первого из побежденных во время империалистической войны государства, соединенной с эксплоатацией всего Востока. А Восток, с другой стороны, пришел окончательно в революционное движение именно в силу этой первой империалистической войны и окончательно втянулся в общий круговорот всемирного революционного движения».

«...На нашей стороне тот плюс, что весь мир уже переходит теперь к такому движению, которое должно породить всемирную социалистическую революцию. На нашей стороне тот минус, что империалистам удалось расколоть весь мир на два лагеря, при чем этот раскол усложнен тем, что Германии, стране действительно передового культурного капиталистического развития, подняться теперь до последней степени трудно. Все капиталистические державы так называемого Запада клюют ее и не дают ей подняться. А, с другой стороны, весь Восток, с его сотнями миллионов трудящегося эксплоатируемого населения, доведенного до последней степени человеческой крайности, поставлен в условия, когда его физические и материальные силы не идут решительно ни в какое сравнение с физическими, материальными и военными силами любого из гораздо меньших западно-европейских государств.

«Можем ли мы спастись от грядущего столкновения с этими империалистическими государствами? Есть ли у нас надежда на то, что внутренние противоречия и конфликты между преуспевающими империалистическими государствами Запада и преуспевающими империалистическими государствами Востока дадут нам оттяжку второй раз, как они дали в первый, когда поход западно-европейской

контрреволюции, направленный к поддержке русской контрреволюции, сорвался из-за противоречий в лагере контрреволюционеров Запада и Востока, в лагере эксплоататоров восточных и эксплоататоров западных, в лагере Японии и Америки?

«На этот вопрос, мне кажется, следует ответить таким образом, что решение зависит здесь от слишком многих обстоятельств и исход борьбы в общем и целом можно предвидеть лишь на том основании, что гигантское большинство населения земли, в конце концов, обучается и воспитывается к борьбе самим капитализмом...

«Но нам интересна не эта неизбежность окончательной победы социализма. Нам интересна та тактика, которой должны держаться мы, Российская Коммунистическая Партия, мы, Российская Советская власть... для того, чтобы помешать западно-европейским контрреволюционным государствам раздавить нас. Для того, чтобы обеспечить наше существование до следующего военного столкновения между контрреволюционным империалистическим Западом и революционным и националистическим Востоком, между цивилизованнейшими государствами мира и государствами по-восточному отсталыми, которые, однако, составляют большинство,—этому большинству нужно успеть цивилизоваться». (Ленин, XVIII, ч. 2, стр. 126, 127, 128; разрядка везде наша).

Это была не просто кон'юнктурная оценка «текущего момента» международной политики. Это была фундаментальная оценка мирового положения, данная Лениным в последний раз перед его кончиной.

С тех пор, как Ленин написал эти строки, произошло два крупных изменения: 1) изменилась роль Германии, 2) изменилось—на время—соотношение сил между «контрреволюционным империалистическим Западом и революционным и националистическим Востоком». Оба изменения в данной стадии исторического процесса—не к нашей выгоде.

На изменение роли Германии у нас обращают крайне мало внимания—хотя, казалось бы, проблема эта находится прямо-таки «под боком». А между тем именно германская проблема может получить в будущем прямо решающее значение.

Ленин писал (в начале 1923 г.), что Германии «подняться теперь до последней степени трудно». Это трудное оказалось все-таки возможным. Буржуазная Германия поднялась. Ей помогли подняться а) американский капитал; б) антагонизмы в лагере ее противников из бывшей Антанты, в частности, антагонизм между Англией и Францией; в) высокая ступень германского капитализма; то, чего никакими Версальскими договорами отнять нельзя — приспособляемость и крайняя эластичность германского капитализма: «германская» техника, успехи на путях технической революции, организованность капиталистов, буржуазная культура; г) сильная социал-демократия, в частности, помогшая буржуазии впрячь рабочий класс в колесницу капиталистической рационализации и т. п.; д) освобождение на время от чрезмерно больших непроизводительных расходов на милитаризм (не было бы счастья, да несчастье помогло; теперь, окрепши, германская буржуазия всеми способами пытается вернуть себе легальное право на «подобающую» армию и флот; а германская с.-д. помогает ей и в этом).

Это не значит, что современная буржуазная Германия вернула себе всю свою былую мощь, что она не зависит от капиталистов других стран и т. п. Нет. Современная Германия является страной ввоза капитала (главным образом из Америки). Разумеется, американские капиталисты ввозят этот капитал не из благотворительных целей. План Дауэса говорит об этом достаточно красноречиво. Разумеется, Германия еще посейчас болезненно ощущает на себе результаты поражения в мировой войне: сокращенная территория, частичная оккупация, иностранный контроль, репарационные платежи, чрезмерная зависимость от внешних займов, необходимость вооружаться в скрытой форме и т. п. И тем не менее, современная Германия вновь становится империалистической страной.

Что Германия подымается,—это можно было бы только приветствовать. Но что она подымается на основе буржуазно-империалистской, а не на основе победы пролетарской революции, в этом заключается громадная опасность для дела мира.

Буржуазная Германия поднялась. Это факт крупнейшей исторической важности. Отдельные крупные отрасли германской промышленности не только вновь догоняют Англию, но имеют тенденцию начать догонять Америку. Технический прогресс в Германии безусловно превосходит Англию. Ближайшие пять целей буржуазной Германии сводятся к тому, чтобы: 1) возможно дешевле отделаться от репарационных платежей и вообще «издержек производства» по войне; 2) возможно скорее освободиться от остатков военной оккупации; 3) вернуть себе утерянные в войне колониальные владения (или заменить их другими); 4) обеспечить себе новые рынки или вернуть старые; 5) получить теперь уже право легального воссоздания своей армии и флота в таких размерах, как это «приличествует» «великой» державе. Все эти цели—не говоря уже о главной: борьбе против пролетарской революции—тянут германскую буржуазию к западной ориентации, т.-е. против СССР. Германская буржуазия всерьез и надолго западной ориентации сопротивляться не собирается и лишь «страхует» себя в сторону СССР, в виду определенной заинтересованности.

Что спасло германскую буржуазию в 1918—19 гг. от пролетарской революции? Сочетание двух факторов: 1) буржуазия Антанты все же дала мир—хотя бы и Версальский—Германии, содрогавшейся под толчками пролетарских восстаний; 2) сильная контрреволюционная германская социал-демократия тоже «играла» на западную ориентацию, как, якобы, обеспечивающую Германии чуть не вечный мир, против советской ориентации, как, якобы, чреватой чуть не вечными войнами. В общем это сочетание, хотя и при сильно изменившейся обстановке, продолжает действовать и сейчас.

Известное сближение побежденной Германии с СССР после Версальского мира, тем не менее, не было случайностью. Оно вытекало из того, что побежденная страна, прошедшая через Версаль, ограбленная империалистами Антанты и попавшая в положение угнетаемой страны,—не могла не искать сближения с Россией, единственной страной, завоевавшей себе подлинную самостоятельность и порвавшей с империалистской политикой. Но время шло. Положение Германии менялось. И вот уже, примерно, два года, как германская буржуазия не столько думает о том, чтобы действительно сближаться с СССР, сколько о том, как выгоднее для себя использовать переход на западную ориентацию, как лучше маневрировать среди «великих» капиталистических держав, очень «чутко» реагирующих на каждый шаг против СССР и очень ревниво относящихся к каждому шагу навстречу СССР.

Разбитые армии хорошо учатся—это подтверждается на примере Германии. Иностранная политика германской буржуазии за последние годы—образец ловкого лавирования. В это лавирование—это надо твердо запомнить—может входить и план: в решительный момент предать СССР, нанести нам такой удар в спину, который будет особенно щедро оплачен международным капиталом. Часть германской буржуазии уже сейчас рассчитывает на то, что именно участие Германии в каком-либо открытом нажиме на СССР

может окончательно вернуть Германию в «семью» «великих» империалистических держав-грабительниц. Медленно, но неуклонно дело развивается именно в сторону сближения Германии с империалистическими государствами-победителями. Вхождение Германии в Лигу Наций есть этап в э т о м направлении. Внутреннее развитие Германии—в особенности, приход к власти шовинистской с.-д. (при серьезном росте ее конкурента в рабочем классе: компартии)—тоже при известных условиях может этому содействовать.

«Ведущая» роль в систематическом походе против СССР в нынешний период принадлежит, конечно, Англии. С неслыханным упорством, с дьявольской цепкостью ведет английская буржуазия кампанию против СССР, используя все, что только можно, не отступая ни на шаг от раз задуманной цели.

Это—факт. Но этот факт настолько очевиден, что о нем вряд ли стоит теперь особенно распространяться. Гораздо менее очевидна п о к а - ч т о та роль, которую собирается сыграть подымающаяся г е р м а н с к а я буржуазия, со все большей ненавистью смотрящая на «соседство» Советской Страны и все нервнее думающая о том, как бы «не пропустить момент», как бы подороже продать «дружбу» с СССР.

Если бы Германия не была к 1918 году в значительной мере обессилена и разорена войной с Антантой, если бы в 1918—19 гг. в Германии не произошла революция (хотя и не ставшая победоносной пролетарской революцией) — наше положение в гражданской войне 1918—21 гг. было бы гораздо более тяжким. Германия могла повредить нам непосредственно больше, чем любое другое буржуазное государство. Октябрьской революции помог сначала Брестский мир, затем помогла германская революция — хотя и оставшаяся только буржуазным переворотом. Нейтралитет Германии во время нашей войны с Польшей—да и относительный нейтралитет Германии вообще после 1919 года—имел громадное значение для исхода нашей гражданской войны. Влиятельная часть германской буржуазии уже сейчас говорит, что в будущей большой войне буржуазная Германия не будет нейтральной или будет нейтральной только по видимости — и то только вначале. Вхождение германских банкиров в международный комитет кредиторов, желающих получить от СССР старые долги, есть также немаловажный симптом.

Нет никакого сомнения в том, что недавнее (июль 1928) соглашение между Англией и Францией—размеры которого так и остались не вполне известны, но будущая роль которого, во всяком случае, огромна—имеет одной из задач заставить Германию поторапливаться на запад, в сторону «западной ориентации». Антагонизм между Англией и Францией до поры до времени позволял Германии сохранять видимость независимости и свободы выбора между восточной и западной ориентациями. Англия и Франция, выступающие совместно, могут в небывалой степени у с к о р и т ь и без того назревшее решение германской буржуазии уже не только, как «ориентацию», но и как практическое действие.

Опасность, угрожающая нам со стороны буржуазной П о л ь ш и, тоже достаточно очевидна. Но к ней мы настолько «привыкли», что перестали ее замечать. Если мы «привыкнем» к ней чрезмерно, то как бы не вышло, как в известной сказке с появлением волка. Поведение Пилсудского в последнее время (его обращение с сеймом, вся его литовская политика, его странная «отставка», его заигрывание с Левицким, его гостеприимство по отношению к представителям румынского генштаба, его растущая близость с французскими империалистами, его поездка в Румынию, его игра вокруг недавнего предложения нашего Наркоминдела и т. п.) очень похоже на подготовку в б л и з к о м в р е м е н и военной авантюры.

Если Пилсудский сглотнет Л и т в у, то это будет значить, что он готовится (и что ему разрешили большие разбойники) затем нанести удар советской Украине. Польша и стоящие за ней враждебные нам силы только

«изловчаются» начать «кушать» Литву так, чтобы агрессивные намерения их не слишком били в нос. Захват Литвы лишь по видимости и лишь на короткий срок был бы локальным инцидентом. На самом деле захват Литвы был бы шагом к войне против СССР и обострил бы международное положение в чрезвычайной степени. В этом смысле противоречия между «маленькими» Польшей и Литвой в д а н н ы й п е р и о д могут получить для СССР, а стало быть и для всего международного пролетариата, больше н е п о с р е д с т в е н н о г о значения, чем зреющие грандиозные, в будущем решающие, противоречия между гигантами: Америкой и Англией. Это надо ясно видеть.

Но ведь и польская опасность стоит в известной связи с г е р м а н с к о й опасностью. Мы слишком привыкли к тому, что Польша и Германия в течение некоторого времени друг друга до известной степени и в известных пределах «уравновешивали» и «нейтрализовали». Новое в международном положении, однако, заключается в том, что противоречия между Польшей и Германией н а к о р о т к о е в р е м я—под руководством Англии, сблизившейся с Францией—могут быть локализованы и «преодолены» настолько, что они на момент перестанут мешать наступлению на СССР. Над этой задачей «работают» серьезнейшие силы враждебного нам мира.

Из наиболее актуального д л я н а с с е й ч а с, н о в о е в международном положении это—именно изменившаяся роль Германии.

Таково первое изменение, наступившее в мировом положении после смерти Ленина. При центральном месте, занимаемом Германией в Европе, это изменение имеет кардинальнейшее значение.

II.

В т о р о е изменение сводится к следующему. Ленин искал средств «обеспечить наше существование до следующего военного столкновения между контрреволюционным империалистическим Западом и революционным и националистическим Востоком». Одно из таких столкновений тем временем п р о и з о ш л о: мы имеем в виду с о б ы т и я в К и т а е и в о к р у г К и т а я. «Контрреволюционный империалистический Запад» ввел войска в Китай, бомбардировал Нанкин, бомбардировал затем китайскую революцию по всему фронту. Только с помощью контрреволюционного империалистического Запада Чан Кай-ши смог на время подавить китайскую революцию.

Конечно, исход этого столкновения отнюдь не окончателен. Об'ективные задачи китайской революции не разрешены и сверху разрешены быть не могут. Оценка IX расширенного ИККИ по китайскому вопросу вполне верна. Бывшее «столкновение»—только о д н о и з п е р в ы х. Там еще будет много столкновений. В последнем счете победа, конечно, будет за китайской революцией. Да и как ни велика китайская проблема, она не исчерпывает всего «восточного» вопроса: завтра может вспыхнуть и Индия, и в огне этого пожара может быстро погибнуть английский империализм. «Но нам интересна не эта неизбежность окончательной победы социализма. Нам интересна та тактика, которой должны держаться мы, Российская Коммунистическая партия, мы, Российская Советская власть, для того, чтобы помешать западно-европейским контрреволюционным государствам раздавить нас». (Ленин, XVIII, 2, 127). Под этим углом зрения события в Китае и вокруг Китая в 1927—28 гг. имеют гигантское значение. На известный промежуток времени—теперь уже вполне ясно, что дело идет о целом этапе, который может при неблагоприятных обстоятельствах занять еще несколько лет [1])—китайская революция потерпела поражение. А ее временное пора-

[1]) Между 1905 и 1917 гг. лежит этап в целых 12 лет. Но ныне «бег истории» куда быстрее.

жение неизбежно и необходимо есть наше (СССР) временное поражение, как ее победа неизбежно и необходимо была бы нашей победой.

Нам удалось «обеспечить наше существование» до первого крупного военного столкновения между контрреволюционным империалистическим Западом и революционным и националистическим Востоком. Но это столкновение кончилось пока-что поражением (временным, отнюдь не окончательным, но серьезным) «революционного и националистического Востока». Это есть серьезное изменение в соотношении сил на мировой арене не в нашу пользу.

Ленин учил, что самой большой ошибкой для революционеров является скрывать от себя поражения революции; признать поражение, понять его размеры и причины—значит начать преодолевать его.

«Сливки» с империалистских побед над Китаем теперь снимают: 1) американские империалисты, ведущие особенно большую игру вокруг Китая; 2) английские консерваторы, использующие положение в целях «окружения» СССР и 3) японский империализм. Менее ясна была до сих пор в этом отношении роль японского империализма, ибо японская буржуазия лавировала чрезвычайно ловко, применяя внешне «мягкие», «кошачьи» приемы. Теперь японский зверь готовится прыгнуть сразу и только изловчается занять исходные позиции получше. Известная «поддержка» Англии этому зверю обеспечена. Америка недовольна. Но недовольство это пока пассивное, «ленивое». Америка заигрывает с Нанкином. Но для Англии не представило труда сделать в отношении Нанкина внешне почти те же жесты, что и Америка. Гвоздь же для нас,—а, значит, и для всего международного пролетариата — сейчас заключается в том, что за наскок на СССР Японии многое «простят» даже американские империалисты.

Недавние события в Афганистане тоже являются известным успехом «контрреволюционного империалистического Запада». В той или другой форме, вероятно, скоро последуют нажимы английского империализма на кемалистскую Турцию. В этом отношении афганские события очень разжигают империалистские аппетиты. Нажим может последовать в очень «добренькой» форме. Англия даже наверняка предпочла бы мирный вариант. Но очень вероятно, что она сделает именно теперь настойчивые попытки ввести Турцию в свой «фарватер»...

В последнем счете национально-освободительные движения угнетенных народов, несомненно, вновь подымутся и сольются с победоносной пролетарской революцией. Но полосы упадка возможны. Мировая революция в общем идет вперед. А внутри этой эпохи «контрреволюционные судороги» (Ленин) неизбежны.

III.

У нас слишком часто подходят к Лиге Наций «агитаторски». Она-де бессильна разрешить проблему войны и мира, она-де собирает бесконечные конференции, топчется на месте и т. п. Недавно в «Правде» (№ 196) т. Лапинский в интересной статье «Бюро при Лиге Наций и Гималаи лицемерия» называет Лигу Наций «ублюдочным, чахоточным плодом». Конечно, Лига Наций не может и не хочет покончить раз навсегда с войнами и вообще разрешить существующие противоречия так, как этого требовали бы интересы трудящихся масс. Доказывать это, высмеивать Лигу за ее неуменье сделать это, за ее напыщенные фразы и фальшивые декларации—вещь не бесполезная. Разоблачать подлость современных с.-д. вождей, все более связывающих свою судьбу с Лигой Наций, надо. Когда с.-д. вожди на своем недавнем брюссельском конгрессе выносят резолюцию о том, что дело разоружения должно быть возложено на Лигу Наций, что контроль над Суэцким каналом должен быть доверен Лиге Наций, что всякая мобилизация, и даже «промышленная», до заключения Лиги Наций запрещается и т. п.—то, конечно, надо за это пригвождать к позорному столбу социал-шовинистов. Но надо понять, что вожди II Интернационала именно потому и льнут к Лиге Наций, что она не «чахоточный плод», а довольно важная составная часть механизма современной империалистической системы. «Ихнее» дело, дело империалистов, Лига Наций все же выполняет недурно. Где нужно, найдет—на время—компромисс, сгладит, отложит тот или другой вопрос, еще раз поищет компромисса и т. д. Но одна из главных задач империалистов: систематическая изоляция СССР, постепенное окружение его, подведение «тихой сапы» под него—эта задача Лигой Наций выполняется небезуспешно. Не последним по важности для империалистов делом является образцовая «работа» Лиги Наций по вовлечению Германии в ряды Лиги. Дело это удалось Лиге Наций вполне.

Входить нашему государству в Лигу Наций это—все равно, что профсоюзу рабочих входить в союз предпринимателей или стачечникам входить в союз штрейкбрехеров. Об этом нет и не может быть и речи. Наша партия на этот счет вполне единодушна. Но видеть реальное, практическое, реакционное значение этой Лиги, видеть известный успех ее политической работы против нас мы обязаны.

Ленин хорошо знал, какие внутренние противоречия и конфликты раз'едают лагерь империалистов. Но, тем не менее, его последняя статья, разбирающая международное положение, полна забот и беспокойства—как бы, в самом деле, «им» не удалось составить единый фронт против Советского Союза, хотя бы на короткое время. Эта опасность за последнее время, несомненно, приблизилась.

IV.

Мы остановились в первую очередь на двух важных изменениях в мировой обстановке. Ими, конечно, далеко не исчерпываются изменения в мировом положении СССР.

Когда мы говорим о растущей опасности об'единения нескольких важнейших капиталистических государств для прямой атаки против СССР, то мы ни на минуту не забываем о том, что внутри империалистического лагеря существуют противоречия, борьба, соревнование, вражда, свара, мешающие им образовать единый фронт против нас.

Противоречий внутри капиталистического мира бездна. В период частичной стабилизации капитализма противоречия эти не уменьшаются, а увеличиваются.

После войны и русской революции на мировой арене остались четыре крупнейших империалистических державы: САСШ, Великобритания, Япония, Франция. С известными ограничениями (см. выше) к ним можно еще причислить пятую державу: вновь подымающуюся и уже сильно поднявшуюся Германию. Значительную, хотя и архиреакционную международную роль может сыграть современная фашистская Италия. Каждая из четырех «великих» империалистических держав в известной мере соревнует с остальными державами-гигантами. Все остальные государства—более мелкие — группируются в разных комбинациях, иногда очень преходящих, вокруг этих держав-гигантов.

Попробуем перечислить основные противоречия, существующие между капиталистическими государствами и целыми группами государств. Это поможет нам понять, каковы будут черты грядущей войны.

1. Англо-американское соперничество. Интересы САСШ и Великобритании сталкиваются в Южной Америке, Канаде, Австралии, Китае, частью в Германии. Идет бешеное соревнование в морских вооружениях. Америка вооружается не только против Японии, но и против Англии. На сооружение новых военных кораблей САСШ намерены израсходовать в те-

чение ближайших 20 лет около 3 миллиардов долларов. Идет война вокруг нефти, вокруг каучука и т. п. Достаточно вдуматься в то, какая гигантская борьба идет между САСШ и британским империализмом в одной только Южной Америке. К началу мировой войны сумма английских капиталов в Латинской Америке составляла 5 миллиардов долларов, а сумма капиталов Соединенных Штатов—только 1½ миллиарда долларов. А теперь это соотношение за каких-нибудь 15 лет изменилось коренным образом. Капиталы, вложенные Англией в страны Южной Америки, увеличились на 15—20%, а капиталы, вложенные САСШ, увеличились на 300%. Капиталы, вложенные Соединенными Штатами Америки в Латинскую Америку, в 40 раз больше, чем капиталы, вложенные САСШ в Европу. Ясно, какая бешеная конкуренция должна разыгрываться между северо-американскими и великобританскими империалистами уже из-за одной этой лакомой добычи. В будущем соперничество между САСШ и Великобританией будет главным и абсолютно решающим. Но сейчас конфликт между САСШ и Великобританией далеко еще не назрел настолько, чтобы непосредственно облегчить положение единственного пролетарского государства на мировой арене, чтобы непосредственно обезопасить нас от атак английского империализма. Если бы латентный конфликт двух крупнейших рабовладельцев стал уже актуальным, злободневным, международное положение СССР было бы совсем другим. Если бы само отношение САСШ и Англии к нам, к СССР, было совершенно различным,—международное положение СССР, равным образом, было бы совсем другим. Этого еще нет.

Современная буржуазная Германия может использовать и использовывает противоречия между САСШ и Англией даже в их теперешнем виде. А современный социалистический Союз Советских Республик обладает этими возможностями в гораздо меньшей степени, ибо против диктатуры пролетариата оба буржуазных соперника легко об'единяются и оба готовы перегрызть ей горло.

Придет время—оно не за горами—когда именно англо-американское соперничество, без всякого преувеличения, потрясет мир. Тенденции этого соперничества заслуживают самого пристального внимания и изучения со стороны международного пролетариата и, в частности, со стороны пролетариата СССР. Но тенденцию, хотя и быстро нарастающую, все же не следует принимать за завершившийся процесс.

2. Американо-японское соперничество. Америка заигрывает с Китаем, который Япония считает своим «доменом». Америка требует для Китая политики «открытых дверей», что Япония воспринимает как требование пустить Америку туда, где позиции заняты уже (или завтра будут заняты) японцами. Китаю, как рынку, в будущем предстоит громадная роль. Из-за него стоит и повоевать. Кроме того, САСШ и Великобритания чувствуют себя соперниками на всем Тихом океане. На вашингтонской конференции САСШ потеснили Японию, несколько поссорили Англию с Японией. Одно время могло казаться, что Англия и Япония более враждебны друг другу, чем Япония и Америка. Но в 1927 г. Англия и Япония вновь сближаются—против китайской революции. События 1928 г. (Шаньдунь и пр.) делают особо выпуклыми противоречия между САСШ и Японией, по крайней мере, в тенденции.

Однако, военная и дипломатическая подготовка влиятельной части японской буржуазии на деле идет прежде всего против СССР.

На ближайшее время Япония может считать себя застрахованной от прямого нападения со стороны САСШ хотя бы уже потому, что морской флот Японии на деле пока еще сильнее американского там, где они могли бы столкнуться сейчас. В то же время Манчжурия и наше Приморье «манят», и нападение—в «подходящий момент»—на СССР кажется линией наименьшего сопротивления.

Тенденции и тут не следует принимать за нечто готовое и созревшее. Япония будет драться с САСШ через некоторое время. Но до того, как это случится, японский империализм вполне может напасть на СССР.

3. Англо-французское соперничество. Оно же тесно связано и с вопросом о франко-итальянском соперничестве. Развитие военной техники в значительной мере лишило Англию преимуществ островного положения. Французские пушки могут обстрелять английские берега, воздушный флот может бомбардировать Лондон. Французские подводные лодки серьезно угрожают всему могуществу английского флота и т. п. Это заставляет Англию либо искать серьезных военных союзников против Франции в Европе, либо итти на сближение с Францией.

Англия в последнее время берет на себя роль арбитра между Францией и Италией (эти последние спорят из-за того, что Италия чувствует себя «обделенной» Версальским миром). Англия проявляет «доброжелательство» к Италии, видя в ней известный фактор против чрезмерного военного могущества Франции в Европе.

Стремясь к изоляции СССР, Англия идет иногда на некоторые уступки Франции. С другой стороны, Англия хочет вовлечь в свою орбиту против СССР Германию, которая, однако, в последнее время вновь начинает экономически соперничать с Англией. В этом смысле можно говорить о франко-англо-германском соперничестве.

Однако, новейшим фактом, вносящим серьезнейшее изменение во все европейское и даже мировое положение, является соглашение между Англией и Францией, достигнутое летом 1928 г. Пока сообщается, что соглашение это касается только морских вооружений, но есть все основания думать, что дело идет о большем. Ближайшим образом это англо-французское соглашение может ударить по Германии в том смысле, что на нее будет больший нажим при разрешении вопросов, связанных с планом Дауэса, с досрочным освобождением прирейнских провинций и т. п. На нее будет больший нажим, чтобы окончательно «оторвать» ее от СССР. И буржуазная Германия, несомненно, охотно стала бы «расплачиваться» теперь именно этой монетой: более или менее демонстративным отходом от «восточной» ориентации. Но в более далекой перспективе соглашение Англии и Франции, конечно, направлено против СССР. Получается впечатление, что воссоздается печальной памяти Антанта с той разницей, что тогда в нее входила и царская Россия, а теперь она (Антанта) будет направлена больше всего против СССР.

Последние сессии Лиги Наций подтверждают то, что мы говорили выше о роли Германии. Бриан грозно поводит бровями. Он даже прямо покрикивал на германского канцлера Мюллера. Англия, выступавшая до сих пор представительницей и «защитницей» Германии, показывает, когда нужно, необычайную сдержанность и сухость по отношению к ней. За грубым нажимом последует какая-нибудь небольшая уступочка. И при посредстве французских и германских с.-д.—лучших маклеров, чем «товарищи» Поль Бонкур и Брейтшейд и желать нельзя—готовится заключение сделки. Одной из важнейших сторон этого соглашения будет прицел против СССР. Новейшие выступления французской дипломатии также не оставляют на этот счет никаких сомнений.

4. Франко-германское соперничество. Оно остается фактом. Буржуазная Германия глубоко «припрятала» идею реванша, но не отказалась от нее. Англия искусно использует это противоречие в своих целях, стремясь ослабить и Францию, и Германию и в то же время вовлечь оба эти государства в свою антисоветскую политику.

5. **Противоречие между САСШ и европейскими государствами, являющимися их должниками.** Тенденция к известному сближению между европейскими государствами против американского «паука», несомненно, существует. Не надо и ее принимать за завершившийся процесс. Эта тенденция пересекается контртенденциями. Возня вокруг «пакта Келлога» [1]) показала это в достаточной степени. Но в перспективе это противоречие тоже немаловажно.

К этому надо прибавить противоречия: 6) между Германией и Польшей; 7) между Венгрией и Румынией, Югославией и Чехо-Словакией; 8) между Польшей и Литвой; 9) между Болгарией и Югославией; 10) между Италией и Югославией и т. п.

Все эти противоречия более чем достаточны, чтобы из них одних могла родиться новая война—гораздо более истребительная, чем война 1914—1918 гг. Борьба за рынки, за источники сырья и, в связи с этим, за новый передел мира (и, во всяком случае, за передел колоний, полуколоний и сфер влияния) становится все более острой. Расходы на вооружение бешено растут (для четырех крупнейших держав плюс Италия в 1927—28 г.—2.100 милл. долларов против 1.100 милл. долларов в 1913 г.). Военная техника «усовершенствовалась» настолько, что в несколько минут будут уничтожаться целые города.

Вышеочерченные противоречия между Америкой и Англией, Америкой и Японией и т. п. надо изучать. Надо, чтобы самые широкие слои рабочих проникли к мистерии иностранной политики. Надо уметь видеть связь между основными противоречиями Вашингтон—Лондон и «текущими» противоречиями, в роде антагонизма Варшава—Вильно—Ковно. *Но надо, чтобы первые не заслоняли от нас вторых*—что у нас иногда, к сожалению, имеет место. События вокруг Варшавы — Вильно — Ковно могут завтра же очень больно задеть Москву, — тогда как решающее столкновение между Вашингтоном и Лондоном, во всяком случае, разразится только *послезавтра*. Победа фашизма в Югославии и налаживающийся союз наиболее фашистских государств могут быть использованы против нас в сравнительно скором будущем.

Вот почему мы и выдвинули во главу угла *два* вышеочерченных важнейших изменения в мировой обстановке СССР: 1) *изменившаяся роль Германии* и 2) *временное поражение революции в Китае*.

Капитализм на то и капитализм, чтобы под его оболочкой накоплялись противоречия, из которых вырастают войны и революции. А тем более—капитализм в его империалистической фазе. А тем более, когда империализм проходит через частичную «стабилизацию» после громадных потрясений, чуть было не стоивших ему головы.

Новые столкновения и новые войны между империалистскими государствами неизбежны. Весь вопрос только в том, не захотят ли господа

---

[1]) Подписание пакта Келлога нашим правительством было вполне правильно. Решающим, по нашему мнению, является соображение о том, как лучше перерезать агитацию империалистов и *ее главного орудия в массах—социал-демократии*. Отказ нашего правительства подписать этот пресловутый пакт был бы использован социал-демократией для бешеной травли против нас в широчайших массах трудящихся. «Пакт Келлога» — помимо других его сторон, о которых — в другой раз, являлся своего рода применением «тактики единого фронта» со стороны буржуазии и социал-демократии. Именно интересы разоблачения этого «хода» требовали подписания (конечно, мотивированного) пакта с нашей стороны — *при одновременной широкой большевистской раз'яснительной кампании*. Разумеется, подписание пакта само по себе ни на волос не обеспечивает нас против военных нападений. Малейшие иллюзии в этом отношении были бы глубоко вредны. Подобные нотки, появившиеся в одной статье «Известий», были решительно пресечены.

империалисты *сначала* повоевать с СССР, а *затем уже* воевать друг с другом. Империалисты считают, что, если они не будут воевать против СССР, то тем скорее будут воевать друг с другом. Империалистам трудно, невозможно договориться друг с другом сколько-нибудь надолго и образовать сколько-нибудь прочный единый фронт. Это верно. Но некоторое относительное и временное единство фронта против общего врага, против СССР, для них достижимо.

Маркс и Энгельс не могли еще дать достаточно конкретной картины того, *как* будет сопротивляться, *как* будет бешено бороться против одной победившей пролетарской революции буржуазия остальных стран. Ленин смог уже нарисовать эту картину более конкретно. Чем больше мировая буржуазия убеждается, что социалистическая революция не химера, не фантазия, не пустая угроза, что она растет и сплачивает свои силы вокруг СССР,—тем больше она думает о том, как «вырвать с корнем» советскую опасность. И передышкой, которую мировой буржуазии дала частичная стабилизация капитализма, она хочет воспользоваться именно для этого. А имея теперь *свои* усилившиеся с.-д. партии и с.-д. профсоюзы, она неизбежно будет действовать более нагло.

V.

Конечно, внешняя политика любого государства *связана* с его внутренней политикой. Конечно, внешняя политика советского государства и до сих пор была тесно связана с его внутренней политикой. Но теперь эта зависимость приобретает особый отпечаток.

«Брестская» полоса в международной политике советской власти была возможна только потому, что две империалистические коалиции в ту пору яростно боролись между собой, вцепившись друг другу в глотку. Но брестская полоса нашей политики, с другой стороны, была возможна лишь при разрыве ВКП(б) с партией левых эсэров, при беспощадном подавлении методами революционного террора всех антибольшевистских сил тогдашнего времени, словом, при той внутренней политике, которую вела наша партия тогда.

Наша иностранная политика в пятилетие 1920—1924 гг. тоже была политикой «лавирования» и «маневрирования», но уже в значительно изменившейся обстановке,—ибо мировая война кончилась. Наша иностранная политика в 1920—1924 гг., как она велась при Ленине и непосредственно после его смерти, опиралась в значительной мере на известное использование противоречий между победителями и побежденными в мировой войне, противоречий между мелкими государствами и крупными империалистическими гигантами, между национально-зависимыми (и полузависимыми) и угнетательскими империалистскими государствами. Конечно, такая политика вполне законна для пролетарского государства.

Отсюда сравнительно близкая связь нашего государства с Германией, первый мирный договор с Эстонией, известная близость с кемалистской Турцией и т. п. Это способствовало и признанию нас Англией и Францией.

Этой внешней политике соответствовала внутренняя политика, построенная на прочном хозяйственном (а не только военном) союзе рабочего класса с средним крестьянством, приведшая в 1921 году к нэпу и никогда не отклонявшаяся от ленинского принципа «уметь достигать соглашения с средним крестьянином, ни на минуту не отказываясь от борьбы с кулаком и прочно опираясь только на бедноту». Этому периоду внешней политики в области внутренней соответствовала политика революционной законности, превращения ВЧК в ГПУ, «лицом к деревне» и т. п.

С 1925—26 гг. мы в области иностранной политики вступили в полосу новых нажимов на СССР, а затем и разрывов. В ближайшие годы нас, вероятно, ожидают новые удары со стороны международной буржуазии.

Наступление со стороны международной буржуазии идет параллельно с известным наступлением буржуазных элементов (деревни и города) внутри СССР, питая друг друга. Известная взаимозависимость налицо.

На самый ближайший период империалисты, повидимому, не прочь, пока «ограничиться» мерами экономического окружения (и попытками «мирного» удушения) нас. А кулак внутри страны склонен пока «ограничиться» попытками к хлебной забастовке. Однако, не только не исключена, а, напротив, неизбежна попытка со стороны мировой буржуазии сочетания экономического окружения с прямой войной против нас. Если бы это случилось, то новая буржуазия внутри страны тоже попробовала бы еще больше «активизироваться» и дошла бы до попыток восстания.

Противоречия между различными империалистскими державами, противоречия внутри буржуазного мира вообще не только продолжают существовать, но и приведут неизбежно к новым войнам между империалистами. Капитализм на то и капитализм, чтобы в последнем счете увеличить, расширить противоречия внутри буржуазного мира. Использовать эти противоречия «лавировать и маневрировать» между буржуазными государствами мы можем и должны и теперь в меру того, что позволяют нам обстановка и принципы Коминтерна. Но надо ясно видеть, что на известный промежуток времени между буржуазными государствами существует некоторый мир, позволяющий им действовать по отношению к «общему врагу», Советскому Союзу, более дружно, чем это было в 1917—18 гг. (до германской революции) и в 1919—24 гг. (полоса отдельных договоров с советской Россией, признаний де-юре и т. п.). Антагонизм между победителями и побежденными, т.-е. между державами бывшей Антанты и Германией в первую голову, относительно и на время смягчился. И это—несмотря на то, что по конкретным вопросам нажим империалистов на Германию происходит как раз и сейчас.

Вероятна ли в близком будущем открытая война между империалистскими государствами? Не только вероятна, но и неизбежна. Но вероятно ли, что крупные империалистские державы раньше, чем открыто передраться друг с другом, хотели бы «разделаться» с СССР? Это очень и очень вероятно.

Удастся ли им так сманеврировать? В этом весь вопрос.

Всего вероятнее, что, как это часто бывает в мировой истории, обстановка сложится «хитрее», чем ожидают обе стороны. Так, например, вести войну (и ряд войн) против колониальных и полуколониальных стран империалистским державам «приходится» уже сейчас, хотя, конечно, им было бы сподручнее «отложить» и эти столкновения до сведения счетов с СССР. Империалисты напрягают все силы, чтобы «окончательно» расправиться с революцией в Китае. А в это время нарастает революционное движение в Индии, Египте, Корее, Сирии, Марокко, в Южной Америке и т. д. Из войн империалистов против колониальных и полуколониальных стран тоже может вырасти прямая война против СССР.

Во всяком случае, мы обязаны готовиться к худшему для нас варианту. Ленин считал, что на очереди второй тур войн именно против нас, против советской власти.

Против Советского Союза образовывается единый фронт нескольких буржуазных государств. Это—факт. Этой полосе международного положения должна соответствовать определенная линия нашей международной политики, а этой последней—своя система политики внутренней.

Раз иностранные хищники об'единяются, то наша задача использовать любое противоречие между ними и в то же время 1) организовывать наши силы в их собственных государствах и 2) абсолютно обеспечить свой собственный тыл правильной т.-е. строго классовой внутренней политикой.

При прочих равных условиях, империалисты предпочли бы справиться с СССР без прямой войны и интервенции, с помощью внутренних заговоров, хозяйственного давления, поддержки «нашей» буржуазии в городе и деревне, разложения наших собственных рядов. Недаром и эмигрантская буржуазия (Милюков и К°), меньшевики и эсэры пока на словах стоят еще против интервенции. Они все еще питаются той иллюзией, что советская власть не справится с противоречиями нэпа и падет жертвою этих противоречий. А, с другой стороны, буржуазия и ее «социалистические» прихвостни сильно боятся войны и будут ее бояться тем больше, чем сильнее коммунизм будет расти в капиталистических странах. Среди народов, находящихся под властью буржуазии, еще слишком живы воспоминания о мировой бойне. Только поэтому империалисты не так легко решаются на прямую войну против СССР. Если империалисты убедятся, что всякое их прямое нападение, или интервенция, или покровительство заговорщикам, или попытки разложения наших рядов встречают железную стену рабочих и крестьян, при единстве и крепости нашей партии, они сто раз подумают раньше, чем эти попытки повторять.

Надо прямо сказать: 1) наши возможности использовать «их» противоречия и борьбу сейчас, на некоторое время, сравнительно невелики; 2) наши возможности одною силою оружия отбиться от прямых нападений империалистов еще надолго будут недостаточны; 3) наша главная сила против «них» сейчас: рост коммунизма в их собственных твердынях и твердая, ясная классовая ленинская политика внутри СССР, одна только способная обеспечить союз рабочего класса и крестьянства в вышеуказанном ленинском понимании его.

Это отнюдь не значит, что мы должны сейчас отходить от нэпа, возвращаться к военному коммунизму. Это значит только, что нужно: 1) напрячь последний мускул, чтобы должным темпом вести индустриализацию СССР и 2) строже проводить ограничение эксплоататорских стремлений кулака, более пристально следить за новой буржуазией, имея в виду, что она будет пытаться срывать нашу политику и помогать империалистам.

Из ленинской оценки опасностей нашего международного положения,— в частности, из его взгляда на неизбежность второго тура войн,—вытекает, между прочим, и взгляд нашей партии на необходимость быстрейшего темпа индустриализации СССР.

Курс на индустриализацию, разумеется, вообще вытекает из самых коренных целей партии пролетариата. Индустриализация всей страны, в том числе и сельского хозяйства, есть после завоевания власти пролетариатом задача всех задач. В этом—центр нашей работы. Но необходимость максимально быстрого темпа индустриализации нашей страны диктуется, кроме того, и тем, что нам надо каждую минуту «передышки» использовать для лучшей подготовки нашего социалистического отечества на случай войны. Будущая война не в малой степени будет войной промышленности. Отсталость в этой области может дорого обойтись отечеству пролетариата. Чтобы наша внутренняя политика соответствовала правильной ленинской линии внешней политики, ее альфой и омегой должна быть быстрейшая индустриализация СССР.

Представители подрастающей новой буржуазии поднимают голову по мере роста наших международных трудностей. Они сознают и чувствуют

себя частицей мировой буржуазии. Рабочий класс СССР достаточно силен, чтобы использовать буржуазную интеллигенцию, но лишь при условии, что мы не откроем «им» ни малейшей «щелочки», что мы будем беспощадно рвать все нити классового врага, ведущие, с одной стороны, к кулаку и новой буржуазии в СССР и, с другой стороны, к международной буржуазии за пределами СССР. Если Милюковы еще в 1916 году были готовы скорее проиграть «национальную» войну Вильгельму II, чем пойти навстречу русской буржуазно-демократической революции, то теперь, после 10 лет опыта пролетарской диктатуры, не только Милюковы, Устряловы, Кондратьевы, но и Черновы, Керенские, Даны и К° готовы будут десять раз броситься на шею английскому империализму.

Одним из факторов современного обнагления кулака бесспорно является тот усиленный нажим со стороны мировой буржуазии, который мы в последние годы испытываем. По мере того, как дело будет приближаться к новой войне, кулак при прочих равных условиях будет становиться все более активным, и вражда его к пролетарской диктатуре будет возрастать. А если бы война надвинулась вплотную, нам, несомненно, пришлось бы в этой новой обстановке выдержать жесточайшую политическую борьбу с кулаком за большие слои середнячества. Война, конечно, дело не шуточное. Тяготы войны будут пугать и некоторые слои середняков. Играя на этом, кулак, пользуясь напряженной обстановкой, наверняка попробует перетянуть середняка на свою сторону. *Систематическая борьба против кулачества уже сейчас есть часть нашей политической подготовки на случай войны.*

VI.

Мировая война 1914—1918 гг. была *империалистской* войной. В самом общем ее значении грядущая война тоже будет империалистской войной в том смысле, что империалистический капитализм произведет нападение на первое рабочее государство в мире, на СССР. Относительно мировой войны 1914—1918 гг. уже в первой ленинской брошюре «Социализм и война» говорилось: «Эта война в трояком смысле есть война рабовладельцев за укрепление худшего рабства. Это, во-первых, за укрепление рабства колоний посредством более «справедливого» раздела и дальнейшей более «дружной» эксплоатации их; во-вторых, за укрепление гнета над чужими нациями в самих «великих» державах... в-третьих, за укрепление и продление наемного рабства» (т. XIII, стр. 97).

Первый мотив будет налицо и в нынешней войне. Колониями вновь будут торговать—например, для подкупа германской буржуазии. Судьба колониальных и полуколониальных стран, например, Китая, Индии и т. п., заново будет решаться в этой войне.

Второй мотив также в той или другой степени будет налицо в грядущей войне. Буржуазные государства вновь будут торговать национальными меньшинствами. Буржуазные государства будут спекулировать на том, чтобы вновь восстановить национальный гнет в России.

Третий мотив, укрепление и продление *наемного рабства*, будет *главным* мотивом грядущей войны. В столкновении империалистических государств с нашим рабочим государством прежде всего и будет решаться вопрос о том, сделает ли мир громадный шаг назад в деле укрепления и продления наемного рабства, или он, напротив, сделает громадный шаг вперед к свержению этого рабства.

Большевистская партия, не обманываясь внешностью, тишью да гладью на поверхности, должна ясно сознавать и сознает, что приближается

второй тур войн, в которых вновь будет решаться судьба советской власти. Эта мысль должна пропитывать всю нашу агитацию среди масс внутри СССР и в среде международного пролетариата.

Больше, чем когда бы то ни было, наше положение на мировой арене связано с нашим внутренним положением, с нашей внутренней политикой, в частности, с победоносной большевистской политикой против кулака. Больше, чем когда бы то ни было, наша внешняя политика должна быть *политикой мира*.

Наша политика есть *политика мира*. Политика английских империалистов есть *политика войны*. Мы должны вести себя так, чтобы эту истину поняли рабочие, крестьяне, все трудящиеся не только СССР, но и всего мира; так, чтобы в этом не могло быть сомнения ни у одного честного труженика; так, чтобы это было *аксиомой*, непреложной истиной для всего международного пролетариата.

Систематическая, обдуманная, напряженная, неустанная, планомерная борьба за мир! Большевизм в 1917 году вырвал из ада империалистской войны нашу страну. Большевизм должен в 1929 году (и в последующие годы) помочь нашей стране и другим странам спастись от ужасов новой войны. Если кто-либо еще может это сделать, так только большевизм, только пролетарская революция.

Ваша политика, господа империалисты, есть политика войны.

Наша политика, товарищи рабочие, есть *политика мира*.

А если война, тем не менее, будет нам навязана, то она будет «контрреволюционной судорогой» (Ленин), которая, однако, может быстро смениться громадным революционным под'емом. ВКП и весь Коминтерн докажут тогда, что они умеют претворять в дело лозунг Ленина о превращении империалистской войны в войну гражданскую.

Меерзон.

Партруководство и „решающие звенья" в работе.

(На опыте работы парторганизаций на крупных предприятиях).

> Надо уметь найти в каждый момент то особое звено цепи, за которое надо всеми силами ухватиться, чтобы удержать всю цепь и подготовить прочно переход к следующему звену, при чем порядок звеньев, их форма, их сцепление, их отличие друг от друга в исторической цепи событий не так просты и не так глупы, как в обыкновенной, кузнецом сделанной цепи.
>
> Ленин.

Сложность задач реконструктивного периода все острее ставит перед нами проблему повышения качества партийного руководства. Ленинское положение о решающем значении «действительно образцового качества работы» выдвигается сейчас с особенной силой. Без этого мы не сумеем в достаточной мере вовлечь многомиллионные массы рабочих и крестьян в дело социалистического строительства, не сумеем итти в авангарде этих масс и руководить ими.

Ленин указал и основной путь для повышения качества нашего повседневного руководства. Это прежде всего — учет практического опыта работы. Ленин неоднократно подчеркивал, что только на пути изучения и обобщения конкретного опыта можно добиться действительного улучшения руководства. «Тут ничего нельзя поделать нахрапом или натиском, бойкостью или энергией, или каким бы то ни было лучшим человеческим качеством вообще». «Действительный учет опыта, действительный обмен опытом»—в этом «гвоздь» проблемы повышения качества руководства.

Основным требованием, которое необходимо пред'являть партийному руководству является умение выделить для данной организации в данной области ее работы те задачи, которые являются основными, которые играют роль «решающих звеньев». Это отнюдь не простое дело. Ленин специально подчеркивал, что «нельзя искусственно выбрать себе то звено, за которое хочешь зацепиться».

Дело здесь главным образом в том, чтобы учесть все условия работы данной организации и уловить то, что Ленин называет «конкретным своеобразием». Лишь на этой основе можно установить то звено, которое действительно является «решающим» в данных условиях.

Проанализируем с этой точки зрения директивы ЦК партии по докладам местных организаций за последний год. Возьмем один из центральных участков работы—работу на предприятиях.

Общее состояние работы парторганизаций на крупных предприятиях.

Рассмотрим прежде всего, каково общее состояние работы на предприятиях, какова здесь «цепь» явлений. Проследим изменения в состоянии этой работы в течение последних трех лет. В качестве углов зрения, под которыми мы будем рассматривать эту работу, возьмем вопросы массовой политической работы,—с одной стороны, и вопросы руководства производственным строительством,—с другой.

Парторганизации на предприятиях проделали за этот период большую работу по политическому воспитанию своих членов и политическому охвату масс. Ленинская линия усвоена огромной массой членов партии и широчайшими слоями беспартийных рабочих. Отсюда решительный отпор партии троцкизму, отпор правой опасности и примиренчеству к уклонам. Основные политические кампании—перевыборы советов, профорганов, заключение колдоговоров, заем индустриализации и т. д.,—проведены с большим успехом. В ходе всех этих кампаний ярко проявилась высокая политическая активность масс и рост их доверия к партии.

Парторганизации за это время достигли значительных успехов и в области руководства производством. Ход этого процесса укрепления партруководства производством ясно виден из данных обследования крупных предприятий.

По данным обследования Орграспредом ЦК работы на 65 крупнейших предприятиях Союза, весной 1927 г., вопросы производства занимали ничтожное место (3—4%) в работе руководящих парторганов и ставились к тому же преимущественно в виде общих отчетных докладов.

При повторном обследовании осенью 1927 года под этим углом зрения 22-х крупнейших предприятий Союза выявились уже определенные сдвиги. Перелом этот особенно явственно обозначился к лету 1928 года.

Но все же организации еще до сих пор не сумели мобилизовать в должной мере активность рабочих масс вокруг задач производства. В этом сейчас основной недочет состояния работы на предприятиях.

Характерна прежде всего в этом отношении известная оторванность широких партийных масс от участия в производственном строительстве. Иллюстрацией может служить содержание работы массовых партсобраний. Обследование 65 предприятий весной 1927 года констатировало почти полное отсутствие производственных вопросов на общих партийных собраниях. В 1928 году содержание работы партсобраний несколько улучшилось. Но все же изменения коснулись главным образом еще только количественной стороны—больше хозяйственных вопросов стало обсуждаться на партсобраниях, сами же вопросы ставятся все еще в общей форме. В результате активность партийной массы, несмотря на высокий интерес партийцев к вопросам производства, не организуется вокруг этих вопросов, не мобилизуется для разрешения коренных задач производства.

Не менее показательно состояние партийного руководства массовыми организациями на предприятиях. Мы не видим здесь должного направляющего влияния партийных органов на работу профсоюзов и других массовых организаций. Парторганы не заостряют внимания этих организаций на коренных вопросах производства, при чем руководство парторганов массовыми организациями страдает часто даже некоторой бессистемностью. С одной стороны, отмечаются многочисленные случаи подмены массовых организаций со стороны парторганов,—когда ряд вопросов из компетенции профессиональных и других органов, вопросов подчас даже мелких, «вермишельных», решается исключительно в партийном порядке. С другой стороны, в ряде случаев крупнейшие вопросы жизни предприятия (вплоть до вопросов сокра-

щения рабочих, колдоговора и др.) проходят без руководства со стороны парторганов, мимо них.

Такое отсутствие направляющей линии, целеустремленности в партруководстве сказывается в том, что массовые организации не сосредоточивают своего внимания на основных вопросах производства, не вовлекают в должной степени в это дело широкие рабочие массы. Ярким примером здесь могут служить массовые рабочие собрания. Обследования выявили явный разрыв их содержания с запросами рабочих масс. Налицо зачастую настоящие «ножницы» между интересами и активностью масс и характером вопросов, обсуждаемых на массовых собраниях. Активность масс выросла в огромной степени, рабочие живо интересуются всеми коренными вопросами производства, а общим собраниям «преподносятся» преимущественно кампанейские вопросы, отчетные доклады, выборы.

В известной степени та же картина наблюдается и на производственных совещаниях. Даже здесь часто не рассматриваются те наиболее острые и важные вопросы производства, которые интересуют рабочую массу.

Мы видим, таким образом, значительные успехи парторганизаций на предприятиях в деле повышения политической активности масс. Несомненно, улучшилось и их руководство производством. Но вместе с тем организации еще не сумели в необходимой мере мобилизовать активность масс вокруг проведения основных задач производственного строительства.

Таково в основных чертах состояние работы на предприятиях, такова «цепь» явлений в этом вопросе. Это не трудно проследить по всем обследованным Центральным Комитетом за последнее время промышленным организациям. Во всех этих организациях состояние работы на предприятиях при различных отклонениях и в худшую и в лучшую стороны имеет много общего, сходного с тем «средним состоянием», которое обрисовано нами. Поэтому и в резолюциях ЦК по докладам местных организаций много общего в анализе их работы на предприятиях.

Много общего и в директивах ЦК обследованным организациям. Эти директивы в основном сосредоточены вокруг той задачи, которая выступает в качестве центральной (как показывает произведенный нами анализ) в работе на предприятиях. Этой цетральной задачей является задача организации активности масс вокруг коренных вопросов производства. ЦК неоднократно подчеркивает в своих директивах всю исключительную важность этой задачи, этой целевой установки.

Заостряя внимание мест на основной задаче—организации активности масс вокруг вопросов производственного строительства, ЦК в своих директивах указывает каждой отдельной организации и то «решающее звено», за которое ей надо «ухватиться». Эти «решающие звенья» различны для различных организаций. Здесь нет и не может быть шаблона и трафарета, поскольку в каждой отдельной организации учитываются все ее особенности, все специфические условия ее работы. Это и определяет конкретность директив Центрального Комитета партии.

Подойдем с этой точки зрения к директивам ЦК в отношении работы на предприятиях по ряду обследованных промышленных организаций: артемовской, свердловской, московско-нарвской, николаевской, днепропетровской, ижевской, краснопресненской, иркутской, ярославской.

Самокритика и активность масс (Артемоск, Ижевск, Николаев).

Возьмем Артемовск,—один из крупнейших центров Донбасса, округ, где в тяжелой индустрии (уголь, металл) сконцентрировано до 140 тыс. рабочих. Обследование в начале 1928 г., как известно, выявило крайнюю слабость, «неудовлетворительность» массовой работы в округе. В крупнейшем пролетарском центре состояние работы оказалось далеко ниже среднего уровня.

Каковы же были причины, мешавшие развернуть работу в Артемовском округе? Главную роль сыграла здесь практика зажима в отношении к массам, преобладание элементов администрирования в подходе к массам. Это имело место и в парторганизации, и в профсоюзах, и у хозорганов. Были случаи грубейшего нарушения внутрипартийной демократии—Константиновка, Артемовский район. У профсоюзов отсутствовало их собственное лицо. В ряде случаев профсоюзы не вели борьбы даже с явно неправильными действиями хозорганов, непосредственно нарушавшими интересы рабочих. Практика зажима в Артемовском округе была связана с разложением в верхушке организации. Наблюдались «нездоровые явления групповой обывательской спайки в рядах части ответственных работников», замкнутость небольшой руководившей тогда группы «своих» людей. Группа состояла частью из окончательно разложившихся элементов, частью же из элементов, прикрывавших разложение других в силу семейственности, в силу правила «рука руку моет». Подбор работников на различные ответственные посты производился под углом зрения семейной и групповой поддержки. Благодаря этому плохая работа прикрывалась, прикрывались многочисленные недостатки, которые всплывали в отдельных низовых организациях, в отдельных областях работы.

Все это выпятило в качестве «решающего звена» для Артемовской организации вопрос о развертывании самокритики. В этом резолюция ЦК по докладу Артемовского ОК видит основной путь к радикальному оздоровлению парторганизации. В этом именно и «уроки Артемовска». Артемовск показал, что при отсутствии самокритики даже в передовых пролетарских организациях могут начаться явления разложения и отрыва от масс. Артемовск показал, что лишь на основе развертывания самокритики можно организовать активность рабочих масс вокруг задач социалистического строительства.

Ижевск с другой стороны подводит нас к тому же вопросу. Здесь обследование ЦК осенью 28 г. констатировало «недостаточное влияние организации на беспартийные массы рабочих». Но основной причиной этого является в Ижевске не зажим критики масс, а неуменье эту критику направить по правильному руслу, отсутствие у отдельных прослоек организации необходимой для этого твердой большевистской выдержки. Это видно из всего хода развертывания самокритики. «Партийный и профсоюзный актив, охотно и энергично возглавляя недовольство рабочих в вопросах зарплаты, охраны труда и взаимоотношений с административно-техническим персоналом, не умеет направлять это недовольство против конкретных виновников и конкретных причин недочетов в работе аппарата. В результате в сознании отдельных слоев рабочей массы виновниками этих недочетов является вся система управления в целом,—дирекция, райком, завком» [1]).

В особенности ярко сказывается хвостизм отдельных элементов парторганизации при проведении колдоговора. Здесь выявилась полнейшая недисциплинированность некоторых партийцев, принявшая форму прямо антипартийных дезорганизаторских действий с их стороны. Дело дошло до того, что конфликт повременщиков возглавил член партии, быв. секретарь цех'ячейки Тараканчиков («тараканчиковщина»).

Во всем этом сказалось прежде всего влияние ряда общих недочетов, свойственных состоянию массовой работы на крупных предприятиях. Эти недочеты были здесь особенно резко выражены в виду слабости работы и ру-

[1]) Из материалов обследования комиссии ЦКК.

ководства в прошлом. Но во всей цепи недочетов решающую роль сыграли следующие два момента, которые осложнили положение и привели к «тараканчиковщине».

1. Организация не проводила достаточно четкой линии в отношении различных слоев рабочей массы заводов. В ряде случаев ненормально было отношение коммунистов к передовой части беспартийных рабочих, к выросшему слою беспартийных активистов. Эти беспартийные рабочие нередко стоят выше партактивистов по своему политическому и культурному уровню и часто «забивают» коммунистов на собраниях. Это вызывало у части партактива неприязненное, ревнивое к ним отношение, как к «бузотерам», «присяжным критикам» и т. д. Таким образом, вместо опоры на эти передовые слои рабочих создавалась «трещинка» между ними и парторганизацией.

В то же время не была заострена борьба против отсталых настроений отдельных слоев рабочих,—собственнических элементов, рабочих, связанных с деревней, и т. д. Организация не развернула необходимой работы по перевоспитанию этих слоев, по их вовлечению в общественную работу и переделке в ней. Вместо этого организация до некоторой степени замыкалась от них, как от «мелкобуржуазных элементов».

Все это дезориентировало отдельные части партийной организации и даже партийного актива. В результате некоторые партийцы не смогли установить четкой линии по отношению к рабочим массам, а отсюда шатания отдельных коммунистов, их недисциплинированность, мелкобуржуазная неустойчивость, приведшая в «тараканчиковщине».

2. Обком не имел достаточно четкой линии в борьбе с расхлябанностью отдельных частей партийной организации. Здесь преобладал административный подход. Обком не ставил ударения на изменение содержания низовой партийной работы в сторону охвата производственных и культурно-бытовых вопросов, на вовлечение всей массы партийцев в активную работу, что только и дало бы возможность радикально изжить шатания и колебания в рядах партийной организации. Этого не было, и отсюда общая пассивность организации в проведении даже важнейших кампаний. Достаточно сказать, что партийная масса во многих мастерских в обсуждении последнего колдоговора участвовала всего на 30%; даже на инструктивное совещание партактива по этому вопросу явилось не более половины секретарей ячеек. На базе такой пассивности прочно держались всякие колебания отдельных частей организации, чем и создавалась почва для «тараканчиковщины».

Резолюция ЦК и перед ижевской организацией, равно как и перед артемовской, поставила в качестве центральной—задачу широкого развертывания самокритики и организации на этой основе активности масс. Однако, по ижевской организации ударения в резолюции стоят уже на других моментах. Здесь прежде всего заостряется внимание на задаче борьбы с «недисциплинированностью и хвостистскими настроениями отдельных групп членов партии заводской организации». Резолюция подчеркивает необходимость «добиться перелома в содержании работы парт'ячеек в сторону производственных и культурно-бытовых вопросов и на этой основе повести решительную борьбу с расхлябанностью в рядах организации». Далее в директивах ЦК выпячивается вопрос об усилении связи организации с передовыми слоями рабочих и об общественной переделке отсталых слоев: «Привлечь к активному участию в работе массовых пролетарских организаций широкие слои кадровых рабочих завода и на ряду с этим развернуть работу по общественному воспитанию отсталых групп рабочих заводов (новые слои, рабочие, связанные с деревней, националы и др.)».

Таковы же звенья, которые являются «решающими» в настоящее время в работе на ижевских предприятиях.

Ижевск ставит перед нами в конкретной плоскости вопрос о направлении самокритики, о борьбе с мелкобуржуазной неустойчивостью и хвостизмом отдельных прослоек коммунистов, о борьбе с влиянием на них отсталых слоев рабочих. Без этого активность масс не может быть направлена по руслу задач социалистического строительства, без этого неизбежны искривления в развитии самокритики. В этом основные уроки Ижевска.

Рассмотрим в той же плоскости состояние работы на николаевских заводах. Здесь, несмотря на тяжелые об'ективные условия (недогрузка заводов, продовольственный кризис), общее состояние организации является удовлетворительным. Это достигнуто большой работой, проведенной окружкомом в борьбе с троцкизмом и другими проявлениями мелкобуржуазных колебаний в организации.

Идеологическое сплочение организации и решительная ее борьба против мелкобуржуазной расхлябанности обеспечит рост активности рабочих масс. Это ярко выявилось в ходе важнейших кампаний—тарифная реформа, колдоговор, заем индустриализации,—а также во время продовольственных затруднений летом 1928 г.

Мы имеем, таким образом, в округе весьма значительные достижения в области политического воспитания, организации и охвата рабочих масс. Это должно было обеспечить успешное разрешение стоящих перед округом практических задач. Между тем, обследование констатировало в этой области ряд крупнейших недочетов.

Тяжелое положение промышленности в округе требовало самой энергичной работы по рационализации производства и управления на предприятиях. Однако, обследование констатировало отсутствие должного внимания со стороны партийных и профессиональных организаций к коренным вопросам производственной работы. Достаточно указать, что на заводе им. Марти не налажен был даже учет себестоимости, имело место значительное повышение админ.-управленческих расходов, слабо велась борьба с бюрократическими методами в работе хозорганов.

В чем причина такого противоречия? Почему активность организации и рабочих масс не была использована для разрешения практических задач производственного строительства? Здесь решающую роль сыграло то, что «самокритика не нашла еще должного отражения в практической работе организации». Окружком недостаточно заострял внимание масс на задачах борьбы с недочетами практической работы, в результате чего рабочие массы слабо были привлечены к руководству производством. Показателен, например, тот факт, что при чрезвычайной громоздкости и дороговизне аппарата заводоуправления вопрос о режиме экономии вовсе не ставился перед рабочими массами. Интерес же рабочих к этому вопросу огромнейший. Так, во время проверки РКИ результатов «снижения» адм.-управл. расходов рабочие подали около тысячи заявлений с практическими предложениями по этому вопросу. До этого же рабочие считали бесполезным активно участвовать в снижении административно-управленческих расходов, так как их предложения игнорировались. Характерны заявления рабочих в связи с этим: «Что ни предлагай,—говорят рабочие,—все равно без толку,—не принимают никаких мер к исправлению недостатков».

Все это выдвигает в качестве «решающего звена» для Николаевской организации задачу преломления самокритики в практической работе. Лишь на этой основе, беспощадно вскрывая перед рабочими массами недочеты в работе, внимательно относясь к предложениям и указаниям рабочих, можно добиться «мобилизации наблюдающейся в округе высокой активности рабочих масс для преодоления трудностей в работе, стоящих перед парторганизацией».

Николаев заостряет, таким образом, наше внимание на вопросе о роли самокритики в практической работе. Этот вопрос имеет сейчас огромное значение. Именно то, что самокритика все еще остается зачастую в области общих разговоров, что методы самокритики слабо применяются в разрешении насущных практических задач,—именно в этом основное препятствие к организации активности масс. В Николаеве этот момент выступает с особенной силой, играя роль «решающего звена».

В целом, все три организации—Артемовск, Ижевск, Николаев—ставят перед нами вопрос о самокритике, как основном методе организации активности масс. В каждой из этих организаций именно этот вопрос являлся центральным в период обследования. Но в каждой организации этот вопрос ставился по-своему в зависимости от своеобразия конкретной действительности. В Артемовске вопрос о самокритике стал особо остро в связи с практикой зажима масс и разложением части верхушки организации. В Ижевске встал вопрос о направлении самокритики в связи с мелкобуржуазной неустойчивостью и хвостизмом отдельных прослоек организации. Николаев поставил вопрос о практическом приложении лозунга самокритики. Так в связи с различием условий работы этих организаций различными оказались и те «решающие звенья», за которые следует «ухватиться» каждой из них в разрешении одной и той же общей задачи—организации активности масс.

Работа с активом („Красный Перекоп", Свердловск, Красная Пресня).

«Красный Перекоп» (гор. Ярославль)—крупнейшее текстильное предприятие, насчитывающее 13 тысяч рабочих. Фабрика эта переживала осенью 1928 г. ряд серьезных трудностей, вызванных при переходе на 7-часовой рабочий день недостатком и плохим качеством сырья, а также перебоями в продовольственном снабжении. Эти трудности сказались в колебаниях менее устойчивых слоев рабочих, прежде всего тех, которые тесно связаны с деревней. На «Перекопе», как и во многих других наших провинциальных текстильных фабриках, около половины рабочих имеют свое крестьянское хозяйство. Эти прослойки в значительной своей части явились базой мелкобуржуазного давления на всю массу рабочих «Перекопа».

В течение всей осени на фабрике шла борьба за влияние на рабочие массы. Пользуясь демагогическими лозунгами потребительского характера (даешь больше хлеба; 400 тысяч рублей повышения фонда зарплаты мало; даешь 1-й пояс и т. д.) и умело используя наши недочеты и ошибки, антипартийные элементы на «Перекопе» сумели нанести парторганизации ряд серьезных поражений. Партийная организация в трудный момент не сумела сплотить вокруг себя рабочие массы и повести их за собой. Более того, волна мелкобуржуазных колебаний захватила даже отдельные элементы коммунистов на фабрике. Достаточно привести, что на «генеральной» конференции по выбору делегатов на всесоюзный с'езд профсоюзов часть коммунистов голосовала против кандидата парторганизации.

Парторганизация на «Перекопе» не сумела, таким образом, мобилизовать рабочие массы для преодоления трудностей, не сумела в условиях этих трудностей дать отпор мелкобуржуазному давлению. Что лежало в корне такой слабости массовых организаций на фабрике, их по существу полного отрыва от рабочей массы?

К этому привел целый ряд причин: зажим самокритики, отсутствие чуткости в подходе к рабочим массам, отсутствие должного внимания со стороны партийных и профессиональных организаций к вопросам производства, слабое вовлечение масс в их разрешение. Но решающую роль здесь, как показало обследование, сыграло то, что на фабрике не был «выкован» крепкий рабочий актив.

На фабрике, несомненно, имеются достаточные кадры для создания такого актива. Однако, никакой работы по привлечению передовых элементов рабочей массы к активному участию в руководстве здесь не велось. Наоборот, обследование выявило ряд случаев прямого «оттирания» беспартийных активистов от работы. В результате на фабрике не оказалось того рабочего костяка, опираясь на который парторганизация могла бы подойти к отсталым слоям рабочих, раз'яснить им положение, провести здесь свое влияние. Массовые организации оказались здесь «бесхребетными» и потеряли свое влияние в трудный момент.

Все это выдвигает здесь, в качестве центральной, боевой задачи массовых организаций, «создание крепкого и политически устойчивого рабочего костяка». Необходимо для этого привлечь рабочих-активистов к руководящей работе в массовых организациях, теснее связать их с парторганизацией (индивидуальная и групповая работа, открытые собрания ячеек), поставить политическое воспитание рабочих-активистов.

«Красный Перекоп» заостряет, таким образом, наше внимание на вопросе о создании и укреплении вокруг парторганизаций на предприятиях широкого и крепкого рабочего актива. В настоящее время, в связи с трудностями реконструктивного периода, необходимо особо подчеркнуть значение этого вопроса.

Возьмем теперь Свердловск, столицу Урала. Это—округ с сильно развитой металлургической промышленностью. О степени промышленного развития округа можно судить по тому, что удельный вес промышленности в общем хозяйстве округа составляет (по продукции) 73,7% против 41% по Уральской области и 32%—по Союзу.

Обследование констатировало здесь быстрый рост активности рабочих масс и создание, в связи с этим, широких кадров рабочего актива на предприятиях. Однако, качественный уровень работы на предприятиях оказался в округе далеко не на высоте. Для иллюстрации этого достаточно ограничиться вопросом о вовлечении масс в производственное строительство. Несмотря на тяжелое положение промышленности в округе ко времени обследования—крайняя устарелость оборудования, дефицитность ряда предприятий, повышение себестоимости промпродукции,—рабочие массы не привлекались в должной мере к обсуждению и разрешению наиболее острых вопросов производственной практики. Работа производственных совещаний была поставлена неудовлетворительно—они охватывали всего около 7% рабочих, выполнение их предложений имело тенденцию к понижению, премирование рабочих предложений на некоторых предприятиях совершенно отсутствовало.

Резолюция ЦК четко выявляет те характерные для Свердловска моменты, которые обусловили здесь «общую слабость массовой работы на предприятиях». Это, прежде всего, вопрос о роли рабочего актива. Значительные кадры актива на свердловских предприятиях были слабо привлечены к руководящей работе, наблюдалась их огромная текучесть (70—80%); крайне слабо было поставлено выдвижение низовых активистов. Все это ярко отражалось на составе руководящих кадров на предприятиях. По данным обследования здесь преобладали не местные работники, к тому же состав их часто менялся.

Резолюция ЦК поставила поэтому для Свердловска во главу угла «решительный курс на привлечение к практической руководящей работе рабочих из состава местного актива». Из этого «звена» уже ясна необходимость всех других практических меро-

приятий и, прежде всего, необходимость укрепления низовой работы и постановки работы с активом.

Свердловский опыт показывает нам остроту вопроса о роли актива на предприятиях. 15 тысяч рабочего актива в округе и отсутствие местных рабочих среди руководителей заводских парторганизаций—таков «гвоздь» свердловского обследования. Свердловск не является, конечно, в этом отношении полнейшим исключением, вопрос о роли актива с точки зрения его привлечения к руководству в той или другой степени стоит перед всеми нашими организациями.

Тот же вопрос о роли актива, но в другой плоскости ставит перед нами краснопресненская районная организация гор. Москвы. Обследование выявило высокую политическую активность рабочей массы в районе. Основные политические кампании проходили в районе с большим под'емом, при почти поголовном (90—95%) участии рабочих. На ряду с этим мы имели в районе низкий в общем уровень массовой работы—слабую посещаемость массовых собраний, производственных совещаний и, что особенно ярко, крайне медленный темп роста партийной организации. Краснопресненская организация за последний период росла в 1½—2 раза медленнее, чем партия в целом.

Причина такого несоответствия между политической активностью масс и уровнем массовой работы заключалась, как показало обследование, в неправильных взаимоотношениях актива с массами. Прежде всего в ряде случаев наблюдалась, как это формулировано в резолюции, «недостаточная связь части партактива с широкими партийными массами, а в отдельных случаях и прямая подмена активом низовой партийной массы». В ходе обследования эта неправильность отношений между партактивом и массой членов партии была выявлена во многих ячейках. Типичным примером этого может служить ячейка «Трехгорной Мануфактуры». Все местные вопросы предварительно так прорабатывались здесь на активе, что на общих собраниях они проходили по существу уже формально: принимались обычно единогласно без обсуждения. Таким порядком были проведены перевыборы бюро ячейки, фабкома, так прошло «обсуждение» колдоговора и т. д. Здесь, несомненно, мы имеем элементы подмены широких партийных масс активом.

Слабо привлечены были к руководству и беспартийные рабочие-активисты. Это подтверждают все данные обследования. Это признает и райком в своем отчете: «Работа с беспартийным активом,—говорит райком,—ведется от случая к случаю, по-кампанейски, ей не уделяется должного внимания, по некоторым ячейкам не ведется даже учета беспартийного актива».

Таким образом, мы имели в районе совершенно недостаточную в ряде случаев связь партактива с широкими партийными массами и отсутствие на ряду с этим систематической работы по привлечению к руководству беспартийного рабочего актива. Все это, естественно, сказывалось на состоянии массовой работы в районе. Обследование показало, что в результате этого «оттирания» активом широкой рабочей массы процесс улучшения массовой работы, происходящей на предприятиях Союза, испытывал на Красной Пресне некоторую задержку. Работа руководящих органов массовых организаций на предприятиях здесь так же, как и всюду, улучшилась; эти органы ближе стали к производству. Но работа в широких массах здесь, несомненно, отставала по сравнению с лучшими районами Союза.

В соответствии со всем этим резолюция ЦК по докладу краснопресненского РК ставит особое ударение на задачах вовлечения всей партийной массы в разрешение основных вопросов практической работы и «обеспечение более широкого действительного участия беспартийного рабочего актива в

руководящей работе районных и низовых организаций». Красная Пресня ставит перед нами вопрос о роли актива с точки зрения его взаимоотношений с массами, о роли актива, как орудия вовлечения всей массы рабочих в практическое строительство.

«Красный Перекоп», Свердловск и Красная Пресня в целом подводят нас к вопросу об активе на предприятиях—о методах его выращивания, о привлечении его к руководству, о взаимоотношениях его с широкими массами. Этот вопрос—о работе с активом—сейчас, в условиях быстрого роста активности масс, все острее становится перед нами. Это по существу вопрос о путях организации рабочей активности, о путях, по которым следует направить активность рабочей массы. Тем большее значение преобретает то четкое решение этого вопроса, которое дано в рассмотренных директивах ЦК.

„К массам" (Московско-Нарвский район; Днепропетровск).

Перейдем теперь к работе двух крупнейших центров тяжелой индустрии—Московско-Нарвского района гор. Ленинграда, крупнейшего центра машиностроения, и Днепропетровска — одного из основных районов металлургии. В этих центрах находятся гиганты нашей тяжелой промышленности—такие, как «Красный Путиловец» в Ленинграде, завод им. Петровского (24 т. рабочих) в Днепропетровске.

Такие пролетарские центры «крепости пролетариата» должны играть огромную политическую руководящую роль во всей нашей работе. Между тем, несмотря на ряд достижений в работе на предприятиях этих районов, их политическая роль далеко еще недостаточна.

Возьмем Московско-Нарвскую организацию — одну из лучших среди обследованных Центральным Комитетом организаций. Она является одной из основных пролетарских организаций в партии, имеющей долголетнюю большевистскую историю и славные революционные традиции. В работе организации имеется ряд значительных достижений; ее работа признана Центральным Комитетом удовлетворительной.

Однако, и здесь ЦК констатировал такой крупный недочет, как слабость выдвижения рабочих. Ленинград, и в частности, его основной Московско-Нарвский район, всегда был резервом лучших передовых работников для всего Союза. И в дореволюционное время, и в годы гражданской войны Ленинград выдвигал сотни и тысячи революционных рабочих на передовые посты борьбы и строительства. Но ко времени обследования [1]) в Московско-Нарвском районе этот процесс выдвижения рабочих сильно упал. Несмотря на огромные возможности,—низового рабочего актива по М.-Н. району насчитывается от 40 до 50 тысяч—выдвижение рабочих на руководящую работу в госаппарат и в общественные организации к моменту обследования было крайне слабо. По таким гигантам, как «Путиловец», «Треугольник», «Скороход», «Верфь» и «Равенство», за весь 1927 год выдвинуто на работу за пределы предприятия всего 6 рабочих с производства и притом ни одного вне района. Политическая роль района, как резерва пролетарских работников для партии, явно не на высоте.

В Днепропетровске мы наблюдаем другую сторону того же явления. Обследование выявило в этом округе «слабое использование имеющихся огромных возможностей для укрепления пролетарского влияния на селе». В Днепропетровском округе мы имели ряд серьезнейших недочетов в области работы в деревне. Здесь не было даже обеспечено необходимое организующее влияние на направление развития сельского хозяйства. И это—несмотря на то, что в Днепропетровске сконцентрированы огромные пролетарские кадры

[1]) Весна 28 г.

рабочих-металлистов. Слабость политического руководящего влияния крупных предприятий Днепропетровска выступает во всем этом с полной силой.

Основная причина этой недостаточности политической роли крупных предприятий заключается в том, что, ориентируясь и правильно ориентируясь во всей своей работе на этих предприятиях на основные кадровые слои рабочего класса, мы не поставили еще на практике во всей полноте задачи проведения политического влияния этой лучшей части рабочих на всю остальную массу рабочих, а затем и на всю массу трудящихся. Прежде всего нами не поставлена еще во весь рост в практической работе на предприятиях задача боевого сплочения рядов всей рабочей массы. Лозунг «к массам» нами не претворен еще в полной мере в жизнь на наших крупных предприятиях. Все данные обследований подтверждают, что даже на наиболее передовых предприятиях повседневной массовой работой охвачено не более 60—70% рабочих. Значительные массы рабочих остаются, таким образом, все еще вне нашего постоянного влияния. В этой области нужен решительный перелом. Без охвата своим влиянием всей массы рабочих крупной индустрии мы не добьемся в настоящих условиях необходимого усиления политической руководящей роли рабочего класса, не обеспечим полностью его организующего влияния на ход социалистического строительства.

Резолюции ЦК по Моск.-Нарв. району и Днепропетровску ребром ставят этот вопрос. Здесь заострено внимание на задаче «охвата массовой работой всей массы рабочих». Эта задача должна быть выпячена в работе на крупных предприятиях. Директивы ЦК указывают и практические пути к большему охвату рабочей массы на крупных предприятиях. Вопрос здесь идет о большей гибкости форм и содержания массовой работы на крупных предприятиях.

Днепропетровск особо остро ставит перед нами вопрос о содержании массовой работы. Состав рабочих здесь весьма разнороден: до 30% рабочих живут в деревне; значительны на заводах группы высококвалифицированных рабочих; имеются отдельные группы рабочих, зараженных отсталыми настроениями (антисемитизм, шовинизм, сектанство). Однако, «окружком не учел в своей работе этого разнообразия культурного уровня и запросов различных слоев рабочей массы». Содержание массовой работы ориентировалось на рабочего вообще, на рабочего-середняка. В результате интересы и запросы больших групп рабочих оставались без удовлетворения. Это прежде всего относится к рабочим, живущим в деревне. Массовая работа на предприятиях не учитывала необходимости особого подхода к ним. С ними не велось даже специальных бесед, не говоря уже об отдельных собраниях. При таком положении эти рабочие не могли быть, естественно, проводниками пролетарского влияния на село. Наоборот, они служили здесь базой всяческих мелкобуржуазных колебаний в рабочей массе. Деревенские настроения просачивались на завод именно через этот слой рабочих. Например, на заводах Югостали при выборах завкома эти рабочие требовали представительства в завком не от цеха, а от деревни. Особенно настойчиво они выдвигали ряд требований, отражающих ревность деревни к городу, например: «Почему город имеет амбулаторию, а мы мрем? Нам нужна баня». «Почему нет у нас автобусов?» (Каменка, Краснополье). «Проведите трамвай нам» (Диевка, Сухачевка). «Мы не колония для вас—не поливайте улицы из пожарной кишки—вы разливаете трудовые деньги деревни».

С другой стороны, оставалась без обслуживания группа высококвалифицированных рабочих. Этот слой рабочих культурно очень вырос, его интересуют коренные вопросы работы — вопросы капитального строительства, рационализации производства и т. д. Но в работе массовых организаций и прежде всего производственных совещаний в Днепропетровске повышенные запросы этих групп рабочих не нашли своего отражения. Следствием этого стала некоторая пассивность этих рабочих, отход части их от работы массовых организаций, падение тяги их в партию.

Московско-Нарвский район выдвигает пред нами вопрос о формах организационного охвата рабочих масс на крупных предприятиях. Главной причиной того, что высокая активность рабочих масс здесь не была использована в достаточной степени, явилось отрицательное влияние централизма в работе на предприятиях. Сложность работы на крупных предприятиях, сосредоточенных в этом районе, требовала решительного перенесения центра тяжести на работу в цеху. Между тем обследование выявило по всем линиям стеснение инициативы цеховых организаций. По линии хозяйственной работы весьма показательным является тот факт, что на 9 обследованных предприятиях закон о трестах не только не был проведен в жизнь, но его даже не начинали еще проводить. Цеха на этих заводах были так связаны в своей инициативе, что за каждой мелочью вынуждены были обращаться в заводоуправление. Цеховой адм.-техн. персонал недостаточно привлекался к проведению основных директив партии: снижение себестоимости, снижение адм.-управленческих расходов. Эти директивы проводились чисто аппаратным путем, путем приказов и административных распоряжений. В отношении работы профсоюзов в цеху характерно, что ко времени обследования цехпрофбюро охватывали только половину всех рабочих. В отношении же цехячеек мы имели, при несомненных достижениях в области развертывания политической работы в цеху, все еще недостаточное их участие в хозяйственной работе, а также недостаточность их инициативы и самодеятельности.

Именно в этом чрезмерном централизме, в этом стеснении работы цеховых организаций заключается причина той качественной слабости цехового рабочего актива, которая лежит в основе недочетов работы в районе. Работа в цеху поэтому является здесь «решающим звеном». На этом ЦК и заострил внимание в резолюции по докладу Московско-Нарвского райкома. В ней поставлены вопросы о придании цех'ячейкам уставных прав, об увеличении количества цехпрофбюро на крупных предприятиях, о всемерном их укреплении, о расширении прав цеховой администрации—вся та сумма вопросов, которая связана с решительным укреплением работы в цеху.

Вопрос о работе в цеху поставлен, конечно, и в директивах ЦК по Днепропетровску. Здесь характерно следующее. Отдельные цеха Днепропетровских гигантов насчитывают до 3 тысяч рабочих и являются по существу целыми заводами. Поэтому здесь вопрос стоит не только о перенесении центра тяжести работы в цех, но и о дальнейшем приближении работы к отдельным группам, сменам, агрегатам. Показательны результаты первого же опыта в этом направлении. Одним из слабых участков в Днепропетровске является работа производственных совещаний. Посещаемость их в среднем не превышала 10—12%. Но когда в некоторых цехах эти совещания стали проводить по сменам и агрегатам, то посещаемость их выросла во много раз и достигла в некоторых местах 60 — 70%. Этот положительный опыт, несомненно, имеет большое значение. ЦК подчеркивает это в своей резолюции по докладу Днепропетровского ОК и предлагает широко развернуть этот опыт.

* * *

Мы рассмотрели директивы ЦК, касающиеся работы на предприятиях по ряду промышленных районов. Они все сосредоточены вокруг одной общей задачи, одной целевой установки — организации активности масс. Но они ставят различные стороны этого общего вопроса, заостряют внимание на

различных его моментах. Эти директивы исходят из различных условий работы каждой организации. Они указывают поэтому каждой организации те специфические практические пути, которые позволяют ей разрешить в данный период времени стоящую перед нею в данной области работы центральную задачу.

Произведенный анализ показывает, по какой линии нужно итти к большей конкретности партийного руководства. Два условия здесь необходимы. Надо, во-первых, знать общее состояние работы в данной области—знать «цепь» явлений. Надо, во-вторых, на основе анализа «конкретного своеобразия» данной организации уметь выделить в этой «цепи» то «звено», которое является «решающим» в данный период времени в практической работе организации.

Ленинская установка—«цепь» и решающие «звенья»—таков основной путь в развитии конкретности партийного руководства.

(Окончание следует).

В. Панфилов

О „системе натуральных вкладов“.

(В порядке обсуждения).

В № 21—22 «Большевика» за 1928 год помещена статья т. К. Трошина «о мобилизации крестьянских свободных средств». В конце статьи автор выражает свое недовольство тем, что он этот вопрос ставит уже в 4-й раз, но никто на эту постановку не отозвался. Перед XV с'ездом т. Трошин ставил этот вопрос в своей статье в «Правде». Год назад им была написана специальная брошюра «Система натуральных вкладов», и статья т. Трошина, помещенная в «Большевике», является повторением этой брошюры в сокращенном виде.

Вопрос о мобилизации свободных средств, не только крестьянских, но и всего населения Союза—это серьезный и большой вопрос. Но т. Трошин ставит «специальный», «новый» вопрос «о натуральных вкладах».

Автор теории «натуральных вкладов» настолько уверен в своей «системе», что приходит от нее прямо в восторг. По его мнению, если бы эту теорию провести в жизнь, то Советская Страна была бы прямо неузнаваема, и развитие хозяйства пошло бы с небывалой до сих пор быстротой и успехом. Вот некоторые заявления т. Трошина из его книги «Система натуральных вкладов». «Эта система должна быть не только основной для разрешения вопроса о привлечении средств в плановое хозяйство страны, она должна сделаться также основной для разрешения целого ряда других экономических проблем в желательном для нас смысле» (стр. 30).

Натуральная вкладная операция «даст возможность сосредоточить всю товарную продукцию сельского хозяйства в руках кооперации и госторговли, сократить денежные средства, находящиеся в обороте по заготовкам с.-х. продукции, расширить кредитование промышленности и сельского хозяйства, наладить и усилить экспорт, добиться устойчивого эквивалента цен (?) между продуктами с.-х. производства и товарами фабрично-заводского производства, а также добиться осуществления наиболее полного планового руководства по линии развития промышленности и сельского крестьянского хозяйства в особенности. А это все, что нам нужно в данный момент» (стр. 36).

Вы видите, что на 30-й странице книги автор был скромнее. На 36-й он уже намечает целую программу, которая будет осуществлена благодаря «системе натуральных вкладов». Но и этим дело не кончается. На стр. 48-й книги т. Трошин пишет: «Мы твердо убеждены, что благодаря этой системе вклады будут привлечены в небывалом размере»... «Эта система вкладов позволит нам сделать резкий скачок на высшую ступень социалистического строительства» (стр. 91)... «Мы, проводя операцию натуральных вкладов, разрешаем колоссальную проблему» (стр. 95). И наконец: «Плановое руководство должно шире охватывать производственные и организационные процессы сельского хозяйства вплоть до каждого отдельного двора включи-

тельно... Предлагаемая нами система натурально-вкладных операций разрешает эту проблему во всей ее широте и вместе с тем обеспечивает огромный внутренний заем средств» (стр. 104).

Вы видите, что здесь и проблема планирования, и резкий скачок по пути социалистического строительства, и все, что нужно в данный момент, все это т. Трошин обещает, если будет проведена в жизнь разработанная им «система».

Если бы эта «система» действительно давала так много, как обещает ее автор, то, в самом деле, непонятным становится то, что до сих пор никто на постановку т. Трошина даже не откликнулся и ему приходится раздраженно восклицать в конце своей статьи: «ну, и не везет же проблеме вкладов!».

Правда, автор направляет свой гнев против «соответствующих учреждений, коих близко касается эта проблема», но какие это учреждения, он не говорит. Ведь т. Трошин своей «системой» хочет охватить планом все индивидуальные хозяйства, следовательно, это касается Госплана; он обещает двинуть социалистическое строительство, которое должно сделать резкий скачок на высшую ступень, а это касается уже не только Госплана и ВСНХ, но и всего правительства. Трошин затрагивает и систему с.-х. кредита, и с.-х. кооперации и т. д.; таким образом, дело это должно касаться не только отдельных учреждений, а всей советской власти и коммунистической партии. Следовательно, сетования т. Трошина должны быть направлены по этому адресу. Почему же «не везет» «системе» т. Трошина? Для того, чтобы получить ответ на этот вопрос, нужно разобрать эту «систему» наиболее подробно, что мы и сделаем.

Центральным местом в «системе» т. Трошина нужно считать следующее: «крестьяне вносят вклад в виде натуральной сельскохозяйственной продукции (товарные излишки); эта продукция должна приниматься сельскохозяйственными и кредитными товариществами, ведающими кредитными функциями и состоящими в сети сельскохозяйственного кредита, на их собственные склады». При этом «право возвращения вклада сдатчику должно быть предоставлено в любое время, но уже н е н а т у р о й, а и с к л ю ч и т е л ь н о д е н ь г а м и» (см. «Система натур. вкладов», стр. 37—38).

К этому сводится все дело у т. Трошина. Совершенно напрасно т. Трошин называет свою систему «системой натуральных вкладов». На самом деле ничего подобного нет.

У нас существует система денежных вкладов, которая, правда, еще не имеет особого успеха в смысле привлечения сбережений населения. Но сама по себе эта система совершенно ясна: имеющий свободные денежные средства или желающий производить некоторые накопления делает вклад в сберегательную кассу и имеет право в любое время притти и получить из кассы определенную часть или все деньги.

Это есть система денежных вкладов. Если т. Трошин предлагает «систему натуральных вкладов», то это должно означать то, что крестьянин вкладывает натурой свою продукцию и натурой же в любое время может получить или часть вклада, или весь вклад.

Если поставить вопрос так, тогда понятно предложение т. Трошина, но тогда этот вопрос нужно подробно разработать и обосновать. Но Трошин предлагает не это, а другое: вклады делать натурой, а получать обратно только деньгами. В таком случае никакой системы не получается, а происходит самая обыкновенная купля с.-х. продукции у крестьян с той лишь разницей, что деньги за эту продукцию крестьянин получает не сразу, а впоследствии на определенных условиях, т.-е. крестьянин продает нам свою продукцию в кредит.

Тов. Трошин, видимо, и сам почувствовал, что в его «системе» есть что-то неладное, поэтому через год, в своей статье в «Большевике» № 21—22, на стр. 115 он написал примечание, где говорит: «Предлагая возвращение вкладов исключительно деньгами, мы исходим из того положения, что крестьяне будут сдавать во вклад лишь товарные излишки своей продукции и поэтому в возврате вкладов натурою нуждаться не будут. Но для того, чтобы предоставить крестьянину больше гарантий на случай необходимости получения вклада натурою, мы можем пойти и на эту меру. Этот вопрос чисто-практического порядка и легко может быть решен в любую сторону».

Это единственное новое место в статье т. Трошина по сравнению с его книжкой, написанной год назад. Хорошо, что за год он хоть до этого додумался. Но с этим основным вопросом т. Трошин залез в подворотню, ограничившись голым примечанием: это, видите ли, не принципиальный вопрос. Между тем ясно, что нельзя называть вкладами, например, такую систему, когда я приношу в сберкассу 50 руб. и сдаю их на хранение, а мне говорят: принимаем от тебя деньги, получить же ты можешь у нас только сапоги или калоши. У Трошина получается наоборот, приносите хлеб, лен, пеньку, масло, яйца, а получите только деньги. Все это хорошо, но ведь это же не система вкладов, а просто—в первом случае кредитование деньгами под товар, а во втором случае кредитование с.-х. продукцией под деньги. Только и всего.

Путаница получается у т. Трошина, когда он начинает рассуждать о так наз. товарных излишках в крестьянском хозяйстве. Нельзя понять, то ли Трошин говорит о всей с.-х. товарной продукции, то ли он говорит только о зерновых хлебах. Судя по тому, что написано в книжке и в последней статье Трошина, он именно ведет речь о зерновых хлебах.

Так, напр., на стр. 20—21 книжки речь идет о 13 млн. тонн зерновых хлебов, затем берется страховой фонд в 10—11,5 млн. тонн, к этому почему-то добавляется 14,7 млн. тонн масличных семян, и делается расчет. В результате этого расчета т. Трошин пишет: «Таким образом, общий фонд товарных излишков (общий фонд? Или общая путаница? *В. П.),* за исключением реализуемого в течение первых трех месяцев, составляет около 21,3 млн. тонн. Это и есть та именно цифра товарных излишков в нашем сельском хозяйстве, которая может быть в большей или меньшей части использована в качестве вкладов в наши сельхозкредитные учреждения и включена в общий оборот страны». И дальше: «Таким образом, наши сельхозкредитные учреждения могли бы мобилизовать около 16,4 млн. тонн зерновых хлебов в форме вкладов».

Как будто бы ясно, что речь идет только о зерновых хлебах. Но т. Трошин в эту ясность вносит путаницу, когда мимоходом замечает: «Для большей ясности и наглядности мы берем пока только лишь зерновые культуры, как составляющие главную массу (? *В. П.)* с.-х. продукции, оставляя в стороне остальную товарную продукцию в виде технических и сырьевых ресурсов крестьянского хозяйства».

Прежде всего совершенно неверно, что в товарной продукции с. х. зерновые культуры составляют главную массу. Мы рекомендуем т. Трошину взять «контрольные цифры» за 1926—27 год, и там он на стр. 352—353 увидит совершенно другое.

Так, товарная продукция зерновых хлебов в 1926—27 г. выражается в сумме 775 млн. черв. рублей (1 вар.), тогда как товарная часть продуктов животноводства выражается в сумме о д и н м и л л и а р д рублей, технические культуры 504 млн. рублей, а вся товарная продукция (без крестьянских покупок) равна 2.654 млн. рублей. Сюда не входит товарная продук-

ция от лесного хозяйства, рыболовства и охоты, вместе с которыми товарная продукция с. х. равна 3.282 млн. руб., из коих зерновые хлеба занимают всего 775 млн. руб., т.-е. всего 23% ко всей товарной продукции.

Если же мы возьмем последние данные из книги тт. Кржижановского Гринько и Квиринга «Основные проблемы контрольных цифр народного хозяйства на 1928—29 год», то здесь, в приложениях, на стр. 176 мы находим следующее.

Товарная часть продуктов земледелия (по ценам производителей) в 1925—26 году была равна 2.576 млн. руб., а товарная часть зерн. хлеба 498 млн. руб. В 1927—28 году соответственно—2.831 млн. руб. и 463 млн. руб.; на 1928—29 год намечается 2.957 млн. рублей и 431 млн. руб. Это значит, что товарная продукция зерновых хлебов по отношению ко всей товарной продукции земледелия составляет всего 14,5%. Если же принять во внимание товарную продукцию лесного хозяйства, рыболовства и охоты, то вся товарная часть продукции с. х. будет равна в 1928—29 г. млрд. руб., и товарная часть зерновых хлебов будет равна всего 10—11% всей товарной продукции сельского хозяйства.

Если 23%, или же 14 и 11% продукции составляют главную массу, тогда плохи дела у т. Трошина с простой арифметикой.

Только потому, что т. Трошин не потрудился заглянуть в экономическую литературу, у него получаются и последующие ошибки. Так, например, на стр. 49-й своей книжки т. Трошин пишет: «Сила нашего влияния на мировом рынке—в экспорте, а наш экспорт состоит на 67% из с.-х. продукции, 90% которой составляют зернопродукты».

Что вы, т. Трошин? Посмотрите, пожалуйста, тот самый номер «Большевика», где помещена ваша статья (№ 21—22), там помещена статья Арт. Кактыня, где на стр. 15-й черным по белому написано: «нам пришлось в целях пополнения запасов прибегнуть даже к импорту хлеба в размере 250.000 тонн». А на стр. 17-й т. Кактынь говорит о том, что и в этом, т.-е. в 1928—29 году хлебный экспорт выпадает почти полностью и в известной мере сокращается экспорт сырьевой. Это обстоятельство меняет и соотношения между экспортом сельскохозяйственной и промышленной продукции, и в ближайшие годы промышленная продукция в экспорте будет занимать уже несколько больше половины.

Откуда т. Трошин взял, что в экспорте с.-х. продукции зерновые продукты занимают 90%—это известно только ему одному. Но его опровергает не только т. Кактынь, но и «Контр. цифры» на 1927—28 год, где говорится: «В отличие от довоенного периода основной группой наших экспортных товаров являются сырье и полуфабрикаты, тогда как жизненные припасы отошли на второе место» (стр. 452).

В прошлом году мы вынуждены были хлеб импортировать. В этом году из экспорта хлеб выпадает. А Трошин, фантазируя, всему миру сообщает о том, что в экспорте с.-х. продуктов зерновые продукты занимают 90%.

Но посмотрим, что получается дальше.

Много раз уже приводилась таблица ЦСУ, из которой видно, что товарного хлеба в СССР в 1926—27 году было 10,3 млн. тонн. Эту таблицу приводит и т. Трошин в своей статье в «Большевике». Тем не менее тот же Трошин считает, что «наши сельхозкредитные учреждения могли бы мобилизовать около 16,4 млн. тонн зерновых хлебов в форме вкладов». Откуда Трошин взял 16,4 млн. тонн вместо 10,3 млн.? Очень просто: он считает, что минимум половину, т.-е. от 5 до 6 млн. тонн зерна, крестьянин даст нам из своего «страхового фонда», который он исчисляет в 10—11,5 млн. тонн.

Не правда ли, как легко т. Трошин «нашел» 16,4 млн. тонн зерновой продукции? Но каким же образом «мобилизовать» 16,4 млн. тонн? Тоже очень просто: «При наличии широкой агитации, необходимой на первое время, нам удастся вызвать активную сдачу вкладов, доходящую до соревнования между собою со стороны крестьян» («Большевик» № 21—22, стр. 116). Это первое. А второе: «условия приема натуральных вкладов должны заинтересовать крестьянина целиком, так как он абсолютно ничего не теряет»; «условия с процентами должны сохраниться те же, что и при денежной форме вкладов» (стр. 115).

Таким образом, стимулы для сдачи крестьянами зернопродуктов в форме «натуральных вкладов» сводятся к следующему: 1) агитация, долженствующая вызвать соревнование; 2) крестьянин от этого ничего не теряет и 3) крестьянин вместо с.-х. продукции получает деньги и обычный процент, который платится при денежных вкладах.

Но зато Трошин предлагает крестьянину отдавать страховые запасы, это—во-первых, и лишает таких вкладчиков тайны вкладов, которая в наших условиях имеет огромное значение, это—во-вторых! Плюс к этому целая уйма всякого рода путаницы и волокиты, которые предлагает Трошин и о которых мы скажем несколько слов ниже.

При такой постановке вопроса всю «теорию» Трошина вполне можно назвать издевательством над действительностью. Живет ли т. Трошин на грешной земле или он с луны свалился? Занимаясь экономическими вопросами, совершенно невозможно игнорировать реальную обстановку и витать где-то в облаках.

В самом деле, мимо автора теории «натуральных вкладов» совершенно пролетела зерновая проблема, проблема хлеба, хотя т. Трошин и говорит именно о зерновых, т.-е. хлебных вкладах!

Партия и советская власть на своих последних пленумах и сессиях уделяли исключительное внимание зерновой проблеме, а т. Трошин ни в книге, ни в статье, появившейся в ноябрьском (1928 г.) номере «Большевика», не упоминает ни единым словом об этой огромнейшей экономической и политической важности вопросе.

Разве можно так легкомысленно говорить о том, что крестьянин отдаст нам в форме вкладов, если не все, то не меньше половины страховых запасов? Или т. Трошин полагает, что крестьянин забыл, как в 1921 году люди людей ели, как от голода умирали сотни и тысячи людей? Нет, крестьяне это твердо помнят. Поэтому думать, что они благодаря красноречию т. Трошина понесут нам страховые запасы и по этому поводу даже устроят соревнования, это и значит совершенно оторваться от действительности, издеваться над ней.

Или же т. Трошин полагает, что крестьяне не знают о том, что у нас нет совершенно ни продовольственных, ни семенных фондов, что к их организации мы только начинаем приступать? И это крестьянин знает.

Посмотрите, как к страховым фондам относится, напр., т. Сталин. В своем докладе об итогах июльского (1928 г.) пленума ЦК, указывая на затруднения с хлебозаготовками и на недород на Северном Кавказе и Украине, т. Сталин говорит: «Это обстоятельство... поставило нас перед неизбежностью нажать сильнее на остальные районы и задеть таким образом страховые фонды крестьянства, что не могло не ухудшить положения» (стр. 14).

Для улучшения положения на хлебном фронте потребовалось повышение цен на зернопродукты в среднем по СССР на 16%. А это значит, что в результате повышения цен на хлеб государство должно будет переплатить крестьянству около 60—70 млн. рублей. И несмотря на это, положение с хлебозаготовками на второе полугодие предвидится затруднительным, о чем

свидетельствует передовая статья «Большевика» (№ 23—24). Уже начинают появляться мешочники, начинает орудовать спекулянт.

Хлебная проблема может быть разрешена лишь на протяжении ряда ближайших лет в результате тех мероприятий, которые намечены партией и правительством в решениях о повышении урожайности на 35% в ближайшее пятилетие. А в ближайшие годы трудности на хлебном фронте неизбежны, напряжение будет большое, и говорить в это время о «натуральных вкладах»—это значит ломиться в открытую дверь, не видеть и не знать действительности.

Об этом собственно и говорит то место книжки т. Трошина, где он, доказывая выгодность натуральных вкладов, говорит о том, что если крестьянин этого не сделает, то «может произойти нерациональная растрата его товарной продукции в виде излишней потравы зерна курами, свиньями, жеребятами и пр.» (стр. 44).

Как будто бы т. Трошин не знает того, что если крестьянин потратит, напр., 8 кг зерна в год на одну курицу, то он получит лишних два десятка яиц, которые он продаст за рубль, тогда как 8 кг зерна стоят только 50 коп. Плюс к этому откормленная курица будет иметь больше веса, лучше качество мяса и стоить сама по себе значительно дороже, чем курица истощенная, не кормленная. То же можно сказать и о свиньях, жеребятах и пр. Бывает так, что для откорма свиньи крестьянин расходует 0,25 тонны хлеба, которые стоят 15 руб., но за откормленную свинью он уже получает не 15 руб., а 50—75 или 100 рублей.

Тут прямая выгода крестьянину. И этим об'ясняется то, что в некоторых местах стали скот кормить печеным хлебом. Это делалось потому, что цены на хлеб и, в частности, на продукты животноводства были не соответственные.

Но не забыв сказать о курах, свиньях и др. существах из мира животных, т. Трошин не продумал основного вопроса о том, почему же страна переживает затруднения с хлебом, почему у нас при наличии нескольких урожайных годов под ряд положение не улучшается, а ухудшается и ухудшение заметно больше всего с зернопродуктами.

Чем об'яснить, что валовая продукция хлеба достигла довоенных размеров, а товарная часть уменьшилась в два раза? Дело тут не только в том, что крестьянские хозяйства измельчали, что вместо 16 млн. дворов, которые были в России до революции, теперь этих дворов 24—25 млн. Не только в этом дело, а еще и в том, что крестьянство стало больше употреблять хлеба, оно стало сытнее жить, чем жило до революции.

Бесплатное пользование землей, за которую раньше платилась аренда помещику, и снижение налогов, в частности освобождение от с.-х. налога 35% крестьянских хозяйств, т.-е. около 8,5 млн. дворов, увеличивают платежеспособность крестьянства на огромную сумму (цифровых расчетов, которые известны, мы не будем здесь напоминать), а главное позволяют ему производить больший расход хлеба и др. с.-х. продуктов как на собственное питание, так и на кормление скота, птицы и т. д.

Обычно указывают на то, что мы имели под ряд несколько урожайных годов, а положение с хлебом и продуктами питания, напр., в 1925 году было лучше, чем, скажем, в 1928 году.

То, что с 1925 года мы имели урожайные годы—это верно. Но тогда как хлеба в стране столько же, сколько было три года назад, население городов за это время возросло на 14%, т.-е. на 3.500 тыс. человек, а остальное население возросло на 7%, т.-е. на 8.500 тыс. человек. Таким образом, с 1925 года население выросло на 12 млн. человек. Если положить по 82 кг в год на каждого человека, тогда нужно будет добавочного хлеба, по сравнению с 1925 годом, 1 млн. тонн, а на самом деле даже не 1, а верных 1,64 млн. тонн.

С 1925 года до сих пор мы имеем прирост скота, в переводе на крупный, на 12 млн. голов. Если положить на каждую голову скота 82 кг в год хлеба, тогда нужно еще 1 млн. тонн хлеба, который не нужно было расходовать в 1925 году. В связи с урожайными годами, под ряд несколько лет, у крестьянина образовались запасы. Цены на хлеб не выгодны, поэтому, имея около 90 млн. голов скота, крестьянство могло позволить лишний расход, напр., 16,4 кг на каждую голову в год. Вот вам еще 1,5 млн. тонн хлеба, который не расходовался в 1925 году.

По тем же соображениям крестьянин на собственное потребление стал расходовать, например, на 16,4 кг в году больше, чем это было в 1925 году. Следовательно, мы имеем еще 1,64 млн. тонн дополнительных расходов хлеба.

Население городов стало больше потреблять хлеба. Если допустить, что на каждую душу, живущую в городе, увеличилось потребление хлеба на 32 кг в год, тогда мы имеем еще дополнительных расходов хлеба 0,82 млн. тонн.

Все эти примеры являются не фантазией, а самыми реальными фактами. Доказательством этому служит сообщение т. Любимова, сделанное им на 41 собрании уполномоченных Центросоюза в июле 1928 года, где он говорит следующее: «По сравнению с довоенным временем рост потребления рабочим населением пшеничной муки повысился на 64%...Потребление коровьего масла увеличилось на 25% в среднем за последние 3 года, потребление хлеба на душу населения возросло в 3 раза, по маслу—в 2 раза, по сахару—в 2 раза, по яйцам—в 1½ раза и т. д.» (см. стеногр. отчет 41 собр. уполн. Центросоюза, стр. 39—40).

Если мы к вышеприведенным расчетам прибавим 2,13 млн. тонн хлеба, находящегося у кулаков (их товарная продукция), и допустим, что из 10—11,5 млн. тонн страхового фонда кулаки имеют не меньше 3,33 млн. тонн, которых кулаки ни за что не отдадут ни в форме натуральных, ни в форме каких бы то ни было вкладов, несмотря на агитаторские способности тов. Трошина, то картина будет совершенно ясна.

В результате осторожных расчетов и предположений, в результате некоторого увеличения потребления хлеба в деревне и городах, а также задержки хлеба кулачеством, мы получаем оседание хлеба, невыход его на рынок около 10—10,7 млн. тонн. Это огромная сумма! Это и есть та сумма, которая составляет половину всей товарной зернопродукции, выбрасываемой в дореволюционный период царской Россией.

Товарность с.-х. продукции, в частности продукции зерновой, в довоенное время была в два раза больше потому, что крестьянство голодало, что рабочие жили хуже, что землей владели помещики и кулаки, что налоги крестьянство платило непосильные и платили именно бедняки и середняки. Теперь этого нет. Вот коренная причина хлебного кризиса и товарного голода вообще. Это есть кризис роста. Это есть затруднения в результате улучшения материального благосостояния трудящихся, полученного благодаря Октябрьской революции, благодаря наличию советской системы в нашей стране.

Говорить при таком положении о том, что крестьянство нам даст в форме «натуральных вкладов» 16,4 млн. тонн зернопродуктов, это значит не понимать в экономике страны совершенно ничего.

Для того, чтобы покончить с 16,4 млн. тонн т. Трошина заметим еще следующее: страховых фондов в форме «натуральных вкладов» крестьянство не даст. Следовательно, 10—11,5 млн. тонн выпадают. 2,13 млн. тонн товарной зернопродукции, находящейся у кулаков, тоже нужно выбросить, ибо этот хлеб кулак будет продавать в последнюю очередь и в форме вкладов нам не даст. Середняки и беднота в первые месяцы хлебозаготовок,

т.-е. в августе — ноябре, продают без особого нажима с нашей стороны около 5 млн. тонн.

Таким образом, от 16,4 млн. тонн Трошина остается круглый нуль. А отсюда вывод: над «теорией» т. Трошина надо поставить крест. Она безжизненная, надуманная, а главное—путанная, совершенно не разработанная. Да и трудно разработать то, что так же далеко от жизни, как небо от земли.

На этом можно было бы закончить рассмотрение «системы» т. Трошина, ибо основные возражения нами сделаны. Однако, нужно остановиться на некоторых второстепенных вопросах, поставленных т. Трошиным.

Прежде всего о Дрейфусе. Это единственный пример, приводимый т. Трошиным из капиталистической практики. Но пример недостаточный, не освещенный, без конкретного материала: сколько привлекал Дрейфус хлеба, на каких условиях, кто ему этот хлеб отдавал и т. д. Но, даже не имея этого материала, можно сказать, что при наших условиях, при том положении с хлебом, о котором мы говорили выше, пример Дрейфуса ничего дать не может, ибо Дрейфус подвизался в капиталистической России, где крестьянство, голодая само, вынуждено было продавать хлеб или же брать деньги под хлеб еще неубранный. Слишком тяжело давил налоговый пресс царского правительства как на бедноту, так и на середняков.

Казалось бы, что техническая сторона дела должна быть ясна: крестьянин сдает свою продукцию, ее тут же оценивают по качеству, определяют количество посредством взвешивания и, поскольку дальнейший расчет происходит исключительно в денежной форме, выдают соответствующий документ, где указано, что крестьянин (имя рек) может в любое время получить, напр., 50 или 100 рублей, плюс столько-то процентов ежемесячных, ежедневных или годовых.

Так должно было бы быть. Но т. Трошин не был бы самим собой, если бы он и в это дело не внес соответствующих осложнений и путаницы. Почитайте-ка, что он пишет на этот счет в своей книжке «Система натуральных вкладов»: «Товарищество записывает на особый текущий счет сдатчика принятое количество пшеницы с указанием количества, кондиции и дня сдачи. То же самое оно записывает в личную вкладную книжку сдатчика. Последний теперь лишается права распоряжаться сданной пшеницей; ему теперь предоставлено право по 1 июня следующего года явиться лично в товарищество и заявить, по ценам какого недельного периода он желает получить за свою пшеницу среднерыночную стоимость, существовавшую на ближайшем рынке в означенный период. При чем этот недельный период должен лежать между 15 августа и днем подачи его заявления в товарищество о реализации его счета в денежном исчислении». А средне-рыночную цену крестьянин должен «выследить благодаря об'явлениям торготдела в местной газете или отдельном бюллетене, которыми он как вкладчик, ясное дело (ясное? *В. П.*), интересуется» (стр. 42). «К фиксированию существующих цен могут привлекаться волисполкомы, представители местной кооперации, уполномоченные Хлебопродукта, кресткомы и представители ближайшего сельсовета. Цены могут фиксироваться по приемочным ордерам государственных и кооперативных заготовителей» (стр. 39). А для рассмотрения всякого рода претензий «необходимо будет создание центральной комиссии из представителей Наркомюста, Внуторга и Нарком РКИ. Представители от НКПС, Центросельбанка и соответствующих коопцентров должны входить в нее с правом совещательного голоса» (стр. 75).

Вы видите, что получается? Если крестьянин сдает свою продукцию и через год придет за получением денег, то он должен принести с собой за целый год газеты и бюллетени, которые он видимо ежедневно должен покупать, из этих газет и бюллетеней сделать выборку цен и установить, на каком рынке и в какое время были выгоднее для него цены. А так как газеты издаются только в округах, то окружная газета для того, чтобы установить соответствующие цены на отдельных рынках округа, должна завести целый аппарат. В общем каждый крестьянин должен у себя завести маленькое кон'юнктурное бюро с центральным кон'юнктурным институтом в округе.

А затем запись кондиции продуктов, количества их, определение цен комиссиями, рассмотрение претензий вкладчиков и т. д. и т. п. Одним словом, дело дошло до Центральной Комиссии. Остался один шаг до «натурального Совнаркома» по «натуральным вкладам».

Эх, т. Трошин! Если бы все это знал и слышал крестьянин, наверное дело дошло бы не только до соревнования, но... до драки. Неизвестно только, кому бы больше всех досталось. А всыпать нужно было бы кое-кому при этом по заслугам.

В своей «системе» т. Трошин совершенно игнорирует самую разветвленную кооперативную сеть, это—сеть потребительской кооперации. О ней ни слова. А ведь она является основным проводником нашей промышленной продукции в деревню.

Тов. Трошин вообще сбивается на универсализм, когда он предлагает сосредоточить все операции в одном месте. В самом деле, что он пишет: «Крестьянин будет иметь в одном учреждении и свои денежные средства и те товары, которые ему нужны. Придя в свое товарищество и получив свой вклад, он тут же может купить все, что ему требуется для своего хозяйства... он не потащит деньги на базар, а оставит их тут же в кооперативе за тот предмет, который купит» (стр. 89).

Это значит, что крестьянин в одно место приносит свои натуральные вклады и там же получает всевозможные товары. А так как Трошин все же предполагает, что в качестве натуральных вкладов должны приниматься не только хлеб, но и др. с.-х. продукты, то предложение о том, чтобы все было в одном месте, означает, что крестьянин в кредитное товарищество будет приносить и хлеб, и масло, и яйца, и лен, и пеньку, и кожу, и мясо, и приводить живой скот, который нужно продать, и т. д., и т. п.

А это кредитное товарищество должно удовлетворить крестьянина: трактором, плугом, сеялкой, бороной, чугуном, гвоздями, стеклом, минеральными удобрениями, молотилкой, солью, сахаром, текстильными товарами и т. д.

Вот вам универсальный тип кооперации. Специализации тут места нет, потребительская кооперация также не нужна, ибо ведь Трошин предлагает всю товарную продукцию с. х. вкладывать в кредитные товарищества, госторговля также улетучивается, хотя в снабжении крестьян с.-х. машинами государственная система имеет огромное значение.

По Трошину всем должно заниматься кредитное товарищество. Но тогда можно быть уверенным в том, что кредитная система именно своим-то делом и не будет заниматься.

И все это ради того, чтобы крестьянин не «потащил своих денег на базар», т.-е. на рынок. Трошин определенно против рыночных отношений. Неясно только одно: раз вся с.-х. продукция будет поступать в одно место и тут же крестьянин будет получать все необходимые промтовары, то для чего нужны деньги, как мерило ценности? Ведь с.-х. продукция при вкладах будет записана подробно и оценена, промтовары тоже. Спрашивается, для чего же крестьянину в одном и том же кредитном товариществе канитель заводить, получать деньги и тут же их отдавать в одну и ту же кассу?

При системе т. Трошина надобность в деньгах не особенно велика. Поэтому, видимо только приличия ради т. Трошин в своей книжке выделил особую главку о деньгах, которая является очень куцой не только по размерам, но самым слабым местом книжки и очень куцой по содержанию.

Да и чего особенно беспокоиться о деньгах, их наиболее правильном обращении, укреплении нашего рубля и т. д., если, по мнению т. Трошина, наше хозяйство «имеет плановый монополистический характер». Тов. Трошин в своей книжке так безапелляционно и заявляет: «В чем заключаются особенности нашего хозяйства? Они заключаются в том, что наше хозяйство имеет плановый монополистический характер» (стр. 27).

Это утверждение т. Трошин повторяет несколько раз, несмотря на то, что XV с'езд ВКП(б) в своей резолюции о пятилетнем плане сказал следующее: «Зависимость от урожая и невозможность предварительного точного статистического его охвата; зависимость от рыночной стихии (слушайте, тов. Трошин! *В. П.*), которая все более взнуздывается плановым началом, но еще не укладывается целиком в его рамки; колебания кон'юнктуры мирового рынка и зависимость от этого последнего; наконец, внеэкономические факторы, связанные в первую очередь с враждебным капиталистическим окружением и отражающиеся как на экономических отношениях с заграницей, так и на экономических отношениях внутри страны,—все это обусловливает собою относительность значения плановых и цифровых предположений вообще». (См. резолюции XV с'езда, стр. 45—46).

Но т. Трошин «рассудку вопреки, наперекор стихиям» летит высоко над жизнью и действительностью к своей «заветной» цели—«к системе натуральных вкладов».

Нам могут задать вопрос: а каковы ваши предложения, поскольку вы отвергаете систему натуральных вкладов? Пусть т. Трошин как угодно «торжествует», но мы отвечаем на это тем, что никаких своих предложений не вносим и никакой «системы» разрабатывать не собираемся.

Мы «только» предлагаем проводить в жизнь уже имеющиеся решения партии и правительства. В частности, вопрос о привлечении крестьянских средств нашел свое отражение в решениях ноябрьского (1928 г.) пленума ЦК, где говорится следующее: «Пленум ЦК снова подчеркивает огромное значение мобилизации денежных сбережений населения. Пленум ЦК отмечает огромный успех государственных займов, особенно среди рабочих, и указывает на необходимость дальнейшего их распространения, в частности и в особенности в деревне, где имеются большие неиспользованные возможности.

Далее пленум ЦК отмечает, что мобилизация средств крестьянского населения специально для целей индустриализации сельского хозяйства может и должна осуществляться не только через займы, но и через собирание паев сельскохозяйственной и потребительской кооперацией, через сберкассы и т. д.». (См. резол. ноябр. пленума, стр. 31—32).

Сказано определенно и ясно. Речь идет о привлечении вкладов в денежной форме, а не в какой-либо другой. Да это и понятно. Хлеба в стране недостаток. Задача сводится к тому, чтобы быстро поднимать урожайность с. х., в частности и в особенности хлеба. Поэтому ставить вопрос о привлечении в качестве вкладов именно той продукции, которой недостает, это значит ломиться в открытую дверь.

А деньги в деревне есть. Почему? Да потому, что основная масса товарной продукции состоит как раз не из зернопродуктов, это —во-первых, а во-вторых, и это самое главное, деревня получает около 2,5 миллиардов рублей доходов вне деревни, т.-е. за счет отхожих заработков в городах.

Тов. Трошин привел эту справку в своей статье в самом начале. Но всуе он это писал, ибо никакого вывода не сделал. А ведь эти 2,5 млрд. руб. крестьянин получает в городе не натурой, а деньгами от нашей строительной и прочей промышленности.

Что значат решения ноябрьского пленума ЦК, если их перевести на конкретный цифровой язык? В СССР 30 млн. пайщиков в с.-х. и потребительской кооперации. Как известно, паевые взносы в кооперации взысканы еще далеко не полностью. Если поставить задачей немедленно привлечь по 5 руб. дополнительных паев, то мы получим 150 млн. руб.

В с.-х. и потребительскую кооперацию ежегодно должно вовлекаться до 10 миллионов новых членов-пайщиков. Если каждый пай будет равен 10 руб., то мы получаем еще 100 млн. руб.

Развивая займы в деревне (хотя т. Трошин считает, что они носят «спорадический» характер), мы можем получить еще не меньше 150 млн. руб. ежегодно.

Миллионов 100 мы можем и должны брать путем самообложения, на классовой основе.

Такую же сумму, т.-е. 100 млн. руб., нужно и можно привлечь в сберкассы крестьянских средств. Тут возможно будет поставить вопрос о больших выгодах для крестьянства, которые оно должно получать за вклады, быть может, об увеличении процента и т. д.

Посредством этих мероприятий мы получаем 600 млн. руб. крестьянских средств. Правда, тут не получается миллиарда, но это и необязательно, так как миллиард вообще цифра «несчастливая» (в свое время миллиард предлагала оппозиция, но блестяще с ним провалилась).

Подведем итоги. Забота о привлечении свободных средств населения вообще, крестьянского населения в особенности, это есть обязанность каждого члена партии, советского гражданина. С этой точки зрения т. Трошина нужно приветствовать.

Но одно дело заботиться, а другое дело, как осуществлять в жизни или предлагать к осуществлению то, что волнует в данном случае не только тов. Трошина, но и всю партию. В этом отношении предложение т. Трошина не только бесполезно, но даже вредно.

В чем вред «системы» т. Трошина? В том, что вся «теория» основана на неверных расчетах, на совершенно неверных фактических данных, которые вводят в заблуждения самого т. Трошина, могут вводить в заблуждение и тех товарищей, которые недостаточно знакомы с экономикой страны, а таких у нас не мало даже среди членов партии. Вредность «теории» Трошина заключается в том, что он не поставил основных вопросов экономики страны в связи с его «системой вкладов», что мимо него пролетели такие огромные вопросы, как зерновая проблема, хлебные и продовольственные затруднения вообще. «Изыскав» целые 16,4 млн. тонн зернопродуктов, которые якобы может вложить крестьянин, т. Трошин тем самым, как бы говорит о том, что товарный хлеб в стране есть, но его нам не дают, и тем самым он делает непонятными затруднения на хлебном фронте, причины этих затруднений и те мероприятия, которые наметило по поднятию урожайности правительство. Раз мы имеем десятки миллионов тонн свободных зернопродуктов, то к чему такой «шум» о хлебе, о поднятии урожайности и т. д., так смогут сказать неосведомленные читатели. А это ослабляет волю к проведению огромной задачи по поднятию урожайности и, кроме вреда, ничего дать не может.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ.

Г. ЦИПЕРОВИЧ. «Международные монополии. Картели, тресты и концерны». *(ГИЗ, 1929 г. Стр. 259, ц. 3 руб.).*

Проблема международных монополий в эпоху империализма заслуживает всестороннего изучения. Владимир Ильич в число известных пяти основных признаков империализма включил «международные капиталистические союзы капиталистов, делящие мир» (Ленин, «Империализм»).

Особенное значение вопрос о международных об'единениях приобрел в последние годы. Взамен разрушенных войной ряда международных монополий образовались новые крупнейшие об'единения, из которых многие монополизировали целые отрасли промышленности в мировом масштабе. Рост этих международных об'единений дал повод международной социал-демократии считать их признаком наступления новой эры капитализма. В концепции социал-демократов о новой фазе капитализма — «организованном капитализме»—международным монополиям отводится почетная роль: они якобы ведут к смягчению современных противоречий в мировом хозяйстве. Не даром Гильфердинг на Кильском конгрессе германской социал-демократии (в мае 1927 года), излагая сущность теории организованного капитализма подчеркивал, что одним из самых характерных моментов современной эпохи является «интернационализация капиталистической промышленности, стремление об'единить в интернациональном масштабе национальные монополии, картели и тресты». (Цитирую по «Капитализм, социализм и социал-демократия», сборник статей и речей Р. Гильфердинга, изд. «Московский Рабочий», 1928 г., стр. 22). Эти взгляды, которые, в сущности говоря, лишь несколько модифицируют старую теорию Каутского об ультра-империализме, подверглись Лениным уничтожающей критике. Ленин указывал, что «то мнение, что международные картели, будучи одним из наиболее рельефных выражений интернационализации капитала, дают возможность надеяться на мир между народами при капитализме—совершенно вздорно, а практически есть софизм, способ нечестной защиты худшего оппортунизма». (Сборник В. И. Ленина «Империализм», ГИЗ, 1926 г., стр. 56). В другом месте Ленин указывал, что эти международные соглашения, союзы между капиталистами являются лишь краткими «передышками» между новыми столкновениями, новыми войнами.

Из всего вышесказанного вытекает огромное значение анализа проблем современных международных монополий. Несмотря на всю актуальность этого вопроса, у нас до сих пор не было ни одной работы, посвященной специально международным картелям и трестам. Правда, в общих работах по мировому хозяйству, уделялось известное внимание международным об'единениям, также и в периодических изданиях появлялись очерки, посвященные отдельным об'единениям. Но все это носило не систематический характер и при этом основное внимание уделялось описательной стороне дела. Поэтому появление первой такой крупной работы, принадлежащей перу тов. Циперовича, пользующегося у нас известностью, как первого марксистского исследователя монополистических об'единений в дореволюционной России, необходимо всемерно приветствовать.

К сожалению, необходимо с самого начала отметить, что содержание работы не вполне соответствует тем требованиям, которые необходимо пред'явить марксистско-ленинскому исследованию этой проблемы.

Тов. Циперович главное внимание уделяет лишь о п и с а н и ю процессов международного трестирования и картелирования.

Первую часть автор посвящает довоенным международным об'единениям. Эта часть работы не вносит ничего нового по сравнению с имеющейся у нас старой экономической литературой. В основу положена работа Гармса «Народное и мировое хозяйство», вышедшая уже в 1912 году. Как известно, эта работа была использована уже тов. Бухариным в книге «Империализм и мировое хозяйство» в разделе о международных об'единениях.

Все таблицы с перечислением существовавших до войны международных об'единений взяты тов. Циперовичем из Гармса. При этом нужно отметить довольно некритическое отношение к этим материалам. Так, например, и у Циперовича фигурирует международный автомобильный трест, основанный якобы в 1910 году. По всей вероятности, Гармс пользовался непроверенными газетными сведениями, что было вполне понятно, поскольку работа писалась в 1912 году. Между тем, теперь хорошо известно, что такого треста на самом деле не существовало, и, конечно, это можно было проверить по специальной иностранной литературе, вышедшей за это время. Вообще этот раздел значительно выиграл бы, если бы тов. Циперович привлек больше свежих первоисточников.

В этом же разделе автор, излагая историю отдельных об'единений, не дает четкого анализа различных форм международных об'единений, сваливая в одну кучу картели, тресты, предпринимательские союзы и т. п.

Нужно отметить, наконец, отсутствие у автора общих сводных данных о числе международных об'единений до войны. По новейшим подсчетам (отчет Бальфуровской комиссии, III том, Лондон, 1928 год, стр. 110) до войны имелось 114 международных об'единений. Эта цифра почти совпадает с данными Лифмана («Картели и тресты», русский перевод, 1925 год, стр. 36), а также с данными упомянутой работы Гармса.

Следующий раздел автор посвящает послевоенным международным монополистическим об'единениям. Автор довольно подробно останавливается на вопросе о влиянии войны на существовавшие до 1914 г. интернациональные картели и резко критикует то мнение, что будто бы война привела к разрушению международных об'единений. В частности, он останавливается на работе тов. Пашуканиса, писавшего, что «война разрушила эти об'единения, и первые годы после мировой войны их почти не наблюдалось». (Пашуканис, Е. Б. «Экономика империализма», Москва, 1928 г., стр. 83). Основной вывод тов. Циперовича сводится к тому, что, по его мнению, «легендой является утверждение, будто война разрушила все монополистические международные организации» (стр. 204); именно вследствие того, что международные монополистические связи не были разрушены, они «на следующий день после подписания Версальского мира начинают восстанавливаться с быстротой и легкостью, которые были бы необ'яснимы, если бы война действительно «разрушила» довоенные международные монополистические об'единения» (стр. 205). В такой категорической форме утверждение тов. Циперовича все же неверно. Никто не утверждает, что война разрушила в с е международные об'единения. Но то, что большинство их них было разрушено—это является неоспоримым фактом, иначе ведь их и не надо было бы восстанавливать на специальных конференциях после длительных переговоров между различными национальными об'единениями. Не кто иной, как сам тов. Циперович совсем недавно писал относительно судьбы довоенных международных об'единений: «Б о л ь ш и н с т в о из этих об'единений распалось во время войны, но не все и не навсегда» (см. Г. Циперович. «Синдикаты и тре-

сты в дореволюционной России и в СССР». Изд. 4-е, Ленинград, 1927 г., стр. 81, разрядка наша. *М. И.*).

Именно факт распада международных капиталистических об'единений во время войны полностью подтверждает ленинскую теорию. Международные об'единения являются лишь «передышками» между новыми конфликтами, они не в силах предотвратить вооруженные столкновения между империалистическими государствами, и в период войны, несмотря на всю силу переплетения международного финансового капитала, эти связи обрываются. Отрицание этого факта может повести к совершенно неправильной оценке значения международных об'единений. Ведь известно, что уже до войны многие социал-демократические теоретики на основании факта усиливающегося международного переплетения капитала отрицали опасность империалистической войны. Интересно, например, что даже Бебель на Иенском партейтаге в 1911 году говорил: «Быть может, наибольшую гарантию мира приходится видеть именно в интернациональном вывозе капитала». После войны эта переоценка значения международных об'единений, как мы уже указывали выше, достигла у современной социал-демократии своего апогея, поскольку оппортунисты поставили международные об'единения во главу угла своей теории «мирного» капитализма.

Не совсем прав также тов. Циперович, когда подчеркивает, полемизируя опять-таки с тов. Пашуканисом, что международные об'единения стали быстро создаваться сейчас же после Версаля, а не со времени капиталистической стабилизации. Отдельные примеры создания об'единений в 1919—1924 гг., приводимые автором, в данном случае не показательны, и сам автор вынужден в дальнейшем подчеркнуть, что «наиболее энергично возрождаются эти об'единения в период с 1924 года по 1927 год» (стр. 205). Безусловно, именно стабилизация капитализма, с вытекающими из нее последствиями, как восстановление производственного аппарата отдельных капиталистических стран, обострившаяся борьба за рынки сбыта, стабилизация валюты, лишавшая ряд стран прежних преимуществ в виде возможности валютного демпинга, и т. д.—вызвала усиленное образование международных об'единений. Отдельные национальные об'единения в настоящий период еще недостаточно сильны, чтобы вступить в военную борьбу со своими конкурентами на мировом рынке, и предпочитают пока мирное соглашение открытой войне.

Большую часть второго раздела книги автор посвящает описанию новейших международных монополистических об'единений. Автор останавливается очень подробно почти на всех созданных после войны в различных областях международных картелях, трестах и концернах. В этом отношении читатель получит чрезвычайно полный фактический материал по этому вопросу. Однако, не всегда данные, приводимые автором, соответствуют действительности. Мы ограничимся лишь несколькими примерами.

Из всех международных об'единений наибольшее внимание привлек к себе при своем основании Европейский Стальной Картель, образованный в 1926 году. Об'ясняется это тем, что это был первый крупнейший международный картель, охвативший всех главнейших продуцентов стали континентальной Европы. Вполне понятно, что и тов. Циперович весьма подробно останавливается на этом международном об'единении, попутно анализируя положение металлургической промышленности за последние годы. Как известно, металлургическая промышленность переживала после войны глубокий кризис сбыта. Тов. Циперович пытается наметить причины этого кризиса, который, по его мнению, был вызван не тем, «что металл выпускается на рынок в количестве большем, чем это было необходимо для нормального удовлетворения нужд промышленности, транспорта и населения непосредственно, а потому, что покупательная способность потребителей железа была резко сокращена той же политикой капиталистической монополии, которой была вызвана и разорительная война» (разр. моя. *М. И.* Стр. 118).

Здесь автор прошел мимо основной причины послевоенного кризиса металлургической промышленности. Общеизвестно, что во время войны, вследствие огромного спроса на продукцию тяжелой промышленности, производственный аппарат последней колоссально расширился Достаточно, например, указать, что производственная способность английской металлургической промышленности выросла более чем на 50%. Именно вследствие этого, а также вследствие того, что разоренная Европа была не в состоянии поглотить даже продукцию в довоенных размерах, возникла резкая диспропорция между производственной способностью и рыночным спросом, а отсюда и тяжесть кризиса металлургической промышленности со всеми вытекающими из него последствиями.

Затем автор останавливается на истории переговоров о создании Европейского Стального Треста и на его деятельности. Однако, автор не затрагивает весьма важного вопроса о том, насколько это картельное соглашение разрешило те задачи, которые были им поставлены. Два года, протекшие со времени основания картеля, показывают, что картель не сумел оказать того влияния на цены, на какое рассчитывали его участники. В период депрессии, когда цены шли вниз, картель не мог ничего сделать, и цены продолжали падать, несмотря на наличие картеля. В то же время внутри картеля все время происходит столкновение между участниками, которое заканчивается пока временными компромиссами.

Попутно автор касается и взаимоотношений Европейского Стального Картеля с американской и английской металлургической промышленностью. Сообщаемые им сведения относительно Америки носят, однако, некоторый налет фантазии: «Организация Европейского стального об'единения, — пишет автор,—прежде всего вызвала в Соединенных Штатах организацию могущественного стального треста. Ядро нового комбината составляет «Республиканская компания стали и железа» и «Трэмбельская стальная компания», об'единенный капитал которых доходит до 200 миллионов долларов» (стр. 126). Между тем, на самом деле, описываемое автором об'единение играет сравнительно чрезвычайно малую роль в американской сталелитейной промышленности, давая максимум 1—2% общего производства стали в Соединенных Штатах. Гораздо правильнее было бы указать на образование в Соединенных Штатах могущественного экспортного об'единения стальной промышленности, куда входят действительные гиганты американской металлургии—«Юнайтед Стиль Корпорейшен» и «Вифлемская стальная корпорация». Здесь, безусловно, подготовляется сильный натиск против европейского стального картеля.

Прав автор, когда пишет, что «монополистические державы ищут выхода на открытой арене борьбы и «стальной пакт» является для них одним из этапов, на котором они могут временно задержаться, но не решить основных противоречий, вытекающих из природы капиталистического строя» (стр. 130). Следующий раздел об об'единениях химической промышленности написан несколько небрежно, при чем содержание отдельных страниц недостаточно увязано.

Особенно не четок анализ истории развития шведского спичечного треста. Начать с того, что автор неправильно относит начало основания основного ядра международного спичечного треста к 1925 году (см. стр. 180). В своей старой работе, которую мы выше цитировали («Синдикаты и тресты в дореволюционной России и в СССР»), автор правильно указывает, что этот трест был основан в 1917 году. Тогда его капитал составлял около 5 миллионов крон, в то время как теперь его капитал вырос до 270 миллионов

крон. Как известно, этот трест в настоящее время раскинул свои щупальцы по всему миру путем всевозможного вида финансовых и коммерческих связей, участия в государственных монополиях и т. д. Тов. Циперович совершенно не прав, когда считает, что на ряду со шведским спичечным трестом имеется еще обособленная международная спичечная корпорация, в которую шведский трест входит лишь как один из участников, при чем, по мнению автора, «внутри этой корпорации трест ведет усиленную борьбу из-за монополий» (стр. 180). Международная спичечная корпорация, основанная в 1923 году, является лишь дочерним обществом шведского спичечного треста, который ее полностью контролирует. Правда, нужно отметить, что в международной спичечной корпорации участвуют и американские финансовые группы, но это участие идет исключительно по линии финансирования, а контроль принадлежит шведскому спичечному тресту. Автор совершенно не касается последствий монополизации спичечной промышленности в мировом масштабе. Между тем чрезвычайно интересно было бы выяснить роль спичечного треста в повышении цен на спички.

Мы не будем останавливаться на приводимых автором данных о других об'единениях. В общем, повторяем, автор коснулся более или менее всех наиболее крупных международных соглашений. Из пробелов можно отметить отсутствие упоминания о международных об'единениях в области электротехнической промышленности после войны, где взаимное переплетение уже до 1914 г. достигло высокой степени развития.

Перейдем теперь к теоретическим выводам автора. Тов. Циперович из всего комплекса интереснейших проблем, связанных с образованием международных монополий, как, например, проблема монопольных цен, проблема международных монополий и теория ультраимпериализма и т. д., остановился лишь на влиянии международных монополий на положение рабочего класса. Автор вполне правильно констатирует резкое ухудшение положения рабочего класса, более тяжелые условия борьбы при наличии международных монополий и т. д. На ряду с этим в этом последнем разделе имеются и некоторые общие теоретические положения. Основная мысль автора, проходящая, кстати сказать, красной нитью через всю его работу и повторяемая им неоднократно, сводится к тому, что благодаря международным монополиям «в некоторых отраслях в различной степени подготовляются и отчасти достигли высокой степени материальные предпосылки для м е ж д у н а р о д н о г о р а б о ч е г о к о н т р о л я и регулирования» (стр. 248, разрядка моя. *М. И.*). То же самое он пишет, например, во введении, указывая, «что в недрах капиталистического общества уже во многих отношениях созрели основные предпосылки рабочего контроля и регулирования не только в национальном, но и в международном об'еме» (стр. 11). Многочисленные повторение этой формулировки в таком виде может вызвать глубокое недоумение. О каком «рабочем контроле» автор говорит? Так, как это формулирует тов. Циперович, это напоминает требование современной социал-демократии, которая также считает, что международные монополистические об'единения вполне созрели для «демократического контроля» со стороны государства; еще ближе формулировка тов. Циперовича стоит к требованию современного «брандлеризма». Если вообще говорить о рабочем контроле, то т. Циперович необходимо было ясно подчеркнуть, что он под этим подразумевает.

Ведь, Ленин еще накануне Октябрьской революции писал: «Когда мы говорим «рабочий контроль», ставя этот лозунг всегда р я д о м с диктатурой пролетариата, всегда в с л е д за ней, то мы раз'ясняем этим, о каком государстве идет речь». (Ленин, т. XIV, стр. 230). Тов. Циперович этого не делает, и, таким образом, у него нет достаточной четкости в вопросе, в рамках «какого государства» мыслится им рабочий контроль. Но вообще автор слишком большое значение придает «рабочему контролю». Так, например, он считает, что для рабочего класса Востока это является наиболее подходящим лозунгом. Он пишет: «До войны трудно было рассчитывать, что широким массам Востока идея рабочего контроля могла быть быстро и легко об'яснена. В настоящее время китайским или индийским рабочим, работающих в предприятиях, поставленных по-европейски, она может быть быстро и легко об'яснена» (стр. 230).

У автора вообще встречается очень много спорных и неправильных формулировок. Например, он вдруг заявляет: «процесс в с е о б щ е г о н и в е л и р о в а н и я монополистическим капиталом самых различных по экономическому строению стран приводит к тому, что стачечная борьба повсюду приобретает некоторые типично сходные черты» (стр. 275, разр. моя. *М. И.*). До сих пор считалось у нас общепризнанным, что в эпоху монополистического капитализма усиливаются «различия между быстротой роста разных частей всемирного хозяйства» (Ленин). О нивелировке, о сглаживании говорил в свое время Троцкий.

В заключение мы хотели бы еще раз отметить, что автор чрезвычайно преувеличивает роль международных капиталистических монополий. Говоря под самый конец о неизбежности революции во всех странах, он указывает, что «н а п р я ж е н н а я р а б о т а м е ж д у н а р о д н ы х к а п и т а л и с т и ч е с к и х о б ' е д и н е н и й п о д г о т о в и л а д л я э т о г о д о с т а т о ч н у ю п о ч в у» (стр. 249, разрядка моя. *М. И.*). Разве дело только в международных монополиях, разве не существуют другие, более значительные причины неизбежности пролетарской революции?.. Мы думаем, что, если бы автор более внимательно отнесся к своей работе, он избежал бы подобных формулировок.

Приходится поэтому жалеть, что тов. Циперович, затратив много труда на собирание весьма богатого фактического материала, не достаточно тщательно его обработал и этим значительно обесценил эту интересную по своей теме, по своим материалам и весьма своевременную работу.

М. Иоэльсон.

ЧИТАЙТЕ

в выходящем на-днях № 1 журнала

„Под Знаменем Марксизма“

статьи, посвященные пятилетию смерти Ленина.

Ст. КРИВЦОВ—Проблема стихийности и сознательности в ленинизме.

Проблема соотношения между стихийностью и сознательностью занимает одно из центральных мест в идеологическом наследстве В. И. Ленина. От разрешения этой проблемы зависит дальнейшее направление рабочего движения по одному из основных путей: по пути к коммунизму или по пути к капитализму. Этой проблеме посвящена статья.

Вл. БОНЧ-БРУЕВИЧ—Женевские воспоминания.

Воспоминания затрагивают период разрыва большевиков с меньшевиками, выход В. И. Ленина из редакции «Искры», организацию женевского центра большевиков.

Десятилетию со дня смерти Франца Меринга посвящена статья **Ф. ШИЛЛЕРА—Франц Меринг.**

В этой статье автор пытается, на основании новых данных, дать критическую оценку Меринга.

Л. ЗИВЕЛЬЧИНСКАЯ—Готгольд Ефраим Лессинг (к 200-летнему юбилею со дня рождения).

Лессинг — один из величайших немецких гуманистов и просветителей XVIII века. В этой статье автор дает анализ многогранной и многообразной общественной деятельности Лессинга.

В. ПОЗНЯКОВ—Схемы воспроизводства Маркса и производство золота.

Ответ на статью С. Гиммельфарба (№ 5 «Под Знаменем Марксизма» за 1928 г) — К вопросу о месте денежного материала в схемах воспроизводства Маркса, где последний критикует позицию, занятую В. Позняковым в его работе, напечатанной в «Трудах ИКП», т. 1. «Работы семинариев фил., эконом. и истор. за 1921—1922 г.».

Э. БРЭГЕЛЬ—Об одной неудачной вылазке (к понятию денежного и ссудного капитала Маркса).

В настоящей статье автор дает отпор той критике, которой марксовы понятия денежного и ссудного капитала были подвергнуты со стороны немецкого экономиста Штейнберга в его книге «Das Geldkapital».

С. ГОРЛОВСКИЙ—Борьба течений в германской социал-демократии в первые годы эпохи исключительных законов (1878—1882).

В этой работе автор прослеживает борьбу течений в германской социал-демократии, процесс победоносного шествия марксизма, а также пытается наметить исторические условия дальнейшего проникновения оппортунизма в партию.

Дж. ДЖИНС—Физика вселенной.

Дж. Джинс—крупнейший английский физик. В настоящей статье дано современное течение физики и космогонии, выразителем которого является Джинс.

Р. МИЛЛИКЭН—Полезная энергия.

Милликэн—американский физик. Эта статья представляет собой речь, произнесенную им перед обществом химической индустрии. Другую точку зрения на тот же вопрос, который рассматривает в статье «Физика вселенной» Дж. Джинс, защищает Милликэн.

В отделе **«КРИТИКА и БИБЛИОГРАФИЯ»** печатаются рецензии: **И. Бутаева** на книгу Паркер Томас Мун—«Империализм и мировая политика». **А. Нифонтова** на сборник «Н. Г. Чернышевский. 1828—1928. Неизданные тексты, материалы и статьи».

В **«СООБЩЕНИЯХ и ЗАМЕТКАХ»** дается информация об организации института философии при Комакадемии и план предполагаемой к изданию Философской Энциклопедии.

ПРИЕМ ПОДПИСКИ НА 1929 ГОД ПРОДОЛЖАЕТСЯ.

ПОДПИСНАЯ ЦЕНА: на 1 мес.—1 р. 50 к., на 3 мес.—4 р. 25 к., на 6 мес.—8 р., на 12 мес.—15 руб.